

ISSN 2073-6401

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Философия. Социология. Искусствоведение»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Philosophy. Sociology. Art Studies”

Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

1
2021

VESTNIK RGGU. Seriya "Filosofiya. Sociologiya. Iskuststvovedenie"

RSUH/RGGU BULLETIN. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series Academic Journal

There are 4 issues of printed version of the journal a year

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series is included: in the system of the Russian Science Citation Index (RISC); in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the essential research findings of dissertations for the Ph.D. and Dr. degree in the following scientific specialties and the branches of science corresponding to them should be published:

09.00.00 Philosophy:

09.00.03 History of philosophy

09.00.11 Social philosophy

17.00.00 Art Studies:

17.00.03 Film, television and other screen arts

17.00.04 Fine and decorative-applied arts and architecture

17.00.09 Theory and history of art

22.00.00 Sociology:

22.00.01 Theory, Methodology and history of sociology

22.00.04 Social structure, social institutions and processes

22.00.06 Sociology of Culture

Goals of the journal: representation of the newest research findings in the fields of philosophy, sociology, and art studies which have undoubted theoretical and practical significance and which are promising for the research development in that field and for its state as a whole.

Objectives of the journal: realization and development of examination of scientific articles, using the advanced modern interdisciplinary and complex approaches; representation of the most paradigmatic achievements in the fields that are significant for the progress of science and suitable for implementation into the educational process as the examples of proper scientific work; attracting new authors, researchers showing a high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of the academic and university science; translation of scientific experience between the generations and institutions.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61882 of 25.05.2015. Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-73403 of 03.08.2018.

Editorial staff office: bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993

Philosophy – Anna I. Reznichenko, annarezn@yandex.ru

Sociology – Olga V. Kitaitseva, olga_kitaitseva@mail.ru

Art Studies – Aleksandr V. Markov, vestnik-art@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

09.00.00 Философия:

09.00.03 История философии

09.00.11 Социальная философия

17.00.00 Искусствоведение:

17.00.03 Кино-, теле- и другие экранные искусства

17.00.04 Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура

17.00.09 Теория и история искусства

22.00.00 Социология:

22.00.01 Теория, методология и история социологии

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

22.00.06 Социология культуры

Цель журнала: представление новейших результатов исследований в области философии, социологии и искусствоведения, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этой области и для состояния отрасли.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее парадигматичных достижений отраслей, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и вузовской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-61882 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73403 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6

Философия – Анна Игоревна Резниченко, annarezn@yandex.ru

Социология – Ольга Вячеславовна Китайцева, olga_kitaitseva@mail.ru

Искусствоведение – Александр Викторович Марков, vestnik-art@rggu.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

Toschenko Zhan T., Dr. of Sci. (Sociology), professor, RAS corresponding member, head, Department of the Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Editorial Board

De Bardeleben Joan, Dr. of Sci. (Politics), professor, Director of the Institute of European, Russian and Eurasian Studies, Carleton University, Ottawa, Canada

Vargas Julio César, Cand. of Sci. (Philosophy), professor, University of Valle, Cali, Columbia

Velikaya Natalia M., Dr. of Sci. (Politics), professor, head, Department of Political Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Vinogradov Vladimir V., Dr. of Sci. (Art History), Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Vdovichenko Larisa N., Dr. of Sci. (Sociology), professor of the Department of Political Sociology, dean, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy chief editor*)

Wiatr Jerzy Jozef, Dr. of Sci. (Sociology), professor, University of Warsaw, Warsaw, Poland

Gubin Valery D., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, head, Department of History of Foreign Philosophy, dean, Faculty of Philosophy, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Zvegintseva Irina A., Dr. of Sci. (Art History), professor, Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Kalugina Olga V., Dr. of Sci. (Art History), professor, Department of Cinema and Modern Art, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Kitaitseva Olga V., Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Department of Applied Sociology, the Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Kolotaev Vladimir A., Dr. of Sci. (Philology), professor, dean, Faculty of the History of Art, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy chief editor*)

Konacheva Svetlana A., Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Limanskaya Lyudmila Yu., Dr. of Sci. (Art History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Dieter Lohmar, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Köln, Köln, Germany

Malinina Tatyana G., Dr. of Sci. (Art History), Research Institute of Theory and History of Arts, Russian Academy of Arts, Moscow, Russia

Markov Aleksandr V., Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Molchanov Victor I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Nowak Piotr, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Białystok, Poland
Rapic Smail, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Wuppertal University, Wuppertal, Germany
Reznichenko Anna I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy chief editor*)
Masamichi Sasaki, Dr. of Sci. (Sociology), professor of sociology, Chuo University, Tokyo, Japan
Sipovskaya Natalia V., Cand. of Sci. (Art History), State Institute for Art Studies, Moscow, Russia
Fomin Valery I., Dr. of Sci. (Art History), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia
Tsyrkun Nina A., Dr. of Sci. (Art History), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia
Shevchenko Irina O., Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Shtein Sergey Yu., Cand. of Sci. (Art History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Executives editors:

O.V. Kitaitseva, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, RSUH
E.A. Kolosova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, RSUH
A.V. Markov, Dr. of Sci. (Philology), professor, RSUH
A.I. Reznichenko, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, RSUH
I.O. Shevchenko, Cand. of Sci. (History), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Ж.Т. Тощенко, доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Дж. Де Барделебен, доктор политических наук, профессор, Карлтонский университет, Канада

Х.Ц. Варгас, кандидат философских наук, Университет Валле, Колумбия

Н.М. Великая, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.В. Виноградов, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

Л.Н. Вдовиченко, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Е. Вятр, доктор политических наук, профессор, Варшавский университет, Республика Польша

В.Д. Губин, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

И.А. Звезницева, доктор искусствоведения, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

О.В. Калугина, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Китайцева, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.А. Колотаев, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

С.А. Коначева, доктор философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.Ю. Лиманская, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Д. Ломар, доктор философских наук, профессор, Кёльнский университет, Кёльн, ФРГ

Т.Г. Малинина, доктор искусствоведения, НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, Москва, Российская Федерация

- А.В. Марков*, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Молчанов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- П. Новак*, доктор философских наук, профессор, Белостокский университет, Республика Польша
- С. Рапич*, доктор философских наук, профессор, Университет Вупперталя, Вупперталь, ФРГ
- А.И. Резниченко*, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)
- М. Сасаки*, доктор политических наук, профессор, Университет Чуо, Токио, Япония
- Н.В. Ситовская*, кандидат искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Москва, Российская Федерация
- В.И. Фомин*, доктор искусствоведения, профессор, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация
- Н.А. Цыркун*, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация
- И.О. Шевченко*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Штейн*, кандидат искусствоведения, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск:

- О.В. Китайцева*, кандидат социологических наук, доцент, РГГУ
- Е.А. Колосова*, кандидат социологических наук, доцент, РГГУ
- А.В. Марков*, доктор филологических наук, профессор, РГГУ
- А.И. Резниченко*, доктор философских наук, профессор, РГГУ
- И.О. Шевченко*, кандидат исторических наук, доцент, РГГУ

CONTENTS

Philosophy. History of Philosophy

<i>Fr. Stefano Caprio</i> Symbol and reality in the views of Vyacheslav Ivanov	10
<i>Aleksandr V. Markov</i> Angelology in the Russian intellectual history. Several pages	22
<i>Tat'yana V. Levina</i> “Outboard the Absolute”. The critique of Kant in Avant-Garde’s epoch	36
<i>Ivan S. Kurilovich</i> The Crucified God at the basis of modern European science and sources of internalist antipositivism. Article three: Hegel	54

Sociology: theoretical and empirical researches

<i>Nataliya M. Velikaya, Irina S. Shushpanova, Vladimir A. Afanas'ev</i> The image of the future in the mass consciousness of citizens as a factor of sustainable socio-political development of society	64
<i>Irina P. Popova</i> Career capital. Conceptual approaches	78
<i>Ekaterina I. Makarenko</i> Present types of inventive activity of the technical intelligentsia	89
<i>Svyatoslav I. Prokhorov</i> Formation of a creative space in a modern city	100
<i>Tamara K. Rostovskaya, Natal'ya A. Bezverbnaya</i> Rising domestic violence during emergencies and the COVID-19 pandemic	111

Art Studies

<i>Aleksandr A. Burganov</i> Iconography of liturgical compositions in the painting program Kronstadt st. Nicholas Naval Cathedral	124
<i>Tat'yana G. Malinina</i> Tragic humanism traits in the Soviet monumental art of the 1940s	137

СОДЕРЖАНИЕ

Философия. История философии

<i>Свящ. Стефано Каприо</i> Символ и реальность у Вячеслава Иванова	10
<i>Александр В. Марков</i> Ангелология в русской интеллектуальной истории: несколько эпизодов	22
<i>Татьяна В. Левина</i> «За бортом абсолюта»: критика Канта в эпоху авангарда	36
<i>Иван С. Курилович</i> Бог распятый в основании новоевропейской науки и источники интерналистского антипозитивизма. Статья третья: Гегель	54

Социология: теоретические и эмпирические исследования

<i>Наталья М. Великая, Ирина С. Шуштанова, Владимир А. Афанасьев</i> Образ будущего в массовом сознании граждан как фактор устойчивого социально-политического развития общества	64
<i>Ирина П. Попова</i> Карьерный капитал: концептуальные подходы	78
<i>Екатерина И. Макаренко</i> Современные виды изобретательской активности технической интеллигенции	89
<i>Святослав И. Прохоров</i> Формирование креативного пространства в современном мегаполисе	100
<i>Тамара К. Ростовская, Наталья А. Безвербная</i> Рост семейного насилия во время чрезвычайных ситуаций и пандемии COVID-19	111

Искусствоведение

<i>Александр А. Бурганов</i> Иконография литургических композиций в программе росписи Никольского Морского собора в Кронштадте	124
<i>Татьяна Г. Малинина</i> Черты трагического гуманизма в монументальном творчестве 1940-х годов	137

Философия. История философии

УДК 117

DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-10-21

Символ и реальность у Вячеслава Иванова

Свящ. Стефано Каприо

Папский Восточный Институт, Рим, Италия,

stefanocaprio@hotmail.com

Аннотация. Совпадение символа с реальностью – древний вопрос, который в символизме Вячеслава Иванова вновь предлагается как абсолютно актуальный в начале XX века и тем более сегодня, в третьем тысячелетии. Размышления Иванова о «форме» начинаются с мистических поисков «внутренней формы», характеризующей историю символистского движения и в целом всего Серебряного века русской культуры. Общее настроение привело к изменению культурных и социальных форм и в то же время к повторному открытию источников и подлинной природы русской души, ее поэтических и литературных, а также богословских и церковных выражений. Союз души и тела, бытия и сущности в движении реальности – это встреча божественного и человеческого, которая придает смысл существованию вселенной. Это движение «Кормчих Звезд» (название первого сборника стихов Иванова). Вера – это не отрицание силы, как утверждал Ницше, а акт, в котором вся сила бытия выражается в форме живых существ. В эпоху постмодерна возражение Ницше принимает еще более радикальную и нигилистическую форму, для которой нет единства между формой и материей, поскольку исключается сущность и того, и другого: не отрицается божественное происхождение каждого существа, бытие каждой реальности отрицается. Поэтому более чем когда-либо необходимо заново открыть смысл существования вещей, не для того, чтобы спасти божественное, но для того, чтобы полностью не потерять человеческое.

Ключевые слова: символ, реальность, форма, материя, энергия, Серебряный век, Вячеслав Иванов, Владимир Соловьев

Для цитирования: Каприо С., свящ. Символ и реальность у Вячеслава Иванова // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 1. С. 10–21. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-10-21

Symbol and reality in the views of Vyacheslav Ivanov

Fr. Stefano Caprio

*Pontifical Oriental Institute, Rome, Italy,
stefanomcaprio@hotmail.com*

Abstract. The coincidence of the symbol with reality is an ancient question, which in Vyacheslav Ivanov's symbolism is re-proposed as absolutely current, at the beginning of the 20th century and even more so today, in the third millennium. Ivanov's reflection on "form" begins with the mystical search for the "inner form" that characterized the history of the Symbolist movement, and in general of the whole "silver century" of Russian culture. The common sentiment led to changing the cultural and social forms, and at the same time to the rediscovery of the sources and the authentic nature of the Russian soul and its poetic and literary expressions, but also theological and ecclesial ones. The union of soul and body, of being and essence, in the movement of reality is the encounter of the divine and the human, which gives meaning to the existence of the universe: it is the movement of the "Stars Nocchieri [Pilot Stars]", title of the first collection of poems by Ivanov. Faith is not a denial of power, as Nietzsche argued, but it is the act in which the whole power of being manifests itself in the form of living beings. In the post-modern era, the Nietzschean objection is taken up in an even more radical and nihilistic form, for which there is no unity between form and matter, since the essence of both one and the other is excluded: the divine origin of every being is not denied, the being of every reality is denied. It is therefore more necessary than ever to rediscover the meaning of the existence of things, not to save the divine, but not to completely lose the human.

Keywords: symbol, reality, form, material, energy, Silver Age, Vyacheslav Ivanov, Vladimir Solov'ev

For citation: Caprio, S., Fr. (2021), "Symbol and reality in the views of Vyacheslav Ivanov", RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series, no. 1, pp. 10–21, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-10-21

Совпадение символа с реальностью – древний вопрос, который в символизме Вячеслава Иванова вновь предлагается как абсолютно актуальный в начале XX в. и тем более сегодня, в третьем тысячелетии. Размышления Иванова о «форме» начинаются с мистических поисков «внутренней формы», характеризующей историю символистского движения и в целом всего Серебряного века русской культуры. Общее настроение привело к изменению культурных и социальных форм и в то же время к повторному

открытию источников и подлинной природы русской души, ее поэтических и литературных, а также богословских и церковных выражений.

Тема дискуссии касается природы искусства по отношению к тем формам, к которым стремился символизм с середины XIX в., и прежде всего знаменитого заявления Бодлера о «соответствиях» (“*correspondence*”), принципа, который вошел в историю современного искусства. Иванов отмечает, что

...некоторые радикальные художники, даже запретив «содержание» как «остаток литературы» в искусстве, посвятили себя культуре чистой формы; но это преуспело в чистой абстракции, а живое искусство – в искусственном построении¹.

Это – эстетический предмет, но также философский и религиозный: он предлагает принцип несостоятельности бытия в себе, имманентности бытия, ницшеанской «смерти Бога», против которого направлен именно «реалистический символизм» Иванова. По словам Иванова, идеалистические символисты, «которые прежде всего касались непосредственности выражения», не выражают, однако, ничего, кроме «смутных стремлений и воли этого неисследованного я»². Его вдохновение подтверждается историко-культурными исследованиями классического мира, поэзии и греческой мифологии, а также русской мистической традицией, которая по своему происхождению отличается от неоплатонического византийского синтеза не меньше, чем от латинской схоластики, хотя опирается на оба источника. Неудивительно, что художественное выражение, а не философские размышления или догматическое различие, часто является категорией, с помощью которой русская культура лучше всего выражает свою самобытность.

Иванов ссылается на поэзию и литературу, но также и на фигуративное искусство, именно в тот период, когда русская культура вновь открывает традиционную символику иконы, как в трудах

¹ *Иванов В.* Forma formans e forma formata. Часть I // Электронный архив Вяч. Иванова (Рим). Оп. 2. Карт. 23. “FORMA FORMANS E FORMA FORMATA” («ФОРМА ЗИЖДУЩАЯ И ФОРМА СОЗИЖДЕННАЯ»). Статья. Части I–III. [1940-е]. На итал. яз. Автограф и машинопись со правкой чернилами [Электронный ресурс]. URL: <http://www.v-ivanov.it/archiv/op2-k23.htm> (дата обращения 1 мая 2020). Все переводы с итальянского выполнены автором статьи.

² Там же. Часть II [Электронный ресурс]. URL: <http://www.v-ivanov.it/archiv/op2-k23.htm> (дата обращения 1 мая 2020).

Флоренского³ или в статье «Умозрение в красках» Е. Трубецкого⁴. Верный своему классическому образованию и традициям эпохи Возрождения, Иванов находит условия раскрытия первоначальной формы как подлинную реализацию внутренней формы искусства в статье 1908 г. «Две стихии в современном символизме»:

Так, Фидий соблазняет эллинов признать сотворенного им Зевса истинною иконою олимпийской красоты; и поскольку народное мнение было согласно в том, что видевший Фидиев кумир уже не может более быть несчастным в жизни, то есть, другими словами, лицемерием этого лика стал почти равен, по освящающему значению испытанного им блаженного созерцания, по могущественной и благодатной силе им пережитого, тем посвященным, которые зрели свет элевсинских таинств, навсегда делающих человека беспечальным, – поскольку, чрез много веков после Фидия, мнение флорентийской общины было согласно в том, что воистину лик Богоматери явлен миру кистою Чимабуэ, – постольку искусство еще служит целям правого ознаменования, и художник еще женственно-восприимчив к откровению, воплотившемуся в религиозном сознании народа⁵.

Комментируя размышления Иванова о символе, в частности через изображения, Р. Берд отмечает, что

Иванов отождествляет человека с иконой, и может показаться, что он вообще сводит человеческое бытие к изобразительности: мы не столько *живем*, сколько *изображаем из себя*. Во-вторых, мы видим, что отдельные иконы и изображения должны расплавиться, чтобы выявить истинный Лик, истинное изображение, но и это все-таки изображение [Бёрд 2016, с. 195].

Таким образом, искусство раскрывает реальное измерение сотворенного существа как образ архетипа, иначе неумолимо отделенного от онтологической диспропорции. В текстах Иванова, по словам Берда, символом является «двойная проекция, квадратное представление», где икона самоуничтожается, чтобы освободить место для подлинной Иконы.

³ *Флоренский П.А.* Иконостас: Избранные труды по искусству. СПб.: Мифрил, 1993. 365 с.

⁴ *Трубецкой Е.Н.* Умозрение в красках. М.: Тип. товарищества И.Д. Сытина, 1916. 44 с.

⁵ *Иванов В.И.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2 / Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт, Брюссель, 1974. С. 541.

Это, однако, не «внешнее проецирование» самого себя, но, как удачно определяет Берд, – «внутреннее *свидетельство о том, что остается невидимым, неслышимым или неосязаемым* в вещественном произведении искусства и в человеке» [Бёрд 2016, с. 197]. Как и в картинах Леонардо да Винчи, палец, указывающий за край изображения, будет указателем для расшифровки символической ценности искусства, или в «Преображении» Рафаэля художник отрицает себя, чтобы вызвать движение, перемещающее само изображение за пределы видимого. Тот же автор «Сикстинской мадонны», одной из самых комментируемых русскими авторами картин (к примеру, С. Булгаковым), пишет, по Берду, «секретную музыку, гармонию небесных сил, движущуюся мелодию».

Именно в те годы, незадолго до революции, возникла особая полемика вокруг так называемой ереси имяславия группы русских монахов на Афоне во главе с игуменом Антонием (Булатовичем), которых мистическая интуиция ст. Илариона (Домрачёва) и его книга «На горах Кавказа» привели к чрезвычайным последствиям. Принцип имяславия, в котором сгущена вся русская монашеская традиция, основывался как раз на совпадении символа с реальностью, имени Бога с самой его сущностью. Эта интуиция очень близка к ивановскому «соответствию» “*forma formans*” с “*forma formata*”. Общая позиция интеллектуалов того времени в пользу имяславцев выходила далеко за рамки монашеской и церковной среды. Таких авторов, как П. Флоренский и С. Булгаков, эта ситуация вдохновила на размышления о философии и теологии имени, которые, с одной стороны, вызвали значительный интерес к новому определению богословского метода в поиске синтеза между верой и разумом, а с другой стороны, открыли горизонты, которые до сих пор в значительной степени не исследованы в переопределении самой христианской догмы. Флоренский проанализировал и использовал имяславскую историю в томе «софиологической антропологии», «У водоразделов мысли»⁶. В этом томе, помимо имяславческой

⁶ «У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики» – неоконченная книга П. Флоренского, части которой он писал с 1917 по 1926 г., но включил в нее и некоторые ранние работы. Флоренскому удалось опубликовать лишь несколько частей книги: «Общечеловеческие корни идеализма» (Богословский вестник. 1909. Т. 1. № 2–3); «Смысл идеализма» (В память столетия (1814–1914) Имп. МДА., ч. 2. Сергиев Посад, 1915; «Символическое описание» (Феникс, кн. 1. М., 1922). Издательство «Поморье» планировало печатать книгу выпусками, но эти планы не осуществились. Начиная с конца 1960-х гг. неопубликованные части книги выходят и в России, и за рубежом. В серии «Философское наследие»

«Мысли и языка», наиболее новаторским и значительным текстом является «Обратная перспектива»: перепрочтение истории искусства, работа, ознаменовавшая начало повторного открытия настоящей русской иконы. Эта «софиологическая» точка зрения, сформированная мастером символистов В. Соловьевым и упомянутая в великих прозрениях Флоренского, Булгакова, Эрна, Франка, Н. Лосского, Шестова, Бердяева и других, начиная с 1930-х гг. была отброшена в пользу нео-патристического метода, все еще доминирующего сегодня в православном богословии в целом.

В то время, когда Флоренский уже принял мученическую смерть на Соловецких островах, Иванов выбрал свое собственное римское мученичество. Он посвятил себя созданию новой модели “forma formata”, которая могла привести к идеальной форме. Эта попытка воплотилась в оригинальной «Повести о Светомире Царевиче», богословско-литературном мифе о русской душе⁷.

Римский выбор В. Иванова был продиктован не только склонностью поэта к конфессиональной встрече с католицизмом или очарованием вечного города, не только симпатией к итальянской культурной среде, в которой доминировал фашистский бред. Скорее, это неизбежный результат его духовного и интеллектуального путешествия, в котором сходятся размышления о греко-римской мифологии, защита метафизики перед лицом современного секуляризма и возвышение католической универсальности христианского послания. В 1940-х, написав и переписав статью о “Forma formans e forma formata”, он попытался достичь точки сосредоточения всех своих интуиций, превращенных в транскультурный миф о Светомире Царевиче. Философские корни этих идей можно найти в классических принципах греческой философии, которые затем отфильтровываются в греческой и латинской патристике и, наконец, в формулировках средневековой схоластики.

* * *

Аристотель в книге I «Метафизики» приписывает Платону первенство в постановке проблемы формы, говоря об идее и видах, понимая ее как сущность и причину материальных вещей и как то, что делает вещи понятными в том смысле, что это присутствие Идеи в самой вещи, несовершенной копии идеальной сущности, которая

вышли все сохранившиеся части книги: *Флоренский П.А.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1999 (Т. 3. Кн. 1, 2) [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH012ba3dee-986377b0de1772b> (дата обращения 1 мая 2020).

⁷ *Иванов В.И.* Повесть о Светомире Царевиче. М.: Ладомир, 2015. 824 с.

позволяет разуму человека понять, что это такое. Платоновская концепция о формировании вселенной, основанной на двух элементах (форме и материи), развернутая в диалоге «Тимей», была развита и углублена Аристотелем, который использовал ее для определения *ушии*, субстанции, понимаемой как неразрывный союз формы и материи.

Аристотель в работах «Физика», «Метафизика», «О Душе» не согласен с платониками, которые понимали мир идей отдельно от мира вещей. Фактически настоящий индивид не может существовать, если он не связан неразрывно с идеальной формой материи. Где бы ни присутствовала материальная реальность, присутствие формы необходимо. Форма, однако, имеет хронологический и онтологический приоритет, сначала во времени, как бытие, имеющее отношение к материи: на самом деле это и *каузальная причина* (*κίνοῦν*), та, которая делает возможным существование вещества, и *конечная причина* (*τέλος*), цель, которая придает смысл существованию самой вещи. Но, утверждает Аристотель, приоритет формы также логичен, потому что «сущностью является и материя, и форма, и то, что из них... но таковы только те части, из которых состоит понятие формы»⁸.

Два понятия – материи и формы – сообщаются у Аристотеля понятиям силы и действия. Фактически материя сама по себе выражает только возможность, силу, обретение формы в действии в реальности: для того, чтобы осознать, что то, что возможно, становится реальным, уже должна быть форма в действии, осуществленное бытие. Ясно, что переход от силы (материи) к действию (форме), составляющему становление, таков, что его можно представить как бесконечный, поскольку каждый акт становится силой для последующего акта или, что лучше, как утверждает Аристотель, будет иметь как последний предел акт, который реализовал все силы, все материальные возможности и, следовательно, больше не будет иметь никакого материального элемента (силы) сам по себе и станет *чистым актом*, Богом.

Объединение Бога и мира, разумного и чувственного, причин и форм, основано, по мнению мастеров философии, на изначальном факторе *сопричастности*. Бог и природа радикально различаются в этом союзе. Способность природы *получать* не исходит от ее собственной силы; это дар, который приходит от участия в божественной Энергии. Таким образом, творение никоим образом не обладает

⁸ *Аристотель*. Метафизика VII, 1035a (пер. А. Кубицкого) // Аристотель. Метафизика: Переводы. Комментарии. Толкования. СПб.: Алетейя, Киев: Эльга, 2002. С. 234.

для себя ни своим существом, ни своей жизнью. Они причастны Божественной энергии, которая вознаграждает их существованием, которая постоянно поддерживает их и обеспечивает становление.

В «Эннеадах» Плотина, который был проводником платонизма среди отцов Церкви, теория коммуникации бытия формулируется через первую и вечную причину, которая существует сама по себе и остается непостижимой, и одновременно расширяет бытие и жизнь в многочисленных разветвлениях. Однако здесь отсутствует основное следствие необходимого различия между неразделенной божественной Сущностью и участвующей Божественной энергией: это движение, исходящее от первой сущности Единого, которое всегда остается одним и тем же. Согласно Плотину, несмотря на их чрезвычайное разнообразие, сущности, которые берут свое существование из первого принципа, в конечном итоге отличаются только своей множественностью и распределением света, свободно рассеянного первой сущностью, а не существенным различием их природы.

* * *

Максим Исповедник, опирающийся на более раннее святоотеческое богословие, был первым, кто попытался в конце эры патристике разрешить платоническую апорию, опираясь на аристотелевские категории. Он настаивает на разделении участника и участвующего с точки зрения творения и на разнице между несотворенной Божественностью и сотворенной природой всех существ. *Сопричастие* обуславливает творческую и порождающую работу становления, непрерывно исходящую из божественной Сущности. Без сопричастия у нас нет ни мастерства создания, ни прогресса, ни совершенной квалификации каждого существа, которое его получает. Даже индивидуальные сущности сопричастны и благодаря этому сохраняют свою сущность. Тем не менее их способность сопричастовать такова, что они не могут проявить или повысить свой наличный статус сами по себе. Итак, некоторые существа принимают только *бытие*, то есть они просто существуют; другие после рождения принимают участие в жизни и движении, которое им возвращается; третьи принимают участие в разуме и достигают интеллектуального развития своей природы, и, в конце концов, они обожествляются с участием в обожествляющей Энергии божественной жизни. Поэтому мы получаем Божественную Энергию Благодати, которая создает бытие, приснобытие, благодать и премудрость. Существа участвуют в ней в соответствии с восприимчивой способностью природы каждого из них и развивают ее в соответствии с гармонией и с естественной реальностью своего существования.

Синтез Максима не смог окончательно утвердиться в христианском богословии: эволюция византийской мысли была прервана из-за арабского вторжения. Его объяснение участия в божественной сущности служило для окончательного опровержения монофелитизма, утонченного выражения ереси монофизитов. На других основаниях попытка Максима была вновь подхвачена схоластикой Фомы Аквинского, который, перечитывая Аристотеля новыми глазами, предложил величайший синтез латинского богословия и, возможно, христианского богословия в целом.

В главе V «De Ente et Essentia» Фома утверждает:

...ведь существует нечто, т. е. Бог, чья сущность есть само его бытие... Если же мы говорим, что Бог есть только бытие, то нам не следует впадать в заблуждение тех (философов), которые заявляли, что Бог есть такое всеобщее бытие, благодаря которому любая вещь существует в качестве формы... <...> Второй способ (существования сущности в субстанциях) мы обнаруживаем в сотворенных разумных субстанциях, в которых бытие есть не что иное, чем их сущность, хотя она и существует без материи⁹.

На основе этого принципа Фома отличает субстанциональную форму (*forma formans*) от случайной формы (*forma formata*) как два уровня участия в существе, которое предшествует им обоим, так что

...только из соединения их обоих возникает такое бытие, в котором вещь существует самостоятельным образом и сама по себе; из них возникает нечто само по себе единое, потому что из их соединения возникает некая сущность¹⁰.

Иванов будет говорить по этому поводу, что «Богоявление формы – это не только проявление сформированной формы, но и передача (т. е. расширение активной добродетели) формирующей формы посредством сформированной формы»¹¹.

Таким образом, в “Summa Theologica” I, Q.75, A.1, «доктор ангеликус» напоминает, что

⁹ Фома Аквинский. О сущем и сущности [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-suschem-i-suschnosti/viewer> (дата обращения 1 мая 2020).

¹⁰ Там же.

¹¹ Иванов В. Forma formans e forma formata. Часть III [Электронный ресурс]. URL: <http://www.v-ivanov.it/archiv/op2-k23.htm> (дата обращения 1 мая 2020).

...если бы существовал не движущий двигатель, это вызвало бы простое и равномерное движение, как доказывает Аристотель; и это не происходит в движении животного, которое исходит от души. Так что душа – это двигаемый двигатель, но каждый движущийся двигатель – это тело. Таким образом, душа – это тело¹²

и, следовательно,

все знания происходят через определенное сходство. Теперь не может быть, чтобы тело напоминало бестелесную реальность. Следовательно, если бы душа не была телом, она не могла бы знать материальные реальности. Должен быть некоторый контакт между двигателем и движущейся вещью, но контакт происходит только между телами. Следовательно, если душа движет телом, оно также должно быть телом¹³.

Идя по этому пути философского синтеза, лирическое и символическое богословие Вячеслава Иванова пытается развивать наиболее глубокие из его выводов. Символ – это не отрицание форм, а утверждение реальности в ее полноте, которая находит свое истинное предназначение в воплощении и воскресении Христа. Это желание, типичное для религиозной философии Серебряного века, – переосмыслить и переопределить христианскую догму в соответствии с категориями современной философии и эстетики – являлось наследием В. Соловьева.

Русские религиозные философы, начиная с того же Соловьева, пытались выразить принципы единства двух природ – божественной и человеческой – в других категориях. Это единство реализуется в воплощении Христа и единства трех личностей Святой Троицы. Различные концепции Софии, божественной Премудрости, вызваны разными интуициями, но они ведут к единой цели. У Соловьева *вечная женственность* Софии трансформирует личную и универсальную реальность (это иллюстрирует миф о Светомире Царевиче), у Флоренского божественная Премудрость укореняет тварную природу глубоко в природе Тройческого общения. Сергей Булгаков предпочитает видеть Софию Тварную как основание нового объединения рассеянной природы для соответствия Божественной Софии, которая выражает божественный замысел в вечности.

¹² *Фома Аквинский*. Сумма теологии [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-3/1_1 (дата обращения 1 мая 2020).

¹³ Там же.

Сообщая об этих «софиологических» парадигмах в эстетическом измерении, Иванов говорит о «прозрении формы», которое передает истинную сущность души:

Наше истинное понимание шедевра состоит в том, чтобы пережить в нас то действие, которое продолжает оживлять тварью после его сотворения, вдыхает ее, и распространяет вокруг себя дыхание и ритм своей тайной жизни¹⁴.

Если для Соловьева София проявляет себя как видение, которое делает человека очевидным для себя, то в его ученике искусство отличается способностью вызывать удивление, истинное чувство единения с божественным:

Это не задача художника изображать вещи такими, какими их видят все, но следить за тем, чтобы мы восхищались ими, как будто мы их впервые заметили, и мы с радостью узнаем известные и знакомые вещи, которые одновременно преобразуются и подтверждаются в их интимной собственности¹⁵.

Союз души и тела, бытия и сущности в движении реальности – это встреча божественного и человеческого, которая придает смысл существованию вселенной. Это движение «Кормчих звезд» (название первого сборника стихов Иванова, вышедшего с благословения Вл. Соловьева). Вера – это не отрицание силы, как утверждал Ницше, а акт, в котором вся сила бытия выражается в форме живых существ. В эпоху постмодерна возражение Ницше принимает еще более радикальную и нигилистическую форму, для которой нет единства между формой и материей, поскольку исключается сущность и того, и другого: не отрицается божественное происхождение каждого существа, бытие каждой реальности отрицается. Поэтому более чем когда-либо необходимо заново открыть смысл существования вещей, не для того, чтобы спасти божественное, но для того, чтобы полностью не потерять человеческое.

¹⁴ *Иванов В.* Forma formans e forma formata. Часть III [Электронный ресурс]. URL: <http://www.v-ivanov.it/archiv/op2-k23.htm> (дата обращения 1 мая 2020).

¹⁵ Там же. Часть I [Электронный ресурс]. URL: <http://www.v-ivanov.it/archiv/op2-k23.htm> (дата обращения 1 мая 2020).

Источники

- Аристотель*. Метафизика VII, 1035a (пер. А. Кубицкого) // Аристотель. Метафизика: Переводы. Комментарии. Толкования. СПб.: Алетейя, Киев: Эльга, 2002. 832 с.
- Иванов В.* Forma formans e forma formata. Ч. I–III // Электронный архив Вяч. Иванова (Рим). Оп. 2. Карг. 23. “FORMA FORMANS E FORMA FORMATA” («ФОРМА ЗИЖДУЩАЯ И ФОРМА СОЗИЖДЕННАЯ»). Статья. Ч. I–III. [1940-е]. На итал. яз. Автограф и машинопись с правкой чернилами [Электронный ресурс]. URL: <http://www.v-ivanov.it/archiv/op2-k23.htm> (дата обращения 1 мая 2020).
- Иванов В.И.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2 / Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель, 1974. 870 с.
- Иванов В.И.* Повесть о Светомире Царевиче. М.: Ладомир, 2015. 824 с.
- Трубецкой Е.Н.* Умозрение в красках. Вопрос о смысле жизни в древнерус. религ. живописи: Публ. лекция. М.: Тип. И.Д. Сытин, 1916. 44 с.
- Флоренский П.А.* Иконостас: Избранные труды по искусству. СПб.: Мифрил: Русская книга, 1993. 365 с.

Литература

- Бёрд Р.* Символ и печать у Вячеслава Иванова (Запись выступления) // В. Иванов: pro et contra. Личность и творчество Вячеслава Иванова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология: В 2 т. Т. 2. СПб.: РХГА, 2016. С. 193–218.

References

- Bird, R. (2016), “Symbol and Seal by Vyacheslav Ivanov (A Report Record)”, *V. Ivanov: pro et contra. Lichnost i tvorchestvo Vyacheslava Ivanova v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei. Antologiya* [V. Ivanov: pro et contra. The personality and works of Vyacheslav Ivanov in the assessment of Russian and foreign thinkers and researchers. Anthology], vol. 2, RKhGA, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Стефано Каприо, свящ., профессор теологии, Папский Восточный Институт, Пьяцца Санта Мария Маджоре, 7, 00185, Рим, Италия; stefanomcaprio@hotmail.com

Information about the author

Stefano Caprio, Fr., Dr. hab. in Theology, Pontifical Oriental Institute, piazza Santa Maria Maggiore, 7, 00185, Rome, Italy, stefanomcaprio@hotmail.com

УДК 2-1

DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-22-35

Ангелология в русской интеллектуальной истории: несколько эпизодов

Александр В. Марков

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, markovius@gmail.com*

Аннотация. Размышления о природе ангелов в русской религиозной философии неотделимы от политической теологии и рефлексии над научно-техническими достижениями. В статье на основании трудов прежде всего Н. Болдырева, А. Лосева и С. Аверинцева доказывается, что учение об ангелах должно было одухотворить технический прогресс и одновременно сохранить гуманитарную культуру в области символическо-математических спекуляций. Поэтому русская ангелология диалогична и противоречива: она опирается на герменевтику символа, при этом символика рассматривается как часть интеллектуального производства, параллельного техническому изобретательству. Показывается, как именно рецепция идей, связанных с параметрами восприятия и определенный стиль интеллектуального рассуждения позволили выделить вопросы об ангелах в отдельную область философской проблематизации. Соответственно, исследование того, как именно данные вопросы мыслились как автономные, позволяет уточнить, как русская мысль могла утверждать автономию порядков философских рассуждений.

Ключевые слова: русская религиозная философия, ангелы, метафизика, А. Лосев, Н. Болдырев, С. Аверинцев, ангел-хранитель, политическая теология

Для цитирования: Марков А.В. Ангелология в русской интеллектуальной истории: несколько эпизодов // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 1. С. 22–35. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-22-35

Angelology in the Russian intellectual history. Several pages

Aleksandr V. Markov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
markovius@gmail.com*

Abstract. Reflections on the nature of angels in Russian religious philosophy are inseparable from political theology and reflection on scientific and technical achievements. Based on the works of N. Boldyrev, A. Losev and S. Averintsev, the article proves that the doctrine of angels was to spiritualize technical progress and not less to preserve humanitarian culture in the field of symbolic-mathematical speculation. Therefore, Russian angelology is dialogical and controversial: it relies on the hermeneutics of a symbol, while symbolism is considered as part of intellectual production parallel to technical invention. It is proved how exactly the reception of ideas related to the parameters of perception and a certain style of intellectual reasoning made it possible to single out questions about angels into a separate area of philosophical problematization. Accordingly, the study of how exactly the questions were thought of as autonomous, makes it possible to clarify how Russian thought could assert the autonomy of orders of philosophical reasoning.

Keywords: Russian religious philosophy, angels, metaphysics, A. Losev, N. Boldyrev, S. Averintsev, guardian angel, political theology

For citation: Markov, A.V. (2021), "Angelology in the Russian intellectual history. Several pages", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1, pp. 22–35, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-22-35

В русской мысли об ангелах есть одно явное упущение: нигде не рассматривается пение ангелов, которое для русской поэзии не менее важно, чем их взгляд. Вдохновлявшая философов русская литература косвенно восходит в этом вопросе к античной риторической культуре, в которой любовь не просто с первого взгляда, но с первого звука голоса стала одним из топосов. Возможно, что этот топос – переосмысленный в целях риторического убеждения мифологический пласт, вроде эпизода с Одиссеем и сиренами. Но тем удивительнее, что несмотря на то, что «ангелы поют» – самое частое называемое в церковной поэзии действие этих существ, оно уходит из внимания русских философов, занимавшихся ангелологией. Даже А.Ф. Лосев, опирающийся на Ареопагитики, постоянно говорит о числе ангелов, их яркости, месте в мироздании, цвете, атрибутах, но не звуках. Также Сергей Булгаков в своем главном

ангелологическом труде упоминает пение ангелов только как один из аспектов их несомненной и при этом невыразимой красоты¹.

Конечно, никто не может обязать мыслить все называемые в авторитетных источниках атрибуты ангелов как предмет философского интереса. Но здесь интересно не само по себе воздержание от темы, которая в библейских и литургических источниках должна быть признана важнейшей, но то, какие двусмысленности при этом получаются. Прежде всего одно невыразимое, нескончаемое или бесконечное (природа ангелов, их число или их действия) объясняется через другое столь же невыразимое (их атрибуты, их место в мироздании или их способ действия).

В этом смысле показательна позиция А.Ф. Лосева. В начале своего труда «Первозданная сущность» он называет ангелов смысловыми потенциями, противопоставляя их божественным энергиям по признаку тварности, но не по признаку отличия потенции от энергии. Но далее в этом трактате ангелы называются уже энергиями. Если внимательно проанализировать ход рассуждения, то оказывается, что тема потенции оказывается связана с темой огня, тогда как тема энергии – с темой света. Лосев замечает, что если «свет есть смысл и форма», то огонь «вмещает в себя и силу, потенцию, мощь нарастающего и в то же время уничтожающегося бытия»². Из свойства огня порождать из себя любое бытие в мифологических и научных системах и одновременно все пожирать, Лосев выводит необходимость синтеза созидания и разрушения, а значит и ангельский мир как то, что выступает как «становящаяся потенция первоединого, этот могучий и неистощимый поток и напряженная взрывность всякого и всяческого бытия»³. Получается, что потенциал огня объясняется потенциалом бытия, причем и потенциалом его самоуничтожения, и мы можем созерцать это саморегулирование огня, понимая, в чем ангелы потенциальны.

Огонь можно считать смелой метафорой, хотя имеющей библейские основания. Казалось бы, мистика света и понимание света как энергии достаточно разработаны в том числе и самим А.Ф. Лосевым. Но при разговоре о том, как ангелы являются светом и несут свет, опять неизвестное объясняется через еще более неизвестное:

¹ Булгаков Сергей. Лествица Иаковля: Об ангелах. Париж, 1929. С. 112.

² Лосев А.Ф. Первозданная сущность // Лосев А.Ф. Избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы. СПб.: Алетей, 1997. С. 111.

³ Там же.

Мир бесплотных сил облекает Божественную перво-сущность, со всех сторон заимствуя от нее свет и сияя, чем дальше, тем меньше, отсветом ее несокрушимой световой бездны⁴.

Получается, что свет как энергия истощается, но это объясняется тем, что световая бездна, энергичный источник энергий, не истощима, а несокрушима. Кручей своей непостижимости она возносится над тварными энергиями, которые могут только заимствовать от нее, признавая свою вторичность. Опять оказывается, что абсолютная энергия регулирует себя как бездна, как некоторое место и суть абсолютных событий, опять поток и несокрушимый взрыв, благодаря чему мы и понимаем, в чем ангелы энергичны.

Такие образы не вполне отвечают изложению основного учения А.Ф. Лосева об ангелах как о конструктивном начале бытия, вроде чисел или пропорций, возникающего диалектически как инобытие Абсолюта. Ведь конструкция подразумевает некоторую собственную устойчивость, независимо от того, приписываем ли мы ее порядку вещей или воспринимаем как условие, позволяющее мыслить вещи:

Бесплотные силы, как идея всего дальнейшего инобытия, осмысливают и оформляют все инобытие, и потому учение об Ангеле-Хранителе является совершенно элементарной диалектической необходимостью⁵.

Такое объяснение неизвестного через неизвестное мы встречаем у дальнейших специалистов по русской ангелологии, скажем, у Аверинцева, в общих чертах следующего Лосеву:

Жизнь ангелов не является полностью отрешенной от времени, поскольку они не обладают неизменностью Бога, как это очевидно из факта отпадения тех ангелов, которые стали бесами. Но непрерывной текучести присущей всему земному и, в частности, человеческой психологии, бытие ангелов не знает, и потому их выбор обладает свойством окончательности⁶.

Получается, что время описывается как изменчивость, но эта изменчивость объясняется как постоянная текучесть, психоло-

⁴ Там же. С. 108.

⁵ Там же. С. 102.

⁶ *Аверинцев С.С.* Ангелы // Аверинцев С.С. София-Логос / Ред. К. Сигов. Киев, 2001. С. 29.

гическая саморегуляция наших переживаний. Но это не саморегуляция, порождающая или схватывающая новые возможности психических состояний, но только некоторый способ обживания человека времени, и поэтому отражается в бытии ангелов только тем, что они не могут ужиться во времени, а только соотносятся с ним так, что эта неуживчивость делает покорных ангелов ангелами людей, вещей и событий, а непокорных – бесами.

Также Аверинцев, со ссылкой на Иоанна Златоуста (без указания сочинения), говорит, что число ангелов представляет собой актуальную бесконечность. Флоренский, введший это понятие математики Кантора в богословие [Левина 2018], имел в виду исключительно вопросы богопознания, а не познание ангелов. Получается, что Аверинцев опять же отождествляет бесконечность и беспредельность, видя в бытии отдельного ангела те возможности умножения, которые объясняются только необъяснимой божественной милостью и прочими свойствами.

Таким образом, русская ангелология представляет собой не столько интерпретацию библейского откровения или созерцание некоторых условий созерцания, но спекуляцию вокруг того, как может работать система доводов, построенная на непостижимых и всякий раз специально расшифровываемых предпосылках. Поэтому тема ангельского пения в этой мысли не встречается: пение всегда слишком прямое самовыражение, там расшифровывать особо нечего. Но как именно возникла такая спекулятивная ангелология, и какой вклад в ее становление внес дух новой науки?

Представление о том, что человека отличает как от животных, так и от духовных существ наличие социальной речи и социального планирования, нормативно в западной культуре благодаря началу «Политики» Аристотеля и вариаций на ее тему, таких как «О народном красноречии» Данте. В таком понимании для ангелов не существует прямой границы между взглядом, словом и действием, они возвещают волю Всевышнего, не оглядываясь на возможные границы своей сотворенности или духовной телесности. Вопрос вроде того, телесны ли ангелы, в данной системе ставился совсем иначе, чем, скажем, в споре Игнатия Брянчанинова и Феофана Затворника (уже рассуждавших внутри *framework* новой физики), даже в Византии он ставился исходя из скорости и степени преданности служению, с опорой на математические идеи и здравый смысл [Ларионов 2008].

Кризис такого антропоцентризма в определении ангелов начинается в позднем Возрождении, когда ставится вопрос не только о специальных речевых (что было уже у Данте и Николая Кузанского [Базулева 2011]), но и о специальных когнитивных способностях

животных и ангелов, в отличие от людей, вопрос о «родах разумных существ», в котором люди, как и ангелы – только один из родов. Уже Лоренцо Валла утверждает, что роды надо понимать не по членениям наблюдаемой природы, как Аристотель, но по способности к действию, а знаменитый Т. Кампанелла как раз рассматривает музыкальность ангелов, по контрасту с нашей музыкальностью⁷. Мы воспринимаем гармонию на фоне дисгармонии, примерно так же, как ощущаем приятный запах благодаря тому, что прежде чувствовали вонь, тогда как ангелы и планеты пользуются заранее установленной гармонией. Кампанелла противопоставляет свой подход платонизму, в котором гармония мыслилась по аналогии со знакомой человеку музыкой. Кампанелла считает, что сами наши понятия о гармонии – только регулирующий момент, в сравнении с саморегуляцией в божественном мире, в котором нет никакой борьбы противоположностей – ничего не может быть противопоставлено Богу, потому что ничего не должно противиться Богу.

Учитель Павла Флоренского архимандрит Серапион Машкин попытался объяснить, как соотносятся единое и многое на примере слушания музыки. Когда мы слушаем музыку, мы настолько увлечены звучанием, что уходим от многообразия явлений в область строго абстрактную. Но при этом мы не можем стать созерцателями музыки, вообще не можем достичь состояния чистого созерцания как слушатели музыки, так как любой новый момент звучания, присоединяясь к предыдущему моменту, его опровергает.

Казалось бы, можно создать музыку из одного звука. Но Машкин замечает, что такая музыка не сделает нас все равно созерцателями, потому что она не совладает с нашей привычкой спать, иначе говоря, с нашим мечтательством, к которому мы предрасположены самой физиологией, а ангелы явно не предрасположены:

Углубимся в единый звук, ноту, взятую, например, на физическом инструменте «сирене». Слушая одну сложную и дрящуюся ноту, мы можем прийти к состоянию моноидеизма, близкого ко сну. Все эти средства, следовательно, не достигают цели: созерцать о д н о⁸.

Сирена, генератор тона, была лишена влияния физических условий на амплитуду звучания, всех эффектов «дрожащей струны». Единственной причиной звука оказывается не состояние инструмента в данный момент, но подача воздуха, иначе говоря,

⁷ *Campanella Tommaso. Le creature sovranaturali. Roma, 1970. P. 25.*

⁸ *Машкин Серапион. Система философии // Символ (Париж–Москва). 2016. № 67. С. 312.*

звук лишается иконичности, когда состояние инструмента, его дрожь или обертоны, позволяет пережить смысл каждой ноты. Вместо этого звук просто отвечает настрою нашего слуха, и если мы при слушании впадаем в некоторый сон, то оказываемся только инструментами переживаний, а не субъектами суждений. В каком-то смысле это похоже на ускорение ангельского челна в Чистилище Данте, что недавно было хорошо раскрыто в комментарии О.А. Седаковой [Седакова 2017].

Скорее всего, Серапион Машкин имел в виду «двойную сирену», созданную знаменитым физиологом Гельмгольцем [Белявский 2013, с. 60]. Гельмгольц исследовал, как устроена наша реакция на звуковой стимул, и понял, что нервная реакция относится не только к воздействию воздушной звуковой волны на барабанную перепонку, но и к звучанию в сосуде уха, от которого зависит напряжение барабанной перепонки. Гельмгольц понял, что эксперименты с восприятием однотонного звука при простом его порождении каким-то прибором всегда дадут искажения, так как звук сначала будет настраивать слуховой аппарат человека, а уже потом будет воспринят. О таких искажениях в те времена думали много, отчасти из-за открытия скоростного передвижения, искажавшего тон привычных звуков (например, гудок несущегося паровоза имеет различный тон при восприятии с паровоза или с земли), отчасти из-за процессов, происходивших в самой музыке.

Двойная сирена Гельмгольца представляла собой механический синтезатор, в котором тон менялся на ходу, совершенно как меняется тон паровозного гудка при его восприятии. Но достигалось это не перемещением прибора, а особым воздушным резонансом двух вращающихся барабанов. Именно такое устройство и могло вгонять в сон: дело не в том, что звук был однообразным, а что само движение звука вызывало изменение звука еще прежде, чем нервную реакцию на него.

Дальше проблема единства и множества в связи с критикой ассоциативного мышления решалась не только Флоренским и Лосевым. В 1935 г. в Харбине вышла работа Д.В. Болдырева «Знание и бытие», сам автор, некогда сподвижник Колчака, преподаватель Пермского университета, не дожидаясь выхода книги из типографии. Болдырев воевал против психологического импрессионизма, против любых представлений о познании как прибавлении новых ассоциаций к старым. «И самый яркий, и самый развлекающий из них [предрассудков] – психология», как сказал Б.Л. Пастернак в «Детстве Люверс»⁹. Болдырев заметил, что кроме того, что мы

⁹ Пастернак Б.Л. Детство Люверс / Ред. В. Абашев. Пермь, 2018. С. 10.

различаем передний и задний план, мы можем и уточнить относительные расстояния, если между передним и задним планом оказывается еще один:

Они [горы] отодвинутся на более отдаленный план, если между ними и глазом появится какая-нибудь промежуточная веха, данная в иной, более сильной степени, чем они, – например, деревушка или нить телеграфных столбов¹⁰.

Наше зрение оказывается слишком волюнтаристским, скрадывающим расстояния, тогда как промежуточная веха и позволяет впечатлению сделаться знанием. При этом интересно, что по сути речь идет о рассмотрении не любых объектов, но впечатляющих объектов. Исходя из такого понимания познания как ориентирования между передним и задним планом, Болдырев вводит новое понимание фантазии, порывая с любыми ее психологическими трактовками как смешения впечатлений, но требуя выделять тоже в ней разные планы и промежуточные состояния. Согласно Болдыреву, фантазия происходит из того, что по-настоящему нас могут впечатлить только невероятные события, но признать простую невероятность события означает просто покориться ему и перестать познавать. Поэтому мы начинаем всячески измерять невероятное: например, придумываем химеру, чтобы измерить расстояние от плана нашего существования до плана животного мира.

Но тогда сразу возникает вопрос: как возможно достоверное познание? Достоверным будет только соотнесение всех вещей с каким-то единым принципом, из-за чего мы и перестаем поддаваться как готовым впечатлениям, так и готовым соображениям-предрассудкам. И как только мы соотносим все вещи с одним принципом, мы либо становимся на сторону вещей, и тогда превращаемся в художников, быстро растрачивающих свои силы, либо на сторону принципа, и тогда превращаемся в подвижников, которые и объясняют своими словами и поступками, как нужно правильно соотносить вещи, и берут тем самым на себя огромную тяготу.

Такое представление о подвижничестве как о тяготе было обычным для харбинского монархизма. Ведь в таком случае монарх брал на себя наибольшую тяготу, но именно благодаря тому, что он – единый принцип социального устройства, он созерцает не только то, какие вещи есть, но и какими они могут быть, и тем самым прокладывает дорогу новым духовным возможностям

¹⁰ Болдырев Н.В., Болдырев Д.В. Смысл истории и революция. М.: Изд. журн. «Москва», 2001. С. 371.

страны. Такова историософия (мы бы сейчас сказали, оглядываясь на Карла Шмитта: политическая теология) архимандрита Константина Зайцева, прекрасно знавшего Болдырева, хотя и не так часто на него ссылавшегося: он именно так объясняет в своих политико-теологических статьях и эссе, как из тяглогового характера Московской Руси выросли достижения русской культуры от Пушкина до Рахманинова, при этом Петр I оказывается чем-то вроде того самого художника-растратчика, расточившего силы страны, но при этом открывшего эту эпоху высших достижений русской культуры. Болдырев говорил о «гнезде» как месте нравственных решений, которые поэтому становятся молниеносными, вопреки инертности и медлительности наших ассоциаций и соображений, таким же «гнездом», из которого вылетают молниеносные орлы, согласно Зайцеву, была Московская Русь:

О библейских легендарных империях напоминает эта грандиозная ополченская государственность, опирающаяся на молниеносно-быстрые службы: разведочную и оповестительную, связывавшие Москву с далеко выброшенными в степь передовыми постами¹¹.

Мысль об ангелах – покровителях государств отмечалась и Аверинцевым в указанном сочинении, со ссылкой на поэзию Вячеслава Иванова. Но Болдырев не мог бы ограничиться только восхищением той молнией, которая справилась с учреждением государства. По Болдыреву, можно запустить движение, которое, выражая вездеприсутствие вещи, и даст новую свободу в такой драматической ситуации. Архимандрит Константин мог бы признать подобное движение в реформах Петра, но Петра он недолюбливал, хотя и любил послепетровскую аристократию. Это движение, стремительно развернув вещь, которая и так везде есть, отовсюду видна и слышна, и хоть с чем-то ассоциируется и перекликается, освобождает нас от приблизительности. Болдырев считал все наше познание приблизительным, потому что мы ощущаем, не до конца соприкасаясь, даже ощупывание не есть еще проникновение, но только случайное совпадение некоторых точек, которые интуитивно понимают друг друга. Настоящее проникновение возможно только вещей, которые и так уже везде, которые заявили о себе так, чтобы мы могли к ним как-то определенно отнестись. Такой вещью будет любая вещь, хотя бы потому, что она нам может что-то сказать.

¹¹ *Константин (Зайцев), архим.* Чудо русской истории. М.: Форум, 2000. С. 520.

Сначала Болдырев пытался объяснить то, что не все вещи сразу призывают к себе, разной интенсивностью их присутствия: производя расчеты со временем, вещи иногда забываются и недостаточно интенсивно присутствуют везде. Но потом они вдруг начинают, напрягаясь в своих делах, рассчитывать уже с пространством, и время, ускоряясь, выводит вещи на чистую воду и делает их благодетельными для нас. Они уже не медлят в суетливом мелькании своих свойств, но делают эти свои свойства родными и знакомыми для нас. Не догадываемся мы об этом только до тех пор, пока продолжаем отождествлять прикосновение с познанием.

В русской литературе есть поэтическая ангелология, идеально иллюстрирующая эту странную тенденцию русской мысли. Это стихотворение В. Набокова «Крушение»¹².

Катастрофа Набокова – это не просто поломка пути, а действие центростремительных сил при решительном вращении железнодорожных колес. Цепляясь за прямой рельс, вдруг предавший доверие колеса, поезд срывается и летит по прямой:

Такая малость – винт некрепкий,
и вдруг под самой головой
чугун бегущий, обод цепкий
соскочит с рельсы роковой.

Загадочен финал стихотворения, видение дочери машиниста:

Там, завывая на изгибе,
стремилось сонмище колес,
и двое ангелов на гибель
громадный гнали паровоз.

И первый наблюдал за паром,
смеясь, переставлял рычаг,
сияя перистым пожаром,
в летучий взглядывался мрак.

Второй же, кочегар крылатый,
стальной чешуей блистал,
и уголь черною лопатой
он в жар без усталости метал.

¹² *Набоков В.В.* Стихи. Ann Arbor: Ardis, 1979. С. 171.

В качестве параллели к этим двум ангелам можно вспомнить два автомобиля из «Автомобилей» Ходасевича: автомобиль с белыми крыльями прозрачной памяти и автомобиль с черными крыльями забвения. Так и здесь прозорливый ангел, видящий все наперед, стоит рядом с ангелом-истопником, истребляющим пространство и время как уголь. Парадоксально, что и черный автомобиль Ходасевича, и черный ангел Набокова блистают, сияют, светят черными лучами; хотя мы привыкли понимать тьму как отсутствие света.

Кажется непонятно, благие ли эти ангелы видения, почему уничтожение блистает, а память просто видна насквозь, и почему катастрофа оказалась неминуема, несмотря на все усилия инженеров? Ответ мы неожиданно находим в учении об ангелах, восходящем к диалектике немецкого идеализма, но по большей части усвоившим Континуум-гипотезу Кантора. Конечно, с этим учением не были знакомы поэты, хотя идеи самого Кантора стали к их времени почти расхожим интеллектуальным языком, хотя бы через психоанализ с его представлениями о прерывности и непрерывности психической энергии, откуда произошел и поздний миф Фрейда об Эросе и Танатосе как необходимых линейных разрядках психической энергии (прежде всего в работе Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия»). Согласно этой гипотезе, любое подмножество бесконечности будет либо счетным, либо континуальным. Речь о трактате А.Ф. Лосева «Первозданная сущность», с которого мы начали статью и который должен был войти в «Диалектику мифа». В этом трактате Лосев выводит свойства ангелов из свойств неба, по отношению к которому, как он пытается доказать, ангелы будут одновременно и счетным, и континуальным подмножеством, в чем и состоит их духовное могущество. Для этого нужно допустить, что небо бесконечно, но при этом может быть описано в некоторых координатах, как счетная прямая: прямая окружность бесконечной длины устанавливает то равенство, в котором ангелы будут бесконечно исчисляемы, но и бесконечно непрерывны в своем бытии по отношению друг к другу:

Поэтому мир бесплотных сил, или Небо, есть такой шар, который имеет окружностью прямую линию. В умном мире всякая окружность есть прямая линия, и всякая прямая линия, если ее продолжать до бесконечности, обязательно сомкнется, превратившись в кривую и потом в окружность круга¹³.

В этом мире, по Лосеву, треугольник становится линией, шар – плоскостью. Но более того, Лосев выводит из этих свойств

¹³ Лосев А. Ф. Указ. соч. С. 114.

неба и свойства ангельского света, где и оказывается, что беспрепятственное действие ангела сияет; тогда как тень, инобытие и есть возможность этому сиянию сказаться вне:

Энергия, исходящая от самого Первоисточника всякой энергии, есть, конечно, нераздробленная целостность Смысла. Она везде равно и одинаково сияет, не встречая никаких для себя препятствий.

Мы видели, что переход световой энергии в умное инобытие ведет за собою внутрисветовую дифференциацию, т. е. явление светотени¹⁴.

Приведенная ангелология объясняет парадоксы Ходасевича и Набокова: срыв поезда – это невозможность ангельского неба, где прямая и дуга всегда равны. Один из ангелов, который прозорлив – континуум света, который не сияет, потому что это континуум памяти, континуум наблюдения. Другой ангел, мрачный ангел забвения, сияет как свет в светотени, мы можем только учитывать счастливое бытие, брать его на заметку, но не непрерывно пребывать в нем; отсюда неминуемая катастрофа. Ангелы не могут быть только в своем инобытии, как у Лосева, им приходится быть и в бытии, которое ломается, будучи не в силах поддерживать свою непрерывность.

По сути, Лосев изобразил ситуацию не ангельского мира, а европейской живописи, с ее светотенями, вырванными светом из тьмы фигурами, которые поэтому и обретают объем, как мы видим в живописи Караваджо, которая как раз в 1920-е гг. входила в обязательный канон мировой живописи [Свидерская 2001, с. 20–24]. Только обретение объема, жизни и оказывается и у Лосева, и у Ходасевича, и у Набокова возможностью реальной, а не воображаемой катастрофы.

Источники

Аверинцев С.С. Ангелы // Аверинцев С.С. София-Логос / Ред. К. Сигов. Киев, 2001. С. 28–31.

Болдырев Н.В., Болдырев Д.В. Смысл истории и революция. М.: Изд. журн. «Москва», 2001. 390 с.

Булгаков Сергей. Лестница Иаковля: Об ангелах. Париж, 1929. 229 с.

Архим. Константин (Зайцев). Чудо русской истории. М.: Форум, 2000. 863 с.

Лосев А.Ф. Первозданная сущность // Лосев А.Ф. Имя: Избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы. СПб.: Алетейя, 1997. С. 101–126.

¹⁴ Там же. С. 116.

Набоков В.В. Стихи. Ann Arbor: Ardis, 1979.

Пастернак Б.Л. Детство Люверс / Ред. В. Абашев. Пермь, 2018.

Машкин Серапион. Система философии // Символ (Париж-Москва). 2016. № 67. С. 53–612.

Campanella Tommaso. Le creature sovranaturali. Roma, 1970.

Литература

Базулева 2011 – *Базулева Т.Л.* Ангелология Николая Кузанского и средневековое богословие // *Verbum*, 2011. № 13. С. 199–204.

Белявский 2013 – *Белявский А.Г.* Теория звука в приложении к музыке. М., 2013.

Ларионов 2008 – *Ларионов А.В.* Ангелология Михаила Пселла в контексте богословских взглядов церковных писателей XI века // *Мир православия*. Вып. 7. Волгоград: Изд-во Волгоградского ун-та, 2008. С. 57–77.

Левина 2018 – *Левина Т.В.* Символ и познание: абсолютная бесконечность у Георга Кантора и Павла Флоренского // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2018. Т. 2. № 4. С. 32–50.

Свидерская 2001 – *Свидерская М.И.* Караваджо. Первый современный художник. Санкт-Петербург, 2001.

Седакова 2017 – *Седакова О.А.* Перевести Данте // *Знамя*. 2017. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2017/2/perevesti-dante.html> (дата обращения 30 марта 2021).

References

Bazuleva, T.L. (2011), “Angelology of Nicholas of Kues and medieval theology”, *Verbum*, no. 13, pp. 199–204.

Belyavskii, A.G. (2013), *Teoriya zvuka v prilozhenii k muzyke* [Sound theory as applied to music], Moscow, Russia.

Larionov, A.V. (2008), “Angelology of Michael Psellus in the context of theological views of the church writers of the 11th century”, *Mir pravoslaviya*, iss. 7, Volgograd, Russia, pp. 57–77.

Levina, T.V. (2018), “Symbol and knowledge. ‘Absolute infinity’ in Georg Cantor and Pavel Florensky’s works”, *Philosophy. Journal of Higher School of Economics*, vol. 2, no. 4, pp. 32–50.

Sviderskaya, M.I. (2001), *Karavadzho. Pervyi sovremennyyi khudozhnik* [Caravaggio. The first contemporary artist], Saint Petersburg, Russia.

Sedakova, O.A. (2017), “Translating Dante”, *Znamiya*, no. 2, available at: <https://magazines.gorky.media/znamia/2017/2/perevesti-dante.html> (Accessed 30 March 2021).

Информация об авторе

Александр В. Марков, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; markovius@gmail.com

Information about the author

Aleksandr V. Markov, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; markovius@gmail.com

«За бортом абсолюта»:
критика Канта в эпоху авангарда

Татьяна В. Левина

*Свободный университет, Вентспилс, Латвия,
levinatat@gmail.com*

Аннотация. В своем трактате по супрематизму Казимир Малевич критикует трансцендентализм и противопоставляет его трансценденции. Малевич критически относится к трансцендентальной парадигме, так как, по сути, оказывается платоником. Павел Флоренский также критикует трансцендентализм – по времени это предшествует Малевичу. Флоренский рассматривает Канта укорененным в «человеческой» перспективе и противопоставляет его Платону. Предложение Флоренского, как и позже Малевича, состоит в том, чтобы вернуть трансцендентное. Если мы сравним работы по эстетике Флоренского и по теории нового искусства у Малевича, то увидим, что оба автора критикуют иллюзионистичность перспективы и европейской живописи.

Флоренский продолжил концепцию «обратной перспективы» в иконописи. Малевич утверждал, что его соратники чувствовали теснейшую связь с иконой. Также известно, что и Флоренский, и Малевич преподавали в художественных институтах (ГИНХУК и ВХУТЕМАС), занимались работой по охране культурного наследия. Важно сопоставить эти фигуры в различных ипостасях их деятельности для того, чтобы выявить черты, присущие эпохе революции.

Ключевые слова: Кант, Малевич, обратная перспектива, платонизм, супрематизм, трансцендентализм, трансцендентное, Флоренский

Для цитирования: Левина Т.В. «За бортом абсолюта»: критика Канта в эпоху авангарда // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 1. С. 36–53. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-36-53

“Overboard from Absolute”. The critique of Kant in Avant-Garde’s Epoch

Tat’yana V. Levina

Free University, Ventspils, Latvia, levinatat@gmail.com

Abstract. In his treatise on Suprematism, Kazimir Malevich criticises transcendentalism and contrasts it with transcendence. Malevich is critical of the transcendental paradigm, as he essentially turns out to be a platonist. Pavel Florensky also criticizes transcendentalism – that precedes Malevich in time.

Florensky views Kant as rooted in a “human” perspective and matches him with Plato. Florensky’s proposal, like Malevich’s later, is to return the transcendent. By comparing Florensky’s work on aesthetics and Malevich’s theory of new art, one sees that both authors criticize the illusionistic character of perspective and European painting.

Florensky continued the concept of “reverse perspective” in iconography. Malevich argued that his fellows felt a close connection to the icon. It is also known that both Florensky and Malevich taught at art institutes (GINHUK and VKhUTEMAS) and worked to protect cultural heritage. In the theoretical works on metaphysics and art, the positions of Malevich and Florensky converge, as both were platonic. Thus, it is important to compare these figures in their different guises in order to identify the features of the revolutionary era.

Keywords: Kant, Malevich, reverse perspective, Platonism, Suprematism, transcendentalism, transcendence, Florensky

For citation: Levina, T.V. (2021), “ ‘Overboard from Absolute’. The critique of Kant in Avant-Garde’s Epoch”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 36–53, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-36-53

Введение

Казимир Малевич и Павел Флоренский – два мыслителя, которые относятся к эпохе авангарда. Я использую понятие «эпоха авангарда» для того, чтобы разъяснить те общие основания, по которым их можно сравнить, несмотря на различия. Различия, действительно, серьезные: Павел Флоренский – философ и священник, противопоставивший искусству подобий теорию средневекового искусства, Казимир Малевич – художник и утвердитель нового искусства¹. Малевич – персонификация авангарда сама по себе;

¹ УНОВИС – «утвердители нового искусства», художественное объединение авангарда, созданное Малевичем в Витебске (Беларусь) в 1921 г.

Флоренский – представитель символизма, развивающий понятие символа через все свое творчество и в разных ипостасях, начиная от философии математики. Флоренский – убежденный платоник, он собирает «платонизмы» от теологии и философии к математике и искусству. Георг Кантор с понятием абсолютной бесконечности дает замечательное направление его размышлениям, так как говорит о символе в контексте Божественного (Абсолюта). Малевич не декларирует платонизм, но выступает наивным платоником.

Основания, по которым я бы хотела сопоставить двух героев этой статьи, следующие: критика трансцендентализма, платонизм, критика репрезентации. Более того, героев можно сопоставить и по биографическим сведениям: годы жизни Малевича – 1879–1935, Флоренского – 1882–1937. Оба они занимались охраной культурного наследия и преподавали в художественных институтах. Малевич преподавал в ГИНХУК (1923–1926), ГИИИ и Киевском художественном институте (до 1930), руководил отделом в Русском музее (с 1932). Флоренский читал свой курс в должности профессора ВХУТЕМАС (1921–1927). Очевидно, что круги Малевича и Флоренского соприкасались. Флоренский вскользь упоминает о супрематизме, работая во ВХУТЕМАС с Родченко, Поповой и Татлиным. Игумен Андроник Трубачёв упоминает о сочинениях Малевича в библиотеке Флоренского. Напомню, что «Иконостас» Флоренского был написан в 1921–1922 гг., параллельно с трактатом «Супрематизм. Мир как беспредметность» Малевича. Малевич не упоминает Флоренского, но ссылается и на Сергея Булгакова, и на Николая Бердяева в переписке с Михаилом Гершензоном.

Я буду исходить из двух гипотез – анти-кантианства и платонизма Малевича и Флоренского. Пусть Малевич косноязычно намекает, а Флоренский неоднократно проговаривает свой платонизм, однако обоих мыслителей он приводит к критике репрезентации в живописи. Это будет третьей темой статьи, которая выведет через рассмотрение «абстракционизма» и «обратной перспективы» к финальной части, связанной с понятием техники и супрематизма.

Критика трансцендентализма

В своем трактате «Супрематизм. Мир как беспредметность, или вечный покой» (1922) Казимир Малевич критикует трансцендентализм и противопоставляет его трансценденции. Он пишет, что в сознании человека разворачивается «мир представлений», который отличается от «мира природных явлений». Человек, сотворенный Богом, хочет сам конструировать мир, быть творцом.

Он выяснил, пишет Малевич, что природа не мыслит, а мыслит он, человек. Человек вышел из мира совершенства при грехопадении, преступив Завет². Назвав себя «венцом Божественного творения», человек сам захотел творить и противопоставил себя немыслящей природе. Малевич противопоставляет человека Богу, ушедшему в покой седьмого дня:

Он един<ственн>ый стал устремляться к познанию природы как Бога совершенств – вышедши из немыслия как абсолютного совершенства, опять стремится через путь своих совершенных предметов воплотиться в совершенство абсолютного немыслящего действия, как будто какая-то неосторожность случилась, как будто соскользнул и *выскочил за борт абсолюта*³.

Малевич рассуждает о теории *cogito* Декарта, критикуя его формулу «мыслью – следовательно, существую», ведь природа не мыслит [Левина 2015, с. 21]. Однако грех, совершенный человеком, преступившим Божественный закон, начинает человеческую историю. Этот грех, по Малевичу, гносеологичен: Адам пытается *познать* запрещенное Богом. Человек, изгнанный из Рая, начинает конструировать свой мир: «началась история его человеческого страдания, пота, мозолей, кровопролития, история труда»⁴. Что интересно: по Малевичу, грех стал возможен из-за бреши в самой системе, выстроенной Богом. Бог создал мир, чтобы освободиться от него [Левина 2019, с. 40], стать полным Ничто, уйти в покой немыслия. Не выдержав системы, человек пытается вернуться к совершенству, то есть Вечному покою. Создавая технические новшества, он надеется на освобождение от труда:

...он как частица абсолютной мысли, вышедшая из общей орбиты движущегося абсолюта, стремится теперь включить себя в орбиту. Может быть, поэтому в Земле собирает свое тело, чтобы бросить его в бесконечность. Сначала сам освободил ноги свои, потом поднял их – и это было первым отрывом от земли. И так постепенно, через

² Правда, Малевич здесь указывает на парадокс: как может быть несовершенство в совершенной системе?

³ *Малевич К.С.* Супрематизм. Мир как беспредметность, или Вечный покой // Малевич К. Собр. соч.: В 5 т. Т. 3: Супрематизм. Мир как беспредметность, или Вечный покой: С приложением писем К.С. Малевича к М.О. Гершензону (1918–1924) / Общ. ред. А.С. Шатских. М.: Гилея, 2000. С. 290 (*курсив мой.* – Т.Л.).

⁴ Там же. С. 292.

быстроту колес к крыльям аэропланов, все дальше и дальше к границе атмосферы и потом дальше к своим новым орбитам, соединяясь с кольцами движений к абсолюту⁵.

Производство – это путь к Богу через человечество⁶. Человек, описанный Малевичем, противоречив: с одной стороны, он хочет достичь совершенства, соединиться с Богом, сопровождающим его во все моменты его становления. Достигнуть конца человек сможет, когда научится «управлять вселенными системами»⁷. С другой стороны, покой человека страшит, и Малевич указывает на мотив свержения Бога.

Итак, мир, по Малевичу – это «психопредставления» человека, он сконструирован. При этом реальный мир находится по ту сторону производства, техники. Чтобы слиться с абсолютным, человек должен был, наоборот, замедлиться и выйти к покою. Но трансцендентность страшит неизвестностью и тем, что не поддается контролю. Так человек оказался «за бортом абсолюта», внутри трансцендентальной схемы философствования. У Малевича нет прямого указания на Канта, как и прямого указания на других философов – Декарта, Шопенгауэра и т. д.⁸ Однако концептуальный анализ дает нам основания сделать этот вывод.

Первое сближение двух обсуждаемых в статье фигур обнаруживается в критике трансцендентализма. Павел Флоренский критикует трансцендентализм в «Столпе и утверждении истины» (1914) – по времени это предшествует появлению «Черного квадрата» Малевича в 1915 г. «За бортом абсолюта» человек оказывается при автономии. По Флоренскому, когда мы сами даем себе закон и становимся автономными, это уничтожает жизнь в Боге⁹, – говорил он на чтениях 1921–1922 учебного года в Московской Ду-

⁵ Малевич К.С. Супрематизм. Мир как беспредметность, или Вечный покой. С. 290.

⁶ Как и у Платона, путь к умопостигаемой идее лежит через познание общих понятий. Платон. Пир // Платон. Соч.: В 4 т. / Под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. Т. 2. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та: Изд-во Олега Абышко, 2007. С. 97–160.

⁷ Малевич К. Супрематизм... С. 290.

⁸ О нежелании Малевича цитировать других философов: [Левина 2019, с. 36].

⁹ Флоренский П.А. Культурно-историческое место и предпосылки христианского миропонимания // Флоренский П.А. Соч.: В 4 т. / Сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой. Т. 3 (2). М.: Мысль, 2000. С. 460.

ховной Академии. Флоренский критикует кантовское понимание разума в связи с тем, что оно рассматривается им механистически, вне связи с реальностью. В «Разуме и диалектике» Флоренский критикует Канта за то, что тот сделал опорой веру «в вавилонскую башню механического естествознания»¹⁰, отделил разум от мира, автономизировал его. С позиций трансцендентных, он пишет, что

Разум – не коробка или иное какое *геометрическое* вместилище своего содержания... не система *механических*... осуществлений, применимых одинаково к любому материалу... (нет, он есть) орган живого существа, *modus* взаимоотношений познающего и познаваемого, т. е. вид связи бытия¹¹.

Интересно, что Малевич также критикует анти-холистическое представление о разуме и реальности. Если вещь при исследовании распадается на множество составных частей, возможно ли воссоздать вещь основываясь на количественном анализе, – вопрошает он¹².

По Флоренскому, разум динамичен и развивается в зависимости от предмета познания. «Если разум утрачивает свое стремление к познанию Абсолюта, то впадает в антиномии, превращается в рассудок», – пишет о рецепции кантовской философии С.А. Нижников [Нижников 2015, с. 137]. В «Столпе» Флоренский объясняет это так: «Там, на небе – единая Истина; у нас – множество истин, осколков Истины, неконгруентных друг с другом»¹³. Другой исследователь Канта, Л.А. Калинин, пишет, что эволюция Флоренского от теодицеи «Столпа...» к антроподицее «У водоразделов мысли», завершить которую Флоренский не успел, связана с ощущением антиномического разрыва человека и Бога. Соединение он видел в процессе символизации мира. Этот путь открылся ему благодаря понятию антиномий Канта. Флоренский пишет:

В истории плоского и скучного мышления «новой философии» Кант имел дерзновение выговорить великое слово «антиномия», на-

¹⁰ Флоренский П.А. Разум и диалектика // Там же. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 135.

¹¹ Там же. С. 136.

¹² Малевич К. Бог не скинут: Искусство, церковь, фабрика // Малевич К. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1: Статьи, манифесты, теоретические сочинения и другие работы: 1913–1929 / Общ. ред. А.С. Шатских. М.: Гилея, 1995. С. 242.

¹³ Флоренский П.А. Столп и утверждение истины: В 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1990. С. 158.

рушившего приличие мнимого единства. За это одно заслуживал бы он вечной славы. Нет нужды, если собственные его антиномии неудачны – дело – в переживании антиномичности¹⁴.

Следовательно, задача философа – не скрывать противоречие, а осознавать его глубину. Интересно, что Малевич, как и Флоренский, описывает процесс возвращения человека к Богу. Однако этот процесс связан с технологическими новшествами. Человек и стремится к возврату в трансцендентное, и страшится этого. По Флоренскому же, чем ближе человек к Богу, тем больше возникает противоречий, указывает Калинин [Калинников 2005, с. 171].

Платонизм Флоренского и Малевича

Итак, Флоренский критикует Канта, так как считает его мысль антирелигиозной, мыслью «человекобожества» [Нижников 2015, с. 136]. Нижников сравнивает Флоренского с Сергеем Булгаковым. По мысли Булгакова, Кант уничтожил веру, так как стремился показать, что вера не имеет ни рассудочных, ни онтологических оснований [Нижников 2015, с. 142]. Результатом стало признание Кантом невозможности познать трансцендентное. Однако для реализации трансцендирования должно быть нечто, на что оно направлено. Нижников комментирует: «Если же мы усомнимся в “трансцендентном объекте”, воспримем его как “необходимую иллюзию”, то трансцендирование вырождается в логическую казуистику» [Нижников 2015, с. 144]. В «Столпе и утверждении истины» (1914) Флоренский пишет, что необходимо порвать с «иллюзионизмом и всяческим нигилизмом, кончающимся дряблым и жалким скептицизмом»¹⁵, который был вызван идеями индивидуализма и относительности взгляда. Нужно признать, пишет Флоренский, что разум причастен бытию, а бытие причастно разумности.

А если так, то акт познания есть акт не только гносеологический, но и онтологический, не только идеальный, но и реальный. Познание есть реальное выхождение познающего из себя, или, что то же, реальное вхождение познаваемого в познающего – реальное единение познающего и познаваемого. Это основное и характерное положение всей русской и вообще восточной философии¹⁶.

¹⁴ Флоренский П.А. Столп и утверждение истины: В 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1990. С. 158.

¹⁵ Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. С. 73.

¹⁶ Там же.

Нижников вспоминает о словах Зеньковского. По мысли Зеньковского, с Кантом открылась «надежная основа для духовной жизни вне Бога» [Нижников 2015, с. 145], и влияние трансцендентального субъекта – посерьезнее *cogito ergo sum* Декарта. Флоренский и другие русские философы не собирались освобождать себя от трансцендентного: «Русская философия еще молода, она еще не «переболела Богом», еще не утратила платоновское видение онтологичности идей» [Нижников 2015, с. 151].

Супрематизм Малевича означает трансцендирование, выход за предел реальности. В 1922 г. одновременно написаны «Супрематизм. Мир как беспредметность, или вечный покой» Малевича и «Иконостас» Флоренского. Александра Шатских пишет [Шатских 2000], что к рукописи этого трактата Малевич приступил осенью 1921 г. в Витебске. «17 июня 1921 года» написано на первой странице рукописи «Иконостаса». Исследовательница предполагает, что Малевич закончил рукопись 11 февраля 1922 г. Флоренский же завершил свою рукопись 8 июля 1922 г.

Малевич рисует – философскими средствами – трансцендентный мир беспредметности, противостоящий трансцендентальному миру предметов – порождений сознания. Малевич исходит из беспредметности как данности. После этого он обращается к апофатическим определениям, рисуя «освобожденное Ничто». В статье «Записка о границах реальности» он декларирует:

Моя точка зрения на «Мир» состоит в том, что в нем нет элементов, или, вернее, нет той вещи, которая могла бы разбиться – нет ни тарелок, ни дворцов, ни стульев. Это все есть у человека, и потому оно разбивается, поэтому его жизнь представляет собой груду черепков, лом¹⁷.

Художник и теоретик описывает Мир освобожденным от вещей в духе платоновского разделения на мир идей и мир вещей, к которому часто обращались русские философы. Бог – по Малевичу – радикально противостоит персонифицированному Богу Библии, он рассматривает его как нечто радикально иное и отличное от человека, Ничто. Бог, пребывая в Вечном покое, без-умен, то есть практика рационализации не поможет понять его¹⁸. Человек боится Вечности, безумия и Ничто, он держится за свой рассу-

¹⁷ Малевич К. Записка о границах реальности // Малевич К. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5: Произведения разных лет: Статьи. Трактаты. Манифесты и декларации. Проекты. Лекции. Записи и заметки. Поэзия / Общ. ред. А.С. Шатских. М.: Гилея, 2004. С. 193.

¹⁸ Малевич К. Бог не скинут: Искусство, церковь, фабрика. С. 257.

док и здравый смысл. Человек постоянно занят постижением несуществующего (существует только Ничто). Человек постигает лишь то, что представляется ему существующим, это представление и есть образ несуществующего (то, что и есть *бытие*)¹⁹. Бог находится по ту сторону конструкций рациональности человека, пытающегося его познать. Бог не является трансцендентным смыслом, так как он – несмысл²⁰. По Малевичу, мир существовал до человека только в виде «абстрактов». Конструируя мир, человек разделял его на не связанные между собой части, называя их «реальностью»²¹. «Освобождая Ничто», Малевич призывает к возвращению мира «до сознания» – Малевич призывает сомневаться в структуре знания.

Итак, по Канту, антиномии космологической идеи доказывают относительность нашего знания, показывают невозможность владеть абсолютной истиной²². Одновременно они побуждают разум к выходу за границы опытного знания, за пределы неизведанного. В познании Кант использует противоположный принцип, отождествляя природу, явления и вещи, которые связаны с познавательными способностями человека. Для Флоренского, Кант «укоренен» в антропологической перспективе и противопоставлен платоновской мысли. И Флоренский, и Малевич предлагают вернуть трансцендентное, вернуть человеку тот путь, когда Кант остался «за бортом абсолюта». Малевич критически относится к трансцендентальной парадигме, так как, по сути, сам оказывается платоником.

Реализм, кубизм, супрематизм

Есть точка, в которой сходятся и Флоренский, и Малевич – это критика перспективы. «Перспектива, – пишет Флоренский, – есть живописное выражение кантовского миропонимания»²³. И далее: «...система кантовских категорий – это символ веры Ренессанса...

¹⁹ Малевич К. Супрематизм... С. 305.

²⁰ Там же. С. 296

²¹ Малевич К. 1/42 Беспредметность // Малевич К. Собр. соч.: В 5 т. Т. 4: Трактаты и лекции первой половины 1920-х годов: С приложением переписки К.С. Малевича и Эль Лисицкого (1922–1925) / Общ. ред. А.С. Шатских. М.: Гилея, 2003. С. 89.

²² Поэтому Флоренский обращается к Канту, выворачивая его наизнанку, пишет Калинин [Калинников 2005, с. 169].

²³ Флоренский П.А. Культурно-историческое место и предпосылки христианского миропонимания. С. 485.

без которого восстание против Бога не может удалиться²⁴. Так человек оказывается «за бортом абсолюта». Итак, перспектива, как художественное выражение индивидуализма, связывается Флоренским с бунтом против Бога.

Критика Флоренского, а также обоснование концепции «обратной перспективы» направлена на то, чтобы показать: перспектива – лишь один из методов, применяемых в живописи. Перспектива как индивидуальная точка – это навязанное средство восприятия живописи, оно не онтологично. Обосновывая эту мысль, о. Павел вспоминает искусство Вавилона и Египта. Эти художники и скульпторы почему-то «не заметили» перспективы. Обладая математическими познаниями, они обращались только к пропорциональности и масштабу. Флоренский обосновывает не-онтологичность перспективы тем, что хоть Анаксагор и Демокрит использовали перспективу для декораций постановки трагедий Эсхила, перспективный метод не стал в греческой культуре самодовлеющим. «Задача живописи – не дублировать действительность, а дать более глубокое ее понимание. Декорация – не символична: она обман, а живопись – правда жизни, она – символична, знаменующая» и приписывает на полях: «средневековое искусство создает символы, а не подобия»²⁵.

Эрвин Панофски рассматривает концепт «идеи» в истории искусства. Обращаясь к Платону, он указывает на предпочтение им «регламентированного» искусства египтян. Правила их искусства оставались неизменными в течение тысячелетий, если сравнить с раскованным греческим искусством. В «абстракционизме» египтян Платон видел больше «пользы» в сравнении с искусством миметическим, которое он рьяно отвергал [Панофски 2002, с. 17]. Математический элемент, свидетельствующий о «полезности» искусства – это то, что наталкивает на платоновские смыслы в абстрактном искусстве. Возможно, Малевич – прямой наследник Платона в искусстве, также отвергающий искусство миметическое²⁶.

Малевич возвещает приход порядка беспредметности в манифесте «От кубизма и футуризма к супрематизму» (1915). Он требует отказаться от иллюзионизма в живописи, подражания и копирования реальности. «Супрематисты» утверждают: реализм в живописи у Репина и передвижников не является искусством, так как, не открывая законов реальности, они ориентируют зрителей

²⁴ Флоренский П.А. Культурно-историческое место и предпосылки христианского миропонимания. С. 466.

²⁵ Там же. С. 482.

²⁶ Я обосновываю этот тезис здесь: [Левина 2013].

на потребление иллюзии. Этот революционный запал можно сравнить с фразой Флоренского: «Природа уже существует, и удваивать ее было бы бесполезным занятием»²⁷.

Чтобы победить иллюзионизм, супрематизм отвергает традиционные формы. Малевич рисует линию через кубизм и футуризм к полному очищению формы, где кубизм – не окончательный результат, а лишь подготовка к высшей форме живописи. Кубизм «раскладывает» реальность на составные части, но, как и футуризм, все же не преодолевает ее. Художник становится творцом лишь в том случае, когда формы его картин не имеют ничего общего с натурой²⁸. В библиотеке Флоренского были и книги Малевича: «От Сезанна до супрематизма» (надпись Флоренского: «1922.IV.22») и «Бог не скинут: Искусство, церковь, фабрика», выпущенная в Витебске в 1922 г. Но Малевича Флоренский не принял. Андроник Трубачев комментирует неприятие новых форм искусства в предисловии «Иконостаса»: «Другой взгляд, согласно которому художник и вообще деятель культуры сам организует что хочет и как хочет, субъективный и иллюзионистический взгляд на искусство и на культуру», в конечном счете ведет к обесмысливанию культуры и человека» [Трубачев 1995, с. 11]. Следовательно, о. Павел видит в «новых формах искусства» все тот же перспективизм Возрождения, который, по его словам, обрел свою квинтэссенцию в индивидуализме кантовского трансцендентального субъекта.

Свою критику живописи модерна Флоренский начинает с кубизма. Он ведет опыты кубистов от экспериментов с восприятием человека и ссылается на опыты Чарльза Говарда Хинтона, чья книга «Новая эра мышления» повлияла на П.Д. Успенского²⁹. Книга Успенского «Четвертое измерение», вышедшая в Санкт-Петербурге в 1911 г., в конечном счете, оказала влияние на русских символистов и авангардистов. Флоренский реконструирует практику кубизма в эксперименте Хинтона: допустим, мы видим куб, который поворачивается к нам всеми шестью сторонами. Нельзя ли превратить этот ряд впечатлений от куба, полученных под разными углами зрения, в одно интегральное восприятие? Эти упражнения

²⁷ Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях (1924) // Флоренский П.А. Собр. соч.: Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии / Сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева). М.: Мысль, 2000. С. 156.

²⁸ Малевич К. Бог не скинут: Искусство, церковь, фабрика. С. 40.

²⁹ Флоренский П.А. Культурно-историческое место... С. 98–99.

были нацелены на развитие способности «безличного» восприятия, которое не связано с единственной точкой зрения, и она внеперспективна. Флоренский цитирует объяснение Успенского: «прежде чем думать о развитии способности зрения в четвертом измерении, нужно выучиться представлять себе предметы так, как они были бы видны из четвертого измерения... сразу со всех сторон, как знает их наше сознание»³⁰. Эта способность, по мнению Хинтона, связана с уничтожением личного элемента в восприятиях, а способность представлять предметы со всех сторон приведет к знанию о том, какие предметы есть на самом деле. Это Хинтон назвал «высшим сознанием». Далее Флоренский ссылается на художественные опыты Пабло Пикассо, держа в уме недавнюю критику кубизма писателями своего круга. Кубизм произвел неизгладимое впечатление на круг религиозных мыслителей. Отзывы на Пикассо были опубликованы Г. Чулковым, Н.А. Бердяевым, С.Н. Булгаковым и другими³¹.

Говоря о художественных экспериментах в более позднем тексте (1924), о. Павел обличает нигилизм в живописи, который возникает, когда живопись очищается от ценностей и духовности. Перспектива в этом ряду ведет к распространению технических изобретений и переходу к технике. Художник теперь дает не изображение вещи, но саму вещь с ее действием³². Художник здесь становится инженером, изобретающим машины. Если же художник пытается экспериментировать с «вещами не физического порядка», то он продуцирует магические машины, которые воздействуют на восприятие и поведение человека – заставляют смотреть и принуждают к действиям. Такой магией (а внушение – низшая ступень магии), с точки зрения о. Павла, обладают рекламные изображения. Далее Флоренский пишет: «Супрематисты и другие того же направления, сами того не понимая, делают попытки в области магии»³³. Однако эти попытки неудачны, иначе супрематические машины «засасывали и закручивали бы душевный организм всех».

³⁰ Флоренский П.А. Там же. С. 100.

³¹ Г. Чулков «Демоны и современность (мысли о французской живописи)» (1914); Н.А. Бердяев «Пикассо» (1914); С.Н. Булгаков «Русская трагедия» (1914).

³² Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени... С. 155.

³³ Там же. С. 156.

Иконы и апофатизм (вместо заключения)

Завершая исследование, я хотела бы заострить внимание на критике техники Флоренским. А.Н. Павленко в своей статье сравнивает двух критиков техники – Флоренского и Мартина Хайдеггера, предлагавших критические аргументы независимо друг от друга [Павленко 2013, с. 357]. Преподавая во ВХУТЕМАС на печатно-графическом факультете, куда он был приглашен В.А. Фаворским, Флоренский следовал миссии «философски оберегать художника», заботясь о том, чтобы его сознание не было засорено ложными тенденциями [Трубачев 2018, с. 260]. Курс лекций «Анализ перспективы» был тесно связан с работой «Обратная перспектива (1919)»³⁴. Игумен Андроник пишет, что Флоренский отстаивал художественное творчество, основанное на равновесности композиции и сохранении художественной пространственности в образе. Отвергая прикладное назначение искусства (которое игумен Андроник усматривает в рекламе, дизайне, бодибилдинге и т. д.), мысль Флоренского направлена к возвращению к пространству символизма и духовному значению, которое он связывал с искусством и мировоззрением «средневекового типа» [Трубачев 2018, с. 266]. Приводя в «Иконостасе» платоновскую теорию символа, Флоренский говорит об иконостасе как о самих святых, предстоящих перед прихожанами храма. Флоренский много раз ссылается на Платона и платонизм. Он красноречиво и отчетливо формирует свою позицию во многих работах³⁵.

Малевич, напротив, косноязычно и без референций обнаруживает приверженность метафизическому реализму, что также наследует Платону. Критикуя кубистов, Флоренский указывает, что они стремились выразить вещи «сами по себе». Малевича, по крайней мере, нельзя в этом упрекнуть: он не призывал к тому, чтобы проникнуть в глубь вещей³⁶. В своем сочинении по беспредметности Малевич определяет реальность сконструированной человеком (напомню, Бог удалился в покой). Техническими новшествами человек разрушает, разделяет и снова соединяет мир – и критика техники есть еще один пункт сходства с Флоренским, но реальный мир, по Малевичу – иной. Реальный мир есть Ничто, ибо «что» мира

³⁴ Об этой концепции: [Тарасов 2019].

³⁵ Помимо Иконостаса, например, в сочинении «Смысл идеализма (метафизика рода и лика)» из цикла «У Водоразделов мысли».

³⁶ О критике феноменологического прочтения Малевича: [Левина 2011], ср. с описанием опытов Хинтона.

не существует (то есть «что мира» сконструировано человеком и иллюзорно). Минимализм и апофатизм, свойственные Малевичу, отсылают нас к мистицизму Экхарта [Левина 2019], воспринятого Малевичем через свой круг, соприкасающийся с кругом русских религиозных философов³⁷. Памятуя о выпадах против реализма и возрожденческого искусства, в автобиографических записях Малевич утверждал, что никогда авангардисты «не боролись против народного искусства и против иконописцев»³⁸, что его соратники, наоборот, чувствовали теснейшую связь с иконой.

По признанию Бердяева в статье «Стилизованное православие», Флоренский не может принять Экхарта: «не еретической, церковной мистикой свящ. Флоренский почитает только в узком и точном смысле слова мистику православную», а праведные и чистые мистики Экхарт и Бёме оказываются у него «одержимыми духом блуда и растления»³⁹. В своем рассмотрении иконы Флоренский часто указывает на богословие света, то есть на Григория Паламу. Флоренский не принимает классическую для Европы апофатическую теологию, противопоставляя ей теологию личностного Бога [Пономарев 2004]. В этом я вижу базовое различие между платонизмом Малевича и Флоренского при том, что оба мыслителя были критиками Канта и техники, последователями Платона и неоплатоников. Малевич критиковал технику как трансцендентализм, который не позволяет человеку вернуться к Ничто, супрематизму, стать абстрактным, выйти в «нуль форм».

Итак, «за бортом Абсолюта» не только богоборец человек Малевича, стремящийся вернуться к Богу, но и антропоцентрическая установка Канта, названный Флоренским трансцендентализм. Так Малевич и Флоренский оказались одними из авторов, утверждающих критику антропоцентрической установки, которая стала современной и отвечающей нуждам сегодняшнего научного знания.

³⁷ На самом деле, таких соприкосновений было несколько – наряду с уже названным ВХУТЕМАСом, где на время соединились и Флоренский, и ЛЕФовцы, была еще дружба племянницы Бердяева с кругом авангардистов. Михаил Гершензон был близким другом Малевича и обсуждал с ним все современные им события, включая сочинения Булгакова, Бердяева и, возможно, Флоренского.

³⁸ *Малевич К.С.* Главы из автобиографии художника // Малевич о себе. Современники о Малевиче: Письма. Документы. Воспоминания. Критика: В 2 т. Т. 1. М.: РА, 2004. С. 37.

³⁹ *Бердяев Н.А.* Стилизованное православие (О. Павел Флоренский) // П.А. Флоренский: Pro et contra: Антология. СПб.: РХГИ, 2001. С. 8.

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 19-011-00610 «Трансцендентность и нарратив в становлении моделей историзма» в 2020 г.

Благодарю Анну Игоревну Резниченко за предоставленные мне материалы о П.А. Флоренском.

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-011-00610 “Transcendence and narratives in the formation of the historicism models” in 2020.

I would like to thank Anna I. Reznichenko for the materials on Pavel Florensky.

Источники

- Малевич К.* Бог не скинут: Искусство, церковь, фабрика // Малевич К. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1: Статьи, манифесты, теоретические сочинения и другие работы: 1913–1929 / Общ. ред. А.С. Шатских. М.: Гилея, 1995. С. 236–265.
- Малевич К.* Супрематизм. Мир как беспредметность, или Вечный покой // Малевич К. Собр. соч.: В 5 т. Т. 3: Супрематизм. Мир как беспредметность, или Вечный покой: С приложением писем К.С. Малевича к М.О. Гершензону (1918–1924) / Общ. ред. А.С. Шатских. М.: Гилея, 2000. С. 69–324.
- Малевич К.* 1/42 Беспредметность // Малевич К. Собр. соч.: В 5 т. Т. 4: Трактаты и лекции первой половины 1920-х годов: С приложением переписки К.С. Малевича и Эль Лисицкого (1922–1925) / Общ. ред. А.С. Шатских. М.: Гилея, 2003. С. 68–134.
- Малевич К.* Записка о границах реальности // Малевич К. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5: Произведения разных лет: Статьи. Трактаты. Манифесты и декларации. Проекты. Лекции. Записи и заметки. Поэзия / Общ. ред. А.С. Шатских. М.: Гилея, 2004. С. 191–194.
- Малевич К.С.* Главы из автобиографии художника // Малевич о себе. Современники о Малевиче: Письма. Документы. Воспоминания. Критика: В 2 т. Т. 1. М.: RA, 2004. 583 с.
- Платон.* Пир // Платон. Соч.: В 4 т. / Под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. Т. 2. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2007. С. 97–160.
- Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины: В 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1990. 490 с.
- Флоренский П.А.* Разум и диалектика // Флоренский П.А. Соч.: В 4 т. / Священник Павел Флоренский; Сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 131–142.

- Флоренский П.А. Культурно-историческое место и предпосылки христианского миропонимания // Флоренский П.А. Соч.: В 4 т. / Священник Павел Флоренский; Сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой. Т. 3 (2). М.: Мысль, 2000. С. 386–488.
- Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях (1924) // Флоренский П.А. Собр. соч.: Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии / Сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева). М.: Мысль, 2000. С. 81–258.

Литература

- Бердяев 2001 – *Бердяев Н.А.* Стилизованное православие (О. Павел Флоренский) // П.А. Флоренский: Pro et contra: Антология. СПб.: РХГИ, 2001. С. 264–282.
- Калинников 2005 – *Калинников Л.А.* Кант в русской культуре. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. 311 с.
- Левина 2011 – *Левина Т.В.* Абстракция и икона: метафизический реализм в русском искусстве // *Артикульт.* 2011. № 1 (1). С. 141–187.
- Левина 2013 – *Левина Т.В.* Абстрактное искусство в идеальном государстве // *Артикульт.* 2013. № 12 (4). С. 4–11.
- Левина 2015 – *Левина Т.В.* Онтологический аргумент Малевича: Бог как совершенство, или Вечный покой // *Артикульт.* 2015. № 19 (3). С. 18–28.
- Левина 2019 – *Левина Т.В.* «Освобожденное Ничто»: Экхарт авангарда // *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение».* 2019. № 4. С. 34–47.
- Нижников 2015 – *Нижников С.А.* Творчество Иммануила Канта в диалоге культур России и Запада. М.: РОССПЭН, 2015. 255 с.
- Павленко 2013 – *Павленко А.Н.* Возможность техники: Взгляд из Лавры и голос из Марбурга // П.А. Флоренский / Под ред. А.Н. Паршина, О.М. Седых. М.: РОССПЭН, 2013. С. 355–384.
- Пановски 2002 – *Пановски Э.* Idea: К истории понятия в теориях искусства от античности до классицизма. СПб.: Андрей Наследников, 2002. 237 с.
- Пономарев 2004 – *Пономарев Н.В.* Религиозно-философская антропология П.А. Флоренского в контексте мистико-символической православной традиции: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. 22 с.
- Тарасов 2019 – *Тарасов О.* Флоренский и обратная перспектива: Из истории термина // *Искусствознание.* 2019. Вып. 4. С. 26–57.
- Трубачев 1995 – *Игумен Андроник Трубачев.* Вступительная статья // П.А. Флоренский. Иконостас. М.: Искусство, 1995. С. 5–19.
- Трубачев 2018 – *Игумен Андроник Трубачев.* Путь к Богу. Личность, жизнь и творчество священника Павла Флоренского. Кн. 5. Фонд науки и культуры священника Павла Флоренского. Сергиев Посад, 2018.

Шатских 2000 – *Шатских А.С. Малевич после живописи // Малевич К. Собр. соч.: В 5 т. Т. 3: Супрематизм. Мир как беспредметность, или Вечный покой: С приложением писем К.С. Малевича к М.О. Гершензону (1918–1924) / Сост., публ., вступит. ст., подготовка текста, коммент. и примеч. А.С. Шатских. М.: Гилея, 2000. С. 7–68.*

References

- Berdyayev, N.A. (2001), “Conventionalized Orthodoxy: P.A. Florensky”, in *P.A. Florensky: Pro et contra: Antologiya* [P.A. Florensky. Pro et contra. Anthology], RKHG, Saint Petersburg, Russia, pp. 264–282.
- Kalinnikov, L.A. (2005), *Kant v russkoi kulture* [Kant in Russian culture], RGU im. Kanta, Kaliningrad, Russia.
- Levina, T. (2011), “Abstraction and Icon. Metaphysical Realism in Russian Art”, *Artikul't*, no. 1 (1), pp. 141–187.
- Levina, T. (2013), “Abstract art in the ideal state”, *Artikul't*, no. 12 (4), pp. 4–11.
- Levina, T. (2015), “Malevich’s ontological argument. God as perfection or eternal peace”, *Artikul't*, no. 19 (3), pp. 18–28.
- Levina, T. (2019), “Liberated Nothingness. Avant-Garde’s Eckhart”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 34–47.
- Nizhnikov, S.A. (2015), *Tvorchestvo Immanuila Kanta v dialoge kul'tur* [Works of Immanuel Kant in a dialog of Russian and Western cultures], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Pavlenko, A.N. (2013), “An opportunity for technic: vision from Lavra and voice from Marburgh”, in Parshin, A.N. and Sedykh, O.M. (eds.), *P.A. Florenskii* [P.A. Florensky], ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 355–384.
- Panovskii, E. (2002), *Ideya: K istorii ponyatiya v teoriyakh iskusstva ot antichnosti do klassitsizma* [Idea. A concept in art theory from Antiquity to Classicism], Andrei Naslednikov, Saint Petersburg, Russia.
- Ponomarev, N. (2004), Religious-philosophical anthropology of P. Florensky in the context of mystical-symbolic orthodox tradition, Abstract of Ph.D. dissertation, MGU im. M.V. Lomonosova, Moscow, Russia.
- Tarasov, O. (2019), “Florensky and reverse perspective. From the history of the term”, *Iskusstvoznanie*, no. 4, pp. 26–57.
- Trubachev, igumen Andronik (1995), “Introduction”, in Florensky P.A. *Ikonostas* [Iconstand], Iskusstvo, Moscow, Russia, pp. 5–19.
- Trubachev, igumen Andronik (2018), *Put' k Bogu. Lichnost', zhizn' i tvorchestvo svyashchennika Pavla Florenskogo* [Path to God. Personality, life and work of the priest Pavel Florensky. Book 5], Fond nauki i kul'tury svyashchennika Pavla Florenskogo, Sergiev Posad, Russia.
- Shatskikh, A.S. (2000), “Malevich after painting”, in Malevich, K. *Sobranie sochinenii, v 5 tomah*, [Coll. of works in 5 volumes. Vol. 3: Suprematism. The World as

Objectlessness, or Eternal Rest. With the Attachment of letters of K.S. Malevich to M.O. Gershenzon (1918–1924)] Comp., publ., foreword, text processing, comm. and notes by A.S. Shatskikh , Gileya, Moscow, Russia, pp. 7–68.

Информация об авторе

Татьяна В. Левина, кандидат философских наук, Свободный университет, Вентспилс, Латвия, адрес: Ventspils nov., Piltenes pag., Gārzde, “Ceplīši”, LV-3620 levinatat@gmail.com

Information about the author

Tat'yana V. Levina, Cand. of Sci. (Philosophy), Free University, Ventspils, Latvia; Ventspils nov., Piltenes pag., Gārzde, “Ceplīši”, LV-3620; levinatat@gmail.com

Бог распятый в основании новоевропейской науки
и источники интерналистского антипозитивизма.
Статья третья: Гегель

Иван С. Курилович

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kurilovich.i@rggu.ru*

Аннотация. Отношение религии и науки нередко понимается как проблемное, а сами они как стороны противостояния клерикализма и сциентизма. Аргументы обеих сторон уязвимы к подозрению в односторонности. На фоне указанных полемических партийных позиций выделяется изучение положительной значимости теологических топосов, тропов, мифологем в науке, когда его ведут светски, а тем более подчеркнута атеистически. Один из ярких примеров подобного мы встречаем в размышлениях двух французских философов русского происхождения, Александра Койре и Александра Кожева. Исследуя генезис науки, Койре обнаруживает, что для современной математической физики необходим однородный мир, и он стал таковым впервые в христианской Европе XVI–XVII вв. Кожев продолжает размышления Койре – согласно ему, применение небесной науки математики к земной физике стало возможно благодаря привычке европейских мыслителей к скандальной мысли о воплощении бога, возможности бесконечности и совершенству родиться во плоти и тем самым ее «исцелить». Позиции обоих имеют свой исток в мысли Гегеля, но в ряде положений с ним не совпадают. Исследование состоит из трех частей, публикуемых отдельными статьями: об основании науки Нового времени согласно Койре, Кожеву и Гегелю. Представляемая вниманию читателей третья часть посвящена Гегелю.

Ключевые слова: теология, религиозные основания науки, научная революция, философия науки, онтологический аргумент, онтологическое доказательство, неогегельянство, Гегель

Для цитирования: Курилович И.С. Бог распятый в основании новоевропейской науки и источники интерналистского антипозитивизма. Статья третья: Гегель // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 1. С. 54–63. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-54-63

The Crucified God at the basis of modern European science and sources of the internalist antipositivism.

Article three: Hegel

Ivan S. Kurilovich

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
kurilovich.i@rggu.ru*

Abstract. The Religion-Science relationship is often understood as problematic, and they themselves as sides in the confrontation between clericalism and scientism. Against the background of these polemic party positions the study of the positive significance of theological toposes, tropes, mythologemes in science stands out, when it is conducted secularly, and even more so emphatically atheistically. One of the vivid examples of that is met in the reflections of two French philosophers of Russian origin, Alexandre Koyré and Alexandre Kojève. By studying the genesis of science, Koyré discovers that modern mathematical physics requires a homogeneous world, and it became so for the first time in Christian Europe in the 16th–17th centuries. Kojève continues Koyré's reflections – according to him, the application of the celestial science of mathematics to terrestrial physics became possible through the habit of European thinkers to the scandalous thought about the Incarnation of God, about the possibility for the infinity and for the perfection to be born in the flesh and thus “heal” it. The positions of both have their origin in Hegel's thoughts, but in some points do not agree with him. The research consists of three parts published in three separate articles: on the foundation of Modern science according to Koyré, Kojève and Hegel. The here presented third part is about Hegel.

Keywords: theology, religious foundations of science, scientific revolution, philosophy of science, ontological argument, ontological proof, neo-hegelianism, Hegel

For citation: Kurilovich, I.S. (2021), “The Crucified God at the basis of modern European science and sources of the internalist antipositivism. Article three: Hegel”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 54–63, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-54-63

Введение

Статья собой заканчивает трехчастное исследование. В первой части [Курилович 2020a] анализ концепции Александра Койре о принципиальных метафизических отличиях, условно говоря, аристотелевской античной и средневековой физики и физики новоевропейской показал, что данные отличия (бесконечность вселенной и одинаковая математическая исчислимость земных объектов

и небесных тел) связаны с представлением о воплощенной теории, материализации мысли – измерительного инструмента – того, что не является продолжением повседневного опыта, что могло быть лишь предметом умозрения. Во второй части исследования [Курилович 2020b] было показано, как Кожев развил идею Койре о значимости воплощения теории, и обратился для этого к тому, откуда могла появиться сама идея воплощения теории. Ответ Кожева: из догмата Воплощения. Доводами в пользу христианского происхождения науки Коперника-Галилея-Ньютона явились ее появление в христианской Европе, подобие идеи телесности совершенного бога и математического естествознания и, наконец, специфичности именно для христианства идеи, что бог может действительно, а не для видимости обрести плоть без умаления своей божественности. Согласно Койре, античная физика небесных тел уже обладала достаточным понятийным и измерительным аппаратом, а от применения его в подлунном мире ученых больше тысячи лет удерживали предрассудки Аристотеля. Кожев истолковал их шире: они предрассудки, как минимум, всякого язычника, а как максимум – любого нехристианина. Благодаря же Христу бесконечность и точность математики с конечностью и ускользающей нечеткостью физического мира соединены в умах людей неизменно, нераздельно и неразлучно – достаточно, чтобы объяснить природу количественно, математически. Во второй части исследования изучены контраргументы против Кожева об отсутствии эксклюзивности идеи воплощения для христианства и о длительности существования античных заблуждений у формально христианских ученых Средневековья. На последний контраргумент ответ Кожева узнаваем: принципы христианства воспринимались формами человеческой деятельности последовательно от индивидуальной жизни к общественной, затем к искусству и лишь затем к философии и естествознанию, что потребовало многовекового исторического развития от принятия христианства номинально к его полной интериоризации. Наконец, во второй части представлены опасения Кожева относительно будущего науки в ситуации ее светскости и ценностной нейтральности.

*Гегель в концепциях генезиса науки
Койре и Кожева – воплощение
без математизации*

Последовательность христианизации в гипотезе Кожева о генезисе науки Нового времени неслучайно совпадает с этапами явления духа у Гегеля. Гегелевская историография науки целиком

погружена в его историю философии, согласно которой понятие философии сначала есть еще только своя субстанция и лишь затем субъект¹, что и является основанием для деления истории философии и истории науки по Декарту. Гегель считал, что среди итогов развития античной мысли было отождествление материи с отрицательным по отношению к мышлению². Античная мысль остановилась на этом, так как не могла принять мысли о бесконечной субъективности и ее бесконечной ценности – абсолютной свободе – мысль, которую вместе с догматом Боговоплощения принесло христианство (с. 147) как свою «основную идею» (с. 155) и лежащий в ней «источник своеобразного способа познания» (с. 156). Как известно, Средневековье представляло для Гегеля такую ценность, что в «Лекциях по философии истории» он его пролетает, «надевши сапоги-скороходы» (с. 151), дело в медлительности и даже непоследовательности духа в эту эпоху. Иначе в Новое время, когда «скороходы» обул уже сам дух (с. 272), и изменения в нем спешат проявиться одно за другим, а все благодаря тому, что противоречие духовного и предметного, материального, осознание и преодоление которого покоилось в христианской вере во время этой медлительности духа, осознается людьми Нового времени (с. 277–278) и применяется ими в философии и естественных науках, и первый среди них – Декарт:

...мы, собственно говоря, только у Картезия снова видим перед собою *самостоятельное* философское учение, знающее, что оно имеет свой самостоятельный источник в разуме и что самосознание есть существенный момент истины. <...> ...с Картезием поистине начинается образованность Нового времени, поистине начинается мышление, современная философская мысль, после того как философия в продолжение долгого времени двигалась по своему прежнему пути (с. 316).

Вместе с тем сделанный Декартом шаг в философии неотделим от прогресса в естественных науках, так как, по Гегелю, философия как «спекулятивное познание» отделится от «научного познания» только начиная с Фихте (с. 340). Именно Декарт дал метафизическое обоснование достоверности новой науки – и оно оказалось глубоко христианским. В наиболее общем метафорическом виде

¹ Я благодарен А.А. Тащиану за повлиявшую на предложенный здесь анализ дискуссию по данному вопросу.

² Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 3. СПб.: Наука, 1994. С. 126 (далее отсылки на это издание даны в тексте в круглых скобках).

появление науки Нового времени у Койре и Кожева совпадает со сказанным Гегелем в Предисловии «Феноменологии духа»:

Око духа силой вынуждено было направляться на земное и задерживаться на нем; и потребовалось много времени, чтобы ту ясность, которой обладало только сверхземное, внести в туманность и хаотичность, в коих заключался смысл посюстороннего, и придать интерес и значение тому вниманию к действительности как таковой, которая была названа опытом³.

Согласно Гегелю, эмпиризм⁴, в негативном, скептическом смысле, возникает как шаг к реализации свободы самосознания через внутреннее удвоение, порождающее «несчастное сознание», расколотое религиозное самосознание «благочестивого субъективизма». Идея гроба Господня создает представление, что единичность не есть только текучая, исчезающая единичность, какой она была в платоновском мире обманчивых теней, но является единичностью конкретной:

...оно [сущность несчастного сознания, данная ему как его иное] должно быть именно чем-то *потусторонним*, таким, которое не может быть найдено. Если его ищут как единичное, то оно есть не какая-либо *всеобщая*, мысленная *единичность*, не понятие, а *единичное* как предмет, или *нечто действительное*, предмет непосредственной чувственной достоверности, и именно в силу этого лишь такое единичное, которое исчезло. Поэтому сознание может обрести в наличии лишь *могилу* своей жизни. Но так как сама могила есть *действительность*, а природе действительности противоречит предоставление длительного обладания [ею], то и эта наличность гроба есть только стоящая многих усилий борьба, которая должна быть проиграна. Но узнав на опыте, что *гроб его действительной* неизменной сущности не обладает *никакой действительностью*, что *исчезнувшая единичность*, раз она исчезла, не есть истинная единичность, оно откажется отыскивать неизменную единичность как *действительную* или держаться за нее как за исчезнувшую, и только благодаря этому оно способно найти единичность как подлинную или как всеобщую⁵.

После того как «несчастное сознание» низвело свое для-себя-бытие до вещи, оно как бы отступило к уже преодоленному виде-

³ Гегель Г.В.Ф. Феноменология Духа. М.: Наука, 2000. С. 11.

⁴ Там же. С. 109.

⁵ Там же. С. 114–115.

нию своего предмета как бытия или вещи, но теперь вещь и всякое бытие получили возможность быть понятыми сознанием как само сознание, то есть понятыми разумно, так теория узнает себя в практике⁶ – появляется положительный эмпиризм, идеалистический, который мы можем отождествить с естественнонаучным мышлением эпохи. Данные положения сохраняются у Гегеля и в поздний период творчества – в третьем томе «Энциклопедии» догмат воплощения снова выделяется как специфически христианское учение, объединяющее субъект и объект познания в единое самопознание духа⁷. Помимо воплощения, существенным для появления научного взгляда на мир оказывается и воскресение – для сравнения: данная идея Гегеля Кожеву чужда [Кожев 2010, с. 133]. О значимости воскресения, в частности, можно прочитать в «Философии религии» Гегеля: сошествие Бога в могилу несло мысль о продолжении прервавшегося на три десятилетия разделения видимого и невидимого, духа и действительности, и только воскресение дает уверенность, что трансценденция надежно преодолена⁸. Та же мысль в «Феноменологии»: благодаря воскресению сознание удостоверилось в себе, осознало, что сознание само есть действительность, что действительность сознанию не противна, а опыт помогает сознанию узнать себя в изучаемом мире.

...после того как потеряна могила его истины, искоренено само искоренение его действительности, и единичность сознания для него есть в себе абсолютная сущность, оно открывает мир как *свой* новый действительный мир, в постоянстве которого оно заинтересовано, как прежде было заинтересовано только в его исчезновении; ибо *устойчивость* мира становится для сознания его собственной *истиной* и его собственным наличием; оно уверено, что на опыте узнает в нем только себя⁹.

Это не отменило критики эмпиризма нового времени как гештальта – это «пустой идеализм»¹⁰, заполняющий пустое я. Он не отстраняется в сомнении как «несчастное сознание», а набрасывается в накоплении. Действительному разуму достоверно, что он есть вся реальность, но не став ею поистине, он себя реальностью

⁶ Там же. С. 177–178.

⁷ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3: Философия духа. М.: Мысль, 1977. С. 7.

⁸ Гегель Г.В.Ф. Философия религии. Т. 1. М.: Мысль, 1975. С. 184.

⁹ Гегель Г.В.Ф. Феноменология Духа. М.: Наука, 2000. С. 121–122.

¹⁰ Там же. С. 125.

наполняет, слиясь тем самым этой реальностью стать. Так наука Нового времени становится наукой открытия законов, которые суть понятия, проявляющиеся в опыте¹¹, и в проведении этих опытов над законом появляются эксперименты – выхолащивание чувственного бытия ради очищения понятия.

Если в христианском происхождении науки концепции Койре и Кожева с Гегелем в основном совпадают, то в оценке значимости математизации естествознания и личного вклада Ньютона они различны. Согласно классику, наука до Коперника, Галилея и Ньютона была продолжением естественного сознания, последовательно восходящего от наличного бытия к сознанию всеобщего, а наука Нового времени начала с абстрактных форм и в них возводит, реконструирует всеобщее, но делает это столь же абстрактно, неподвижно¹², посредством рассудочных законов и математики. Отношение к математике у Гегеля существенно отличается от кантовского, изложенного в «Метафизических началах естествознания»¹³. Согласно Гегелю, математика приходит со снятием качественной самостоятельности инобытия духа, когда различия в нем становятся «равнодушными», т. е. сущими по величине, отличающимися количественно¹⁴. Математика в физике «заимствует из опыта синтетические положения», а математические доказательства доказательствами не являются, а суть «пустая видимость» доказательств. Математический принцип величины есть «различие, лишённое понятия», а принцип равенства – «абстрактное безжизненное единство»¹⁵. Математика не даёт понимание предмета, но предлагает его репрезентацию – абстрактную, и только потому очевидную и точную.

Отдельным предметом критики и в вопросе законов природы, и в вопросе математического естествознания для Гегеля был один из главных героев Койре – Ньютон. Само появление закона всемирного тяготения Гегель объяснял тем, что понятие закона противится множественности, притом неопределённой множественности, а потому рассудок стремится свести множество законов к одному: так вместе оказываются закон падения яблока и вращения Венеры¹⁶. Наконец, у Гегеля мы находим предостережение против того, что станет главным космологическим тезисом Койре и Кожева,

¹¹ Гегель Г.В.Ф. Феноменология Духа. С. 132.

¹² Там же. С. 23.

¹³ Кант И. Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. М.: Чоро, 1994. С. 251.

¹⁴ Гегель Г.В.Ф. Феноменология Духа. С. 145.

¹⁵ Там же. С. 29.

¹⁶ Там же. С. 81.

против объединения неба и земли в Новое время. Гегель сомневался в необходимости объединения земной и небесной механики: он признает не единство силы тяжести во вселенной [Лопатюк 2017], в надлунном и подлунном мире, а только сопоставимость абстрактных количественных показателей, геометрических и арифметических. В ранней работе, диссертации «Об орбитах планет» (1801), классик особенно красноречив: «благодаря жалкому анекдоту о том, как Ньютон увидел падающее яблоко, толпа стала без страха взирать на небо, совершенно позабывши, что яблоко уже послужило однажды началом бедствий для всего человеческого рода, а затем поводом к гибели Трои, – дурное предзнаменование и для философских наук»¹⁷.

Заключение

Необходимо признать в работах Койре и Кожева по истории и философии науки, написанных в русле интерналистского антипозитивизма, гегельянские основания, что само по себе исторически неудивительно – оба являлись представителями французского неогегельянства. Позитивистскому представлению о преодолении религии наукой они, сохраняя однозначно атеистические позиции, противопоставили восходящее к Гегелю понимание интеллектуальной истории, где Декарт оказывается первым подлинно христианским философом, что не равно философу-христианину, т. е. не характеризует его индивидуальную религиозность, но говорит о фундаментальных метафизических основаниях его мысли. В основание новоевропейской мысли и, в частности, естествознания, согласно Гегелю, а следом за ним согласно Кожеву, положено осознание догмата боговоплощения. Однако для Койре и Кожева новая наука означала математизацию физики, тогда как Гегель относился к математике более чем критично. В общем, следуя за Койре, Кожев к его анализу генезиса новоевропейской науки добавляет прогноз проблем для науки будущего: сама идея воплощения трансцендентного бога и следующие из нее идеи теоретической познаваемости физического мира и актуальной бесконечности не стали менее суггестивными, даже их привычность не преодолевает их контринтуитивность, а значит ослабление представленности христианской религии в интеллектуальной культуре приведет к пересмотру научных оснований, что Кожев уже наблюдал в квантовой механике. Открытие христианских оснований науки обманыв-

¹⁷ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т. 1. М.: Мысль, 1970. С. 252.

вает ожидания необходимости научных суждений, их достаточной обоснованности и полноты, чем актуализирует скептические аргументы.

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00948 «Культурный трансфер между Россией и Францией в контексте феномена русского зарубежья: новые архивные материалы».

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project “Cultural Transfer between Russia and France in the Context of the Russian Abroad Phenomenon. New Archival Materials”, no. 20-011-00948.

Источники

Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т. 1. М.: Мысль, 1970. 668 с.

Гегель Г.В.Ф. Философия религии. Т. 1. М.: Мысль, 1975. 532 с.

Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М.: Мысль, 1977. 471 с.

Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 3. СПб.: Наука, 1994. 583 с.

Гегель Г.В.Ф. Феноменология Духа. М.: Наука, 2000. 495 с.

Кант И. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 4. М.: Чоро, 1994. 630 с.

Литература

Кожев 2010 – *Кожев А.* Гегель, Маркс и христианство // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 128–143.

Курилович 2020a – *Курилович И.С.* Бог распятый в основании новоевропейской науки и источники интерналистского антипозитивизма. Статья первая: Койре // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 3. С. 24–35.

Курилович 2020b – *Курилович И.С.* Бог распятый в основании новоевропейской науки и источники интерналистского антипозитивизма. Статья вторая: Кожев // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 4. С. 41–56.

Лопатюк 2017 – *Лопатюк Р.Ю.* Критика Гегелем понятия силы в небесной механике Ньютона // История философии. 2017. Т. 22. № 2. С. 70–78.

References

- Kozhev, A. (2010), "Hegel, Marx and Christianity", *Voprosy filosofii*, no. 10, pp. 128–143.
- Kurilovich, I.S. (2020), "The Crucified God at the basis of modern European science and sources of the internalist antipositivism. Article one: Koyré", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 24–35.
- Kurilovich, I.S. (2020), "The Crucified God at the basis of modern European science and sources of the internalist antipositivism. Article two: Kojève", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 41–56.
- Lopatuyuk, R.Yu. (2017), "Hegel's criticism of the concept of force in Newton's celestial mechanics", *Istoriya filosofii*, vol. 22, no. 2, pp. 70–78.

Информация об авторе

Иван С. Курилович, кандидат философских наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; kurilovich.i@rggu.ru

Information about the author

Ivan S. Kurilovich, Cand. of Sci. (Philosophy), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; kurilovich.i@rggu.ru

Социология: теоретические и эмпирические исследования

УДК 316.334.3

DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-64-77

Образ будущего в массовом сознании граждан как фактор устойчивого социально-политического развития общества

Наталья М. Великая

*Институт социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, Москва, Россия, natalivelikaya@gmail.com*

Ирина С. Шушпанова

*Институт социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, Москва, Россия, i.s.shushpanova@mail.ru*

Владимир А. Афанасьев

*Институт социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, Москва, Россия, ararec@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу социально-политических представлений российских граждан о будущем Российского государства и российского общества. Анализируя динамические ряды данных мониторинга «Как живешь, Россия?» и его последней волны ноября–декабря 2020 г., авторы рассматривают изменения массового сознания в плане оценок эффективности усилий власти по обеспечению важнейших прав, свобод и норм социального государства и демократического режима, что проявляется в отношении к существующей политической системе и влияет на уровень доверия к власти, где традиционно лидирует власть исполнительная. Выявляя ожидания российских граждан о возможном развитии страны в политической, экономической и культурной сферах, авторы делают вывод, что уровень социально-политического оптимизма позволяет описывать существующую политическую систему как достаточно устойчивую, с высоким уровнем легитимации, с одной стороны, но высоким уровнем отчуждения граждан от власти – с другой.

© Великая Н.М., Шушпанова И.С., Афанасьев В.А., 2021

Ключевые слова: образ будущего, доверие к власти, социально-политических оптимизм, гражданское общество, социально-политическая устойчивость

Для цитирования: Великая Н.М., Шушпанова И.С., Афанасьев В.А. Образ будущего в массовом сознании граждан как фактор устойчивого социально-политического развития общества // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 1. С. 64–77. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-64-77

The image of the future in the mass consciousness of citizens as a factor of sustainable socio-political development of society

Nataliya M. Velikaya

Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, natalivelikaya@gmail.com

Irina S. Shushpanova

Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, i.s.shushpanova@mail.ru

Vladimir A. Afanas'ev

Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, arapec@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the socio-political views of Russian citizens about the future of the Russian state and Russian society. Analyzing the dynamic data series of the monitoring “How do you Live, Russia?” and its last wave of November–December 2020, the authors consider the changes in mass consciousness in terms of assessing the effectiveness of the government’s efforts to ensure the most important rights, freedoms and norms of the social state and the democratic regime, which manifests itself in the attitude to the existing political system and affects the level of trust in the government, where the executive power traditionally leads.

Identifying the expectations of Russian citizens about the possible development of the country in the political, economic and cultural spheres, the authors conclude that the level of socio-political optimism allows one to describe the existing political system as fairly stable, on the one hand, with

a high level of legitimation, on the other with a high level of alienation of citizens from power.

Keywords: image of the future, trust in the government, socio-political optimism, civil society, socio-political stability

For citation: Velikaya, N.M., Shushpanova, I.S. and Afanas'ev, V.A. (2021), "The image of the future in the mass consciousness of citizens as a factor of sustainable socio-political development of society", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1, pp. 64–77, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-64-77

Введение

Проблемы политологического и социологического исследования процессов устойчивости социально-политического развития российского социума имеют фундаментальный характер. Современные научные исследования отечественных ученых в данной области касаются, как правило, частных и отраслевых аспектов динамики, структуры и характера этих процессов. Анализу методических, аксиологических аспектов концепции устойчивого развития общества в России посвящены исследования А.М. Старостина, А.В. Понеделкова, Л.Г. Швеца [Старостин и др. 2016], И.И. Ващук, О.Ю. Анциферовой [Ващук, Анциферова 2015], Д.А. Массерова, А.В. Кирюшина [Массеров, Кирюшин 2013], Н.Н. Власюк, Б.О. Майера [Власюк, Майер 2012], В.К. Левашова, И.С. Шушпановой [Левашов, Шушпанова 2016].

Основоположником социологического подхода к анализу представлений социума о будущем стал голландский футуролог Ф. Полак. Он исследует образ будущего в сознании граждан как динамический процесс, наделенный историческим бременем [Polak 1973]. Современные социологические исследования исследователей образа будущего базируются на измерениях отдельных индикаторов или же социальных групп [Образ будущего 2016; Селиванов 2015]. Мы исходим из того, что образ будущего в массовом сознании граждан детерминирован действиями органов власти, проводимой политикой в различных сферах жизнедеятельности социума, доминирующим в обществе социальным настроением и актуальным самочувствием [Куда идешь... 2021, с. 10]. По мнению авторов, теория устойчивого развития общества представляет собой совокупность фундаментальных законов и закономерностей о контролируемом режиме обмена материальными и духовными ресурсами между человеком, обществом и окружающей средой, при

котором сохраняются и улучшаются условия жизнедеятельности будущих поколений. Социально-политическая устойчивость определяется как система отношений «политические партии – государство – общество», в которой «происходит самоподдерживающееся за счет действия внутренних регуляторов оптимальное согласование интересов, что создает для всех субъектов и институтов сферы социально-политических отношений и для нее самой режим устойчивого развития в настоящем и будущем» [Левашов 2018, с. 87].

С целью изучения образа будущего в оценках российских граждан как фактора устойчивого социально-политического развития общества авторы анализируют социологическую информацию, полученную в декабре 2020 г. Центром стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН в рамках исследовательского проекта «Устойчивость социально-политического развития российского общества и меняющийся образ будущего в массовом сознании граждан»¹.

Доверие к власти как индикатор устойчивого социально-политического развития общества

Устойчивое развитие социальной системы возможно только при достаточном уровне доверия общества к власти, которое является также показателем уровня легитимации тех или иных политических институтов. Наметившийся позитивный сдвиг в оценках действующей власти, выраженный через индикатор доверия, в последние годы замер. Традиционно лидерами по уровню доверия населения остаются Президент РФ (64%), армия (60%) и правительство (51%). Лидерами «рейтинга недоверия» среди россиян из года в год являются банковские/предпринимательские круги (61%), полиция/суд/прокуратура (61%) и СМИ (46%). Наиболее значительный рост доверия населения по сравнению с прошлым годом произошел по отношению к: 1) руководителям регионов, достигнув

¹ Полевой этап проходил в ноябре–декабре 2020 г. в 14 регионах РФ. N=1563. Для построения трендов развития российского общества проанализирована динамика изменения ключевых индикаторов. Показатели измеряются в рамках социологического мониторинга «Как живешь, Россия?», которые проводятся с 1992 г. по выборке, репрезентативной для населения России. Объем выборочной совокупности составлял на различных этапах 1312–1866 респондентов. Руководитель проекта – д-р социол. наук В.К. Левашов.

исторического максимума с 1995 г. и догнав по этому показателю Правительство РФ (с 31% в 2019 г. до 51% в 2020 г.); 2) Правительству РФ (с 32% в 2019 г. до 51% в 2020 г.); 3) Президенту РФ (с 54% в 2019 г. до 64% в 2020 г.). Рост недоверия населения по сравнению с прошлым годом произошел только по отношению к банковским/предпринимательским кругам (с 55% в 2019 г. до 61% в 2020 г.), что косвенно подтверждает данные об удовлетворенности текущей политической ситуацией в целом.

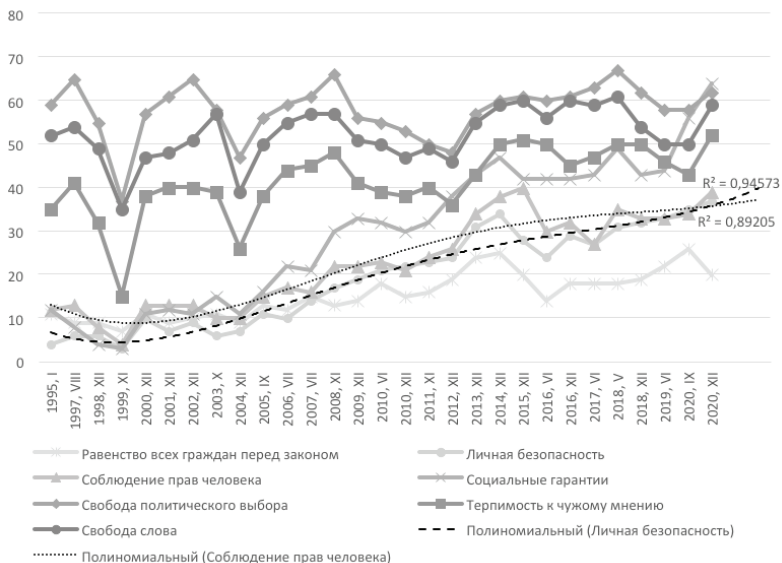
Говоря об образе будущего и путях его построения, нельзя не учитывать актуального положения дел и отношения населения к существующей политической системе. Обращает на себя внимание позитивная динамика по показателю удовлетворенности политической системой. Если в 2000 г. ею было удовлетворено лишь 7% опрошенных, в 2010 г. – 12%, в 2019 г. – 20%, то в сентябре 2020 г. – 33%, что составляет абсолютный максимум за 20 лет наблюдений [Экспресс-информация 2020, с. 13; Левашов и др. 2014; Левашов и др. 2013].

Довольно высокий прирост числа удовлетворенных системой граждан по сравнению с 2018–2019 гг. сопровождается снижением доли тех, кто выступает за радикальное изменение существующей политической системы (с 27 до 18% соответственно). Доля «реформаторов» также снизилась с 39 до 34%. Однако аналогичный опрос, проведенный через три месяца в декабре 2020 г. зафиксировал значительный прирост доли граждан, выступающих за реформирование политической системы в сравнении с сентябрем 2020 г. (с 34 до 42%), а также снижение доли удовлетворенных с 33 до 28%.

Подобные сдвиги во многом связаны с оценкой деятельности власти в плане обеспечения основных прав, свобод и норм социального государства. В декабре 2020 г. большинство граждан считали, что государство обеспечивало следующие нормы жизни демократического общества в нашей стране: «социальные гарантии» (64%), «свобода политического выбора» (62%), «свобода слова» (59%), «терпимость к чужому мнению» (52%) (рис. 1).

Хуже обстоит дело с правами человека в области правового государства. Только 39 и 37% респондентов считали, что государство выполняло свои обязанности по обеспечению «соблюдения прав человека» и «личной безопасности». И всего четверть россиян утверждали, что государство обеспечивало «равенство граждан перед законом».

За два года государство стало лучше выполнять свои обязанности по обеспечению таких норм жизни демократического общества, как «социальные гарантии» (рост на 21 п. п.), «соблюдение прав человека» (6 п. п.), «личная безопасность» (рост на 5 п. п.) и «свобода слова» (5 п. п.) [Левашов и др. 2019, с. 50], что отражено в общественном сознании.

*Рис. 1. Динамика мнений респондентов об обеспечении государством основных норм жизни демократического общества в нашей стране (вариант ответа «обеспечиваются») (РФ, % от числа опрошенных)
Источник: Мониторинг «Как живешь, Россия?»*

Отчуждение как проявление кризисных явлений в развитии социума

Следующая группа индикаторов отражает степень отчужденности российского общества от государства. В декабре 2020 г. 65% считали, что «людям у власти нет никакого дела до простых людей». Другую точку зрения («власти заботятся о жизни простых людей») имели 8% граждан. За два года число россиян с мнением о том, что «людям у власти нет никакого дела до простых людей», сократилось с 74 до 65% (рис. 2). [Левашов и др. 2019, с. 23]. Количество граждан с противоположными взглядами не изменилось. При этом доля респондентов, затруднившихся ответить на вопрос, возросла с 19 до 27%. Таким образом, российское общество начало свой путь к состоянию устойчивости, формируя основу возможного в будущем улучшения взаимоотношений социума и государства. Однако отсутствие положительных изменений в установках

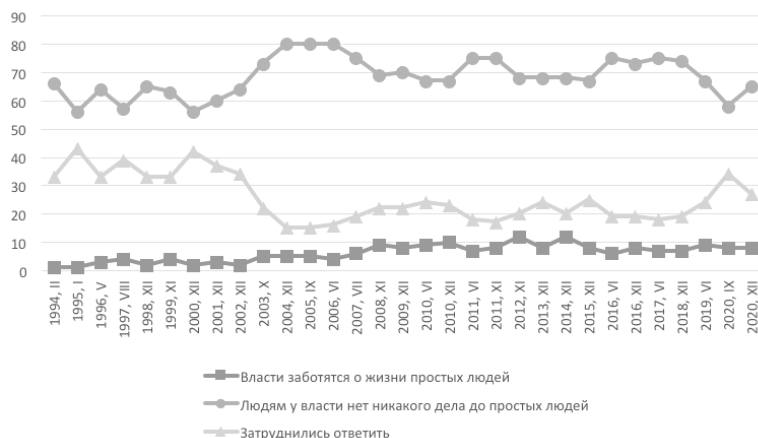

Рис. 2. Динамика мнений респондентов о жизни в стране (РФ, % от числа опрошенных).

Источник: Мониторинг «Как живешь, Россия?»

граждан в направлении роста числа россиян с мнением «власти заботятся о жизни простых людей» снижают шансы коренным образом переломить ситуацию и снизить социально-политическую отчужденность.

В конце 2020 г. 40% россиян считали, что «главное для центральной власти в Москве – это решить свои проблемы за счет областей и республик России» (рис. 3). По сравнению с декабрем 2018 г. с 15 до 10% снизилось число россиян с мнением о том, что «центр проводит политику в интересах регионов» [Великая 2019]. Количество граждан, имевших противоположные взгляды, не изменилось. Анализ показал, что по данному индикатору риски устойчивости социально-политического развития российского общества возросли. Существенного улучшения ситуации в сторону роста уровня одобрения гражданами проводимой органами власти региональной политики не зафиксировано.

Количество граждан, считающих, что они «не могут повлиять на политические процессы в стране», за четыре года выросло с 68 до 73%. По данному индикатору риски устойчивого социально-политического развития российского общества возросли. В будущем, полагаем, положительных изменений в сторону уменьшения уровня отчужденности социума от государства не произойдет.

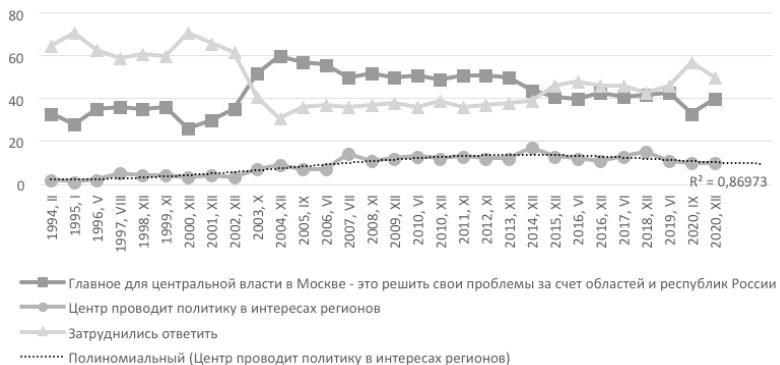

Рис. 3. Динамика мнений респондентов о жизни в стране (РФ, % от числа опрошенных).

Источник: Мониторинг «Как живешь, Россия?»

Рис. 4. Динамика мнений респондентов о жизни в стране (РФ, % от числа опрошенных).

Источник: Мониторинг «Как живешь, Россия?»

Россияне о перспективах развития страны

Мнение россиян о том, как может измениться положение дел в различных сферах жизни российского общества в ближайшие 5 лет, в основном сложилось под влиянием коронавирусной пан-

демии, начавшейся в 2020 г. В целом граждане ждут улучшения лишь по двум аспектам жизнедеятельности: «экономическое положение страны» (41%) и «ситуация в социальной сфере» (41%). По другим индикаторам – «ситуация в сфере культуры и искусства», «развитие демократии, прав и свобод граждан», «борьба с коррупцией, законность и правопорядок», «духовно-нравственное состояние общества», «международные отношения» – наибольшее число респондентов полагают, что ситуация не изменится. Можно предположить, что в будущем риски устойчивости социально-политического развития российского общества по ряду индикаторов тоже снизятся.

Социально-психологическое самочувствие населения во многом связано с уверенностью в завтрашнем дне, которую граждане оценивали по-разному: 35% россиян чувствовали ее, а 29% – нет. События, связанные со сложившейся в стране непростой эпидемиологической ситуацией, оказали влияние на сознание граждан: только третья часть российского общества уверена в стабильности положения дел в будущем. Большинство респондентов находились в состоянии неопределенности и страха за свое будущее.

Тем не менее российское гражданское общество в целом было скорее позитивно, чем негативно настроено по отношению к проводимым органами власти экономическим реформам: 34% россиян относились к экономическим преобразованиям положительно. Противоположных взглядов придерживались 23% граждан. При этом в динамике за два года число россиян, положительно относившихся к экономическим реформам, возросло в два раза (с 17 до 34%). Риски устойчивого социально-политического развития российского общества по критерию уровня лояльности граждан к экономической политике постепенно снижались.

Динамика отношения граждан к курсу экономических реформ, проводимых в нашей стране, имеет нелинейный характер. На рис. 5 зафиксированы экстремумы – периоды, в которые общественное мнение граждан меняло свою направленность. Так, до середины 2010 г. число россиян, отрицательно относившихся к экономическим реформам, снижалось достаточно быстрыми темпами. Далее до середины 2017 г. численность данной группы респондентов росла, но более низкими темпами, а затем количество россиян с отрицательным мнением возобновило тенденцию к снижению. Противоположный тренд зафиксирован в отношении числа граждан, положительно относившихся к экономическим преобразованиям, проводимым властью в нашей стране. Построенные тренды объясняют более 60% случаев зафиксированной регрессионной зависимости, коэффициенты аппроксимации находятся на уровне выше среднего значения.

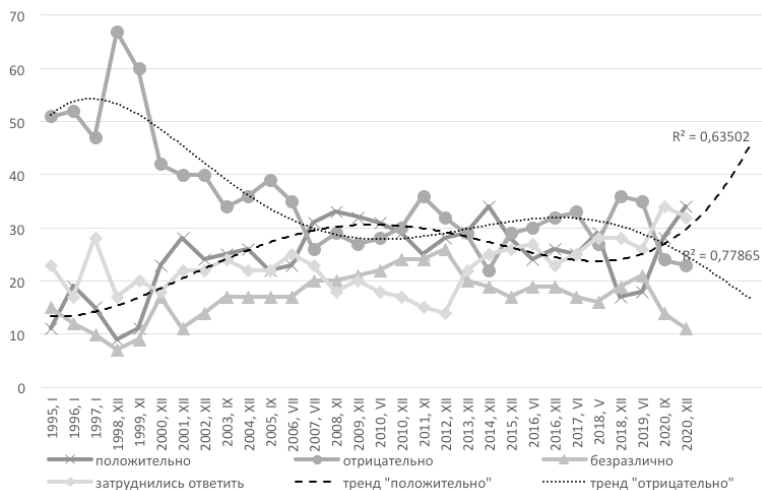

Рис. 5. Динамика отношения респондентов к курсу проводимых экономических реформ (РФ, % от числа опрошенных).
 Источник: Мониторинг «Как живешь, Россия?»

Явное смещение тренда положительного отношения к курсу реформ в сторону возрастания, отрицательного – в сторону убывания позволяет сделать вывод о том, что решения экономической направленности, принимаемые институтами власти в последние годы, вызывают скорее положительный отклик и формируют в общественном мнении позитивный образ будущего.

Заключение

Образ будущего, складывающийся в сознании российских граждан, зависит от актуальной политической и экономической ситуации в стране, а также от тех рисков и угроз, которые осознаются и артикулируются в общественном сознании. Анализ динамических рядов показывает, что в целом риски устойчивости социально-политического развития российского общества по ряду показателей, характеризующих нормы жизни демократического общества, начали снижаться. При этом наибольшее число россиян (43%) были индифферентно настроены по отношению к проводимой государством экономической политике, что можно объяснить высоким

уровнем отчуждения от власти, выражающейся в убеждении, что «простой человек ни на что влиять не может».

Оценивая социально-экономическое и политическое положение дел, гражданское общество в ближайшем будущем не прогнозирует существенных изменений, а образ будущего в массовом сознании россиян, скорее, связан со стабилизацией ситуации, чем с ее улучшением или ухудшением. Исключение составляют лишь два индикатора, характеризующие экономическую и социальную сферы. Именно с этими сферами связаны надежды наших граждан на положительные изменения и улучшение ситуации.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31185.

Acknowledgements

The study was carried out with financial support by RFBR and EISR according to the research project № 20-011-31185.

Литература

- Ващук, Анциферова 2015 – *Ващук И.И., Анциферова О.Ю.* Генезис и трансформация экономической категории «устойчивое развитие» // Научный альманах. 2015. № 12-1. С. 74–79.
- Великая 2019 – *Великая Н.М.* Риски политического развития России: недоверие и отчуждение // «Как живешь, Россия?»: Российское социальное государство и гражданское общество в реализации стратегии прорыва: результаты и резервы: Декабрьские социально-политические чтения / Под ред. С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской. М.: Перспектива, 2019. С. 23–32 [Электронный ресурс]. URL: <https://itdperspectiva.page.link/ispirandec2019> (дата обращения 13 января 2021).
- Власюк, Майер 2012 – *Власюк Н.Н., Майер Б.О.* О моделях устойчивого развития общества в контексте глобализации // *Философия образования*. 2012. № 6. С. 33–37.
- Куда идешь... 2021 – *Куда идешь, Россия? Экспресс-информация* / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова [и др.]; отв. ред. В.К. Левашов. М.: ФНИСЦ РАН, 2021.
- Левашов и др. 2014 – *Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С.* Как живешь, Россия? 39 этап социологического мониторинга, декабрь 2013 г.: Экспресс-информация. М.: ФГБУН ИСПИ РАН, 2014.

- Левашов и др. 2013 – *Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С.* Экспресс-информация. Как живешь, Россия? 37 этап социологического мониторинга, декабрь 2012 г. М.: ИСПИ РАН, 2013.
- Левашов и др. 2019 – *Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С.* Экспресс-информация. Как живешь, Россия? 48 этап социологического мониторинга, ноябрь–декабрь 2018 г. / Под общ. ред. В.К. Левашова [Электронный ресурс]. М.: Перспектива, 2019. 59 с. URL: <https://goo.gl/2ZAze1> (дата обращения 20 января 2021).
- Левашов 2018 – *Левашов В. К.* Российское государство и общество в период либеральных реформ. М.: Юрайт, 2018.
- Левашов, Шушпанова 2016 – *Левашов В.К., Шушпанова И.С.* Измерение устойчивого развития российского общества // Россия: тенденции и перспективы развития: Ежегодник / Отв. ред. В.И. Герасимов. М.: Ин-т науч. информации по общественным наукам РАН, 2016. С. 158–167.
- Массеров, Кирюшин 2013 – *Массеров Д.А., Кирюшин А.В.* Возникновение и развитие концепции устойчивого развития общества // Проблемы региональной экологии. 2013. № 1. С. 197–200.
- Образ будущего 2016 – Образ будущего в оценках нового поколения россиян: монография / В.В. Гаврилюк, Л.Л. Мехришвили, Н.И. Скок, Х.Н. Садыкова, Ш.Ф. Фарахутдинов, В.В. Маленков, Т.В. Гаврилюк, О.Л. Сотков, И.Н. Голиков. Тюмень: ТИУ, 2016. 165 с.
- Селиванов 2015 – *Селиванов А.И.* Познание будущего развивающихся социальных объектов // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 11–17.
- Старостин и др. 2016 – *Старостин А.М., Понеделков А.В., Швец Л.Г.* Власть, бизнес, гражданское общество: противоречия и конфликты на пути к устойчивому развитию // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 4. С. 138–143.
- Экспресс-информация 2020 – Экспресс-информация. Как живешь, Россия? 50 этап социологического мониторинга, август–сентябрь 2020 года: [Монография] / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова [и др.]; Отв. ред. В.К. Левашов; ФНИСЦ РАН. М.: Перспектива, 2020. 64 с.
- Polak 1973 – *Polak F.* The Image of the Future / Transl. and abridged by E. Boulding. Amsterdam; London; New York: Elsevier Scientific Publishing Company, 1973. ??? p.

References

- Gavrilyuk, V.V. (ed.) (2016), *Obraz budushchego v otsenkakh novogo pokoleniya rossiyan* [The image of the future in the assessments of the new generation of Russians. Monograph], Mekhrishvili, L.L., Skok, N.I., Sadykova, H.N., Farakhutdinov, Sh.F., Malenkov, V.V., Gavrilyuk, T.V., Sotkov, O.L. and Golikov, I.N., TIU, Tyumen, Russia.
- Levashov, V.K. (2018), *Rossiiskoe gosudarstvo i obshchestvo v period liberal'nykh reform* [The Russian state and society in the period of liberal reforms], Yurait, Moscow, Russia.

- Levashov, V.K. (ed.) (2020), *Express information "How are you, Russia?", 50th stage of the sociological monitoring, August-September* [Monography], Levashov, V.K., Velikaya, N.M., Shushpanova, I.S. [et al.], FNISTS RAN, Perspektiva, Moscow, Russia, available at: <http://испи.рф/wp-content/uploads/2020/12> (Accessed 20 January 2021).
- Levashov, V.K. (ed.) (2021), *Kuda idesh', Rossiya? Ekspres-informatsiya* [Where are you going, Russia? Express information], Velikaya, N.M., Shushpanova I.S. [et al.], FNISTS RAN, Moscow, Russia.
- Levashov, V.K., Afanasyev, V.A., Novozhenina, O.P. and Shushpanova, I.S. (2013), *Ekspres-informatsiya. Kak zhivesh', Rossiya? 37 etap sotsiologicheskogo monitoringa, dekabr' 2012 g.* [Express-information. How do you live, Russia? 37th stage of sociological monitoring, December 2012], FNISTS RAN, Moscow, Russia.
- Levashov, V.K., Afanas'ev, V.A., Novozhenina O.P. and Shushpanova, I.S. (2014), *Kak zhivesh', Rossiya? 39 etap sotsiologicheskogo monitoringa, dekabr' 2013 g.: Ekspres-informatsiya* [How do you live, Russia? 39th stage of sociological monitoring, December 2013: express-information], FNISTS RAN, Moscow, Russia.
- Levashov, V.K., Afanas'ev, V.A., Novozhenina, O.P. and Shushpanova, I.S. (2019), *Ekspres-informatsiya. Kak zhivesh', Rossiya? 48 etap sotsiologicheskogo monitoringa, noyabr'–dekabr' 2018 g* [Express-information. How do you live, Russia? 48th stage of sociological monitoring, November–December 2018], Levashov, V.K. (ed.), Perspektiva, Moscow, Russia, available at: <https://goo.gl/2ZAze1> (Accessed 20 January 2021).
- Levashov, V.K. and Shushpanova, I.S. (2016), "Measuring the sustainable development of Russian society", *Rossiia: tendentsii i perspektivy razvitiya: Ezhegodnik* [Russia. Trends and prospects of development. Yearbook], Gerasimov, V.I. (ed.), Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, pp. 158–167.
- Masserov, D.A. and Kiryushin, A.V. (2013), "Origin and development of the concept of sustainable development of a society", *Regional environmental issues*, no. 1. pp. 197–200.
- Polak, F. (1973) *The Image of the Future*, Transl. and abridged by E. Boulding, Elsevier Scientific Publishing Company, Amsterdam, London, New York.
- Selivanov, A.I. (2015), "Cognition of the future for developing social objects", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 4. pp. 11–17.
- Starostin, A.M., Ponedelkov, A.V. and Shvets, L.G. (2016), "Power, business, civil society. Contradictions and conflicts on the way to sustainable development", *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatelstvo; pravo i upravlenie*. no. 4. pp. 138–143.
- Vashchuk, I.I. and Antsiferova, O.Yu. (2015), "Genesis and transformation of the economic category of sustainable development", *Scientific almanac*, no. 12-1, pp. 74–79.
- Velikaya, N.M. (2019), "Risks of Russia's Political Development. Distrust and Alienation", *"Kak zhivesh', Rossiya?": Rossiiskoe sotsial'noe gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo v realizatsii strategii proryva: rezul'taty i rezervy: Dekabr'skie sotsial'no-politicheskie*

chteniya ["How do you live, Russia?" Russian Social State and Civil Society in the implementation of the Breakthrough Strategy. Results and Reserves]. The December Conference on Social Policy, Ryazantsev, S.V., Levashov, V.K. and Rostovskaya, T.K., Perspektiva, Moscow, Russia, pp. 23–32, available at: <https://itdperspektiva.page.link/ispirandec2019> (Accessed 20 January 2021).

Vlasyuk, N.N. and Mayer, B.O. (2012), "On the models of the society's sustainable development in the context of globalization", *Philosophy of education*, no. 6, pp. 33–37.

Информация об авторах

Наталья М. Великая, доктор политических наук, профессор, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСПИ ФНИСЦ РАН), Москва, Россия; 119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1; natalivelikaya@gmail.com

Ирина С. Шущпанова, кандидат социологических наук, доцент, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСПИ ФНИСЦ РАН), Москва, Россия; 119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1; i.s.shushpanova@mail.ru

Владимир А. Афанасьев, старший научный сотрудник, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСПИ ФНИСЦ РАН), Москва, Россия; 119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1; arapec@yandex.ru

Information about the authors

Nataliya M. Velikaya, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 6 (1), Fotievoi Street, Moscow, Russia, 119333; natalivelikaya@gmail.com

Irina S. Shushpanova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 6 (1), Fotievoi Street, Moscow, Russia, 119333; i.s.shushpanova@mail.ru

Vladimir A. Afanas'ev, senior researcher, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 6 (1), Fotievoi Street, Moscow, Russia, 119333; arapec@yandex.ru

УДК 316.477

DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-78-88

Карьерный капитал: концептуальные подходы

Ирина П. Попова

*Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН, Москва, Россия,
irina_porova@list.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к исследованию карьерного капитала с точки зрения проблематики условий профессионального развития работников. Этот концепт сформировался в рамках междисциплинарных исследований карьеры, с опорой на концепции человеческого, социального и культурного капиталов, как один из инструментов понимания новых процессов в сфере труда. Содержание этих процессов определяет, в том числе, растущее разнообразие моделей карьер и необходимость их адаптации к организационным стратегиям. Внимание фокусируется на двух основных направлениях исследования этого концепта: в рамках одного из них он рассматривается как инструмент для управленческих практик в современных организациях; в рамках другого – в перспективе развития теории карьеры. Сделаны выводы о том, что подходы к рассмотрению карьерного капитала основаны на междисциплинарном взаимодействии и понимании многоуровневого контекста карьеры в исследованиях организаций. Выделены группы факторов инфраструктуры среды для возможностей профессионального продвижения, обучения работников, индивидуального карьерного успеха.

Ключевые слова: карьерный капитал, человеческий капитал, профессиональная карьера, карьерная система, исследования карьер

Для цитирования: Попова И.П. Карьерный капитал: концептуальные подходы // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 1. С. 78–88. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-78-88

Career capital. Conceptual approaches

Irina P. Popova

*Institute of Sociology of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, irina_popova@list.ru*

Abstract. This article considers approaches to studying the career capital in the interdisciplinary career studies from the point of view of the creating conditions issues for professional development of employees. The concept was formed within the framework of the interdisciplinary career research, based on the concepts of the human, social and cultural capital, as one of the tools for understanding new processes in the field of labor. The content of those processes determines, among other things, the growing variety of career models and the need to adapt them to organizational strategies. Attention is focused on studying those concepts in two principal directions: considering it as a tool for management practices in modern organizations and considering it in the perspective of the career theory development.

Conclusions are drawn that approaches to considering career capital are based on interdisciplinary interaction and understanding of the multilevel context of a career in the organizations research. Groups of environmental infrastructure factors are identified for the development of professional promotion opportunities; professional training of employees; individual career success.

Keywords: career capital, human capital, professional career, career system, research of careers

For citation: Popova, I.P. (2021), "Career capital. Conceptual approaches", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1, pp. 78–88, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-78-88

Постановка проблемы

Карьерный капитал – понятие, которое представляет интерес в исследовании эффективности условий профессионального развития работников в современных организациях. Оно сформировалось в рамках междисциплинарных исследований карьеры, в которых анализируются процессы в сфере труда, связанные с растущим разнообразием моделей карьер и необходимостью решать новые задачи создания условий и структур для них в балансе со стратегиями развития организаций [Попова 2020]. Применение этого концепта определяется задачами анализа вопросов инвестирования в различные аспекты профессионального развития со стороны

работников и организаций. Специфика анализа – в фокусировании внимания на процессах приобретения и поддержания людьми умений и компетенций, профессионального опыта и достижений, сетей взаимосвязей, не ограничивающихся пределами одной компании, отрасли, профессии. Карьерный капитал формируется на протяжении всей занятости индивида под влиянием различных факторов, от организационных до личностных.

Цель данной работы – рассмотреть основные концепции карьерного капитала в рамках создания условий и структур профессионального развития работников. Мы сосредоточим внимание на двух основных направлениях: одно из них связано с перспективой теории карьеры, другое рассматривает концепт как инструмент для управленческих практик в современных организациях.

Подходы в рамках концепций «новой карьеры»

История термина берет свое начало в исследованиях тенденций в сфере занятости, в связи с процессами в глобальной экономике знаний и концептуализацией так называемой *новой карьеры* в гибких формах занятости [Arthur et al. 1999]. Использование этого термина связано также со складыванием новых типов карьер в условиях высокой межорганизационной мобильности и комбинаций различного опыта работы, которые рассматривались как взаимосвязанные части одного карьерного пути [Defilippi, Arthur 1994; Arthur 2008]. Одной из первых публикаций принято считать работу, где внимание обращается к понятию карьерных компетенций, подчеркивается растущее несоответствие между уровнями анализа, ориентированными на личностные или организационные факторы [Defilippi, Arthur 1994]. Авторы утверждали, что накопление компетентности на уровне личности отвечает принципам «безграничной» (т. е. не ограниченной рамками одной организации) карьеры. Такие принципы концентрируют внимание на взаимовлиянии различных типов капитала при построении карьеры [Defilippi, Arthur 1994]. Развитие представлений об образовании и накапливании компетенций в рамках внутриорганизационных и межорганизационных переходов позволило авторам сформулировать концепцию карьерного капитала, которая уточняется в более поздней работе: под карьерным капиталом понимается совокупность нефинансовых ресурсов, которые человек способен привлечь к выполнению своей работы. Он рассматривается с точки зрения алгоритмов проектной деятельности организаций,

в которую привносятся различные типы инвестиций, связанных с предыдущим обучением работников (карьерный капитал) и спонсирующих проект корпораций (нефинансовый капитал компании) [Arthur et al. 2001, p. 99]. Человек может получить определенные ресурсы, основанные на различных типах знания и капиталов – культурного (информационного), человеческого, социального. Использование ресурсов рассматривается как прирост карьерного капитала с точки зрения уверенности в себе, нового опыта работы и социальной поддержки. Такой тип деятельности несет определенные риски: этот вид капитала может обесцениваться при изменениях рынка труда [Arthur et al. 2001, p. 102–103].

Этот подход применяется сегодня в исследовании моделей обучения, например в глобальном масштабе [Dickmann, Cerdin 2018]. Понимание значимости компонентов карьерного капитала, признанных важными в глобальной экономике, позволяет диверсифицировать возможности профессионального развития работников и расширять платформу для управления ими [Lamb, Sutherland 2010]. На уровне исследований в организациях карьерный капитал рассматривается как инструмент определения эффективности и оценки стратегий организаций. Центральным является его понимание как определенной ценности, создаваемой за счет постоянного улучшения позиций в занятости и признания на внешнем рынке труда (межорганизационный подбор персонала) и на внутреннем (внутриорганизационный подбор персонала) (см.: [Sutherland et al. 2015]).

Карьерный капитал в рамках теории карьеры

Междисциплинарные подходы развивались прежде всего в работах, стремящихся преодолеть монодисциплинарные ограничения и формирующих многоуровневую перспективу, соединяющую микро- и макроаспекты карьеры, а также нацеленных на создание единого теоретического языка для их анализа [Iellatchich et al. 2003]. Это прежде всего концептуальное наследие П. Бурдьё, ценность которого для арсенала исследований карьеры – во введении в них таких тем, как многоуровневый анализ, взгляд на синхронность структуры и действия, сочетание «объективной» и «субъективной» перспектив, распределение власти, социальной иерархии и социального неравенства [Iellatchich et al. 2003]. Исследователи стремились обосновать возможности адаптации к исследованиям карьеры трех ключевых концепций Бурдьё – поля, капитала и габитуса.

Под карьерным полем понимался социальный контекст, в котором участники рабочей силы пытаются сохранить или улучшить свое положение в развертывающейся сети должностей, используя набор практик, которые разрешаются правилами данного поля и способствуют формированию этих правил. Карьера разворачивается внутри поля и состоит из последовательности позиций в процессе работы, понимаемой как трансформации культурного (информационного) и социального капитала в экономический; этот процесс потенциально генерирует карьерный капитал, который понимается как особый вид капитала, формируемый в процессе инвестирования имеющихся капиталов в деятельность, связанную с работой. Это – капитал, используемый агентом для видов деятельности, связанных с его работой, которые ценятся в определенном карьерном поле [Iellatchich et al. 2003, p. 735].

В дальнейшем теория практики Бурдьё рассматривается как основа для объяснения функционирования и динамики определенного «социального порядка», создавая рамки для междисциплинарных взаимодействий в области исследований карьеры, в том числе через исследование взаимовлияния капиталов [Chudzikowski, Maughofer 2011]. В этой области концепт карьерного капитала отмечается в числе активно дискутируемых терминов, расширяющих ее границы в целом [Varuch et al. 2015, p. 10]. Он находит свое применение в эмпирических исследованиях, например миграций (см.: [Eggenhofer-Rehart et al. 2018]).

*Карьерный капитал с точки зрения
практики профессионального
продвижения в организациях
(вместо заключения)*

Концептуальные подходы к карьерному капиталу направлены на разработку многоуровневого анализа контекста карьеры и детализацию показателей эффективности в исследованиях организаций. На практике они могут быть применены в разработке принципов формирования структур профессионального продвижения в организациях.

Исследователи давно отмечают кризис традиционных систем карьерного роста – от стабильных и линейных до переходных и динамических [Varuch 2006]. Последствия влияния этого кризиса различны для разных сфер деятельности, и обоснованный подход к управлению карьерой может быть важен в достижении успеха и для работников, и для организаций (см., например: [Clarke 2013]).

Одно из направлений такого подхода – в экосистемной перспективе, которая может рассматриваться с точки зрения баланса психологических контрактов, карьеры и интересов различных сторон [Baruch, Rousseau 2019]. Чем большее значение организации придадут непрерывности в формировании человеческого капитала, тем больше они будут придерживаться «традиционных» моделей управления карьерой (стратегических, патерналистских, ограниченных и формализованных). Преемственность как цель управления карьерой и подход организации в ее достижении становятся важными факторами снижения риска дефицита человеческого капитала [De Vos, Dries 2013]. Это может способствовать решению проблемы складывания взаимовыгодных моделей инвестирования в развитие карьеры и компетентности сотрудников организации, которые способствуют их удержанию на рабочем месте в условиях конкуренции [Rodriguesa et al. 2020].

Важно выделить, на мой взгляд, следующие группы факторов влияния на возможности профессионального развития в организациях, которые действуют на различных уровнях:

- факторы *инфраструктуры*, формирующей среду для развития возможностей профессионального продвижения в различных сферах деятельности (см. об этом: [Попова 2017; Попова 2019]);
- факторы *профессионального обучения* работников, включающие структуры дополнительного образования, повышения квалификации; наставничество; организацию неформального образования непосредственно на рабочих местах, через общение и опыт; вознаграждения и поощрения за самостоятельное профессиональное образование;
- факторы структур *профессионального продвижения и развития в организации*: процедуры и практики отбора персонала, приема на работу, роста в должностном и квалификационном плане и т. д. (см., напр.: [Berkelaar, Buzzanell 2015]). Представление о типах карьеры в связи с разными задачами в организации и ее структурой становится основанием дифференциации карьерных сценариев для различных категорий сотрудников; эти сценарии используются для создания программ развития талантов и воздействия на характер карьерного капитала перспективных работников [Кудрявцева, 2018]. Для этого уровня представляет интерес фокусирование на вопросах карьерных переходов, системы оценки, вознаграждения, типов трудовых контрактов в соответствии с различными типами карьер [Brown et al. 2020; Ерофеева 2016];

- факторы *индивидуального уровня* связаны прежде всего с карьерным успехом [Ballout 2007; Järlström et al. 2020]: навыки и опыт, которые люди приносят в свою работу, требуют определенной компенсации; соответственно, модели карьерного капитала должны рассматриваться в связи трех его форм: человеческого, социального и психологического.

Выделенные группы факторов могут стать основой исследования условий карьерного роста работников с точки зрения взаимосвязанности его различных уровней.

Таким образом, карьерный капитал как относительно новый концепт для анализа процессов в сфере труда, связанных с ростом разнообразия моделей карьер в организациях, рассматривается многими исследователями как серьезный вклад в развитие теории карьеры. Его перспективы для исследования различных аспектов изменений занятости представляют особый интерес для формирования моделей профессионального развития и продвижения в организациях, их рассмотрения с точки зрения взаимовлияния различных типов капитала.

Благодарности

Статья выполнена в рамках проекта «Конкурентоспособность человеческого капитала корпорации: многоуровневый экономический, социологический и психологический анализ», грант РФФИ № проекта 19-29-07488.

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project “Competitiveness of the Corporation’s human capital. Multi-level economic, sociological and psychological analysis”, no. 19-29-07488.

Литература

- Ерофеева 2016 – *Ерофеева П.А.* Карьера в российском третьем секторе: структура и особенности накопления совокупного капитала // Мир России. 2016. Т. 25. № 3. С. 149–175.
- Кудрявцева 2018 – *Кудрявцева Е.И.* Организационные карьерные сценарии для талантливых работников // Российский журнал менеджмента. 2018. Т. 16. № 2. С. 205–230.

- Попова 2017 – *Попова И.П.* Научная и инженерная профессиональная карьера: к проблеме условий формирования // Профессиональная культура российской интеллигенции. М.: РГГУ, 2017. С. 109–116.
- Попова 2019 – *Попова И.П.* Творческая профессиональная карьера: как возможен профессиональный контроль? // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 2. С. 91–102.
- Попова 2020 – *Попова И.П.* Исследования карьеры: ресурсы междисциплинарности в социологической перспективе // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 18–30.
- Arthur et al. 2001 – *Arthur M.B., DeFillippi R.J., Jones C.* Project-based Learning as the Interplay of Career and Company Non-financial Capital // Management Learning. 2001. Vol. 32. Iss. 1. P. 99–117.
- Ballout 2007 – *Ballout H.I.* Career success: The effects of human capital, person-environment fit and organizational support // Journal of Managerial Psychology. 2007. Vol. 22. Iss. 8. P. 741–765.
- Baruch 2006 – *Baruch Y.* Career development in organizations and beyond: Balancing traditional and contemporary viewpoints // Human Resource Management Review. 2006. Vol. 16. Iss. 2. P. 125–138.
- Baruch et al. 2015 – *Baruch Y., Szűcs N., Gunz H.* Career studies in search of theory: the rise and rise of concepts // Career Development International. 2015. Vol. 20. No. 1, 2015: 3–20.
- Baruch, Rousseau 2019 – *Baruch Y., Rousseau D.M.* Integrating psychological contracts and ecosystems in career studies and management // Academy of Management Annals. 2019. Vol. 13. Iss. 1. P. 84–111.
- Brown et al. 2020 – *Brown C., Hooley T., Wond T.* Building career capital: developing business leaders' career mobility // Career Development International. 2020. V. 25. Iss. 5. P. 445–459.
- Berkelaar, Buzzanell 2015 – *Berkelaar B.L., Buzzanell P.M.* Online Employment Screening and Digital Career Capital: Exploring Employers' Use of Online Information for Personnel Selection // Management Communication Quarterly. 2015. Vol. 29 (1). P. 84–113.
- Chudzikowski, Mayrhofer 2011 – *Chudzikowski K., Mayrhofer W.* In search of the blue flower? Grand social theories and career research: The case of Bourdieu's theory of practice // Human Relations. 2011. Vol. 64. No. 1. P. 19–36.
- Clarke 2013 – *Clarke M.* The organizational career: Not dead but in need of redefinition // International Journal of Human Resource Management. 2013. Vol. 24. Iss. 4. 2013. P. 684–703.
- Defilippi, Arthur 1994 – *DeFillippi R., Arthur M.* The boundaryless career: A competency-based perspective // Journal of Organisational Behaviour. 1994. 15(6). P. 307–324.
- Dickmann, Cerdin 2018 – *Dickmann M., Cerdin J.-L.* Exploring the development and transfer of career capital in an international governmental organization // International Journal of Human Resource Management. 2018. Vol. 29. Iss. 15. P. 2253–2283.

- Eggenhofer-Rehart et al. 2018 – *Eggenhofer-Rehart P.M., Latzke M., Pernkopf K., Zellhofer, D., Mayrhofer W., Steyrer J.* Refugees' career capital welcome? Afghan and Syrian refugee job seekers in Austria // *Journal of Vocational Behavior*. 2018. Vol. 105. P. 31–45.
- Rodriguesa et al. 2020 – *Rodriguesa R., Butlerb C.L., Guesta D.* Evaluating the employability paradox: When does organizational investment in human capital pay off? // *The International Journal of Human Resource Management*. 2020. Vol. 31. No. 9. P. 1134–1156.
- De Vos, Dries 2013 – *De Vos A., Dries N.* Applying a talent management lens to career management: The role of human capital composition and continuity // *International Journal of Human Resource Management*. 2013. Vol. 24. Iss. 9. P. 1816–1831.
- Iellatchich et al. 2003 – *Iellatchich A., Mayrhofer W., Meyer M.* Career fields: A small step towards a grand career theory? // *International Journal of Human Resource Management*. 2003. Vol. 14. Iss. 5. P. 728–750.
- Järnlström et al. 2020 – *Järnlström M., Brandt T., Rajala A.* The relationship between career capital and career success among Finnish knowledge workers // *Baltic Journal of Management*. 2020. Vol. 15. Iss. 5. P. 687–706.
- Lamb, Sutherland 2010 – *Lamb M., Sutherland M.* The components of career capital for knowledge workers in the global economy // *International Journal of Human Resource Management*. 2010. Vol. 21. Iss. 3. 2010. P. 295–312.
- Sutherland M. et al. 2015 – *Sutherland M., Naidu G., Seabela S., Crosson S., Nuembe E.* The components of career capital and how they are acquired by knowledge workers across different industries // *South African Journal of Business Management*. Vol. 46. Iss. 4. P. 1–10.

References

- Arthur, M.B. (2008), “Examining contemporary careers. A call for interdisciplinary inquiry”, *Human Relations*, vol. 61, no. 2, pp. 163–186.
- Arthur M.B., DeFillippi R.J. and Jones C. (2001) “Project-based Learning as the Interplay of Career and Company Non-financial Capital” *Management Learning*, vol. 32, no. 1, pp. 99–117.
- Ballout, H.I. (2007), “Career success: The effects of human capital, person-environment fit and organizational support”, *Journal of Managerial Psychology*, vol. 22, no. 8, pp. 741–765.
- Baruch, Y. (2006), “Career development in organizations and beyond: Balancing traditional and contemporary viewpoints”, *Human Resource Management Review*, vol. 16, no. 2, pp. 125–138.
- Baruch, Y. and Rousseau, D.M. (2019), “Integrating psychological contracts and ecosystems in career studies and management”, *Academy of Management Annals*, vol. 13, no. 1, pp. 84–111.

- Baruch, Y., Szűcs, N. and Gunz, H. (2015), “Career studies in search of theory: the rise and rise of concepts”, *Career Development International*, vol. 20, no. 1, pp. 3–20. DOI: 10.1108/CDI-11-2013-0137
- Berkelaar, B.L. and Buzzanell, P.M. (2015), “Online Employment Screening and Digital Career Capital: Exploring Employers’ Use of Online Information for Personnel Selection”, *Management Communication Quarterly*, vol. 29 (1), pp. 84–113. DOI: 10.1177/0893318914554657.
- Brown, C., Hooley, T. and Wond, T. (2020), “Building career capital: developing business leaders’ career mobility”, *Career Development International*, vol. 25, no. 5, pp. 445–459.
- Chudzikowski, K. and Mayrhofer, W. (2011), “In search of the blue flower? Grand social theories and career research: The case of Bourdieu’s theory of practice”, *Human Relations*, vol. 64, no. 1, p. 19–36.
- Clarke, M. (2013), “The organizational career: Not dead but in need of redefinition”, *International Journal of Human Resource Management*, vol. 24, no. 4, pp. 684–703.
- De Vos, A. and Dries, N. (2013), “Applying a talent management lens to career management: The role of human capital composition and continuity”, *International Journal of Human Resource Management*, vol. 24, no. 9, pp. 1816–1831.
- DeFillippi, R. and Arthur, M. (1994), “The boundaryless career: A competency-based perspective”, *Journal of Organisational Behaviour*, vol. 15 (6), pp. 307–324.
- Dickmann, M. and Cerdin, J.-L. (2018), “Exploring the development and transfer of career capital in an international governmental organization”, *International Journal of Human Resource Management*, vol. 29, no. 15, pp. 2253–2283.
- Eggenhofer-Rehart, P.M., Latzke, M., Pernkopf, K., Zellhofer, D., Mayrhofer W. and Steyrer, J. (2018), “Refugees’ career capital welcome? Afghan and Syrian refugee job seekers in Austria”, *Journal of Vocational Behavior*, vol. 105, pp. 31–45.
- Erofeeva, P.A. (2016), “A third-sector career in Russia. The structure and specifics in accumulation of aggregate capital”, *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, vol. 25, no. 3, pp. 149–175.
- Iellatchitch, A., Mayrhofer, W. and Meyer, M. (2003), “Career fields: A small step towards a grand career theory?”, *International Journal of Human Resource Management*, vol. 14, no. 5, pp. 728–750.
- Järilström, M., Brandt, T. and Rajala, A. (2020), “The relationship between career capital and career success among Finnish knowledge workers”, *Baltic Journal of Management*, vol. 15, no. 5, pp. 687–706.
- Kudryavtseva, E.I. (2018), “Organizational career scenarios for talented employees”, *Rossiiskii zhurnal menedzhmenta*, vol. 16, no. 2, pp. 205–230. DOI: 10.21638/spbu18.2018.203
- Lamb, M. and Sutherland, M. (2010), “The components of career capital for knowledge workers in the global economy”, *International Journal of Human Resource Management*, vol. 21, no. 3, pp. 295–312.
- Popova, I.P. (2017), “Scientific and engineering professional career. Towards an issue of the formation conditions”, *Professional'naya kul'tura rossiiskoi intelligentsia*

- [Professional culture of the Russian intelligentsia], RSUH, Moscow, Russia, pp. 109–116.
- Popova, I.P. (2019), “Creative professional career. How is the professional control possible?”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 91–102. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-91-102
- Popova, I.P. (2020), “Career studies. Resources of interdisciplinarity in a sociological perspective”, *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], no. 12, pp. 18–30.
- Rodrigues, R., Butlerb, C.L. and Guesta, D. (2020), “Evaluating the employability paradox: When does organizational investment in human capital pay off?”, *The International Journal of Human Resource Management*, vol. 31, no. 9, pp. 1134–1156.
- Sutherland, M., Naidu, G., Seabela, S., Crosson, S. and Nuembe, E. (2015), “The components of career capital and how they are acquired by knowledge workers across different industries”, *South African Journal of Business Management*, vol. 46, iss. 4, pp. 1–10.

Информация об авторе

Ирина П. Попова, кандидат социологических наук, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия; 117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корпус 5; irina_popova@list.ru

Information about the author

Irina P. Popova, Cand. of Sci. (Sociology), Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bldg. 5, bld. 24/35, Krzhizhanovskii Street, Moscow, Russia, 117218; irina_popova@list.ru

Современные виды изобретательской активности технической интеллигенции

Екатерина И. Макаренко

*Московский автомобильно-дорожный государственный
технический университет (МАДИ), Москва, Россия,
makarenko_madi@mail.ru*

Аннотация. Современная техническая интеллигенция, занятая в промышленном производстве, обладает значительным интеллектуальным потенциалом, который реализует в своей изобретательской деятельности. Существует два способа данной реализации: формальный и неформальный. Формальный путь, т. е. возможность регистрации своих изобретений через патенты и оформление интеллектуальной собственности, характеризуется трендом на снижение заявок на промышленные образцы, а также неравномерностью их подачи от регионов. Наиболее популярным и активно используемым среди представителей технической интеллигенции является неформальный способ, который дает возможность проявить себя среди единомышленников и обсудить сложности патентования и внедрения, новые промышленные образцы, а также бизнес-идеи, особенности современной промышленной и научно-технологической политики на электронных площадках и форумах.

Ключевые слова: техническая интеллигенция, изобретательство, патенты, научно-технический электронный форум

Для цитирования: Макаренко Е.И. Современные виды изобретательской активности технической интеллигенции // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 1. С. 89–99. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-89-99

Present types of inventive activity of the technical intelligentsia

Ekaterina I. Makarenko

Moscow Automobile and Road-Construction State

Technical University (MADI), Moscow, Russia,

makarenko_madi@mail.ru

Abstract. The present technical intelligentsia, engaged in industrial production, has a significant intellectual potential, which is realized in its inventive activity. There are two ways of implementing that: formal and informal. The formal path (the possibility of registering its inventions through patents and the formalization of intellectual property) is characterized in general by a trend towards a decrease in applications for industrial designs, as well as uneven submission of them from the regions. The most popular and actively used among representatives of the technical intelligentsia is the informal method, which makes it possible to prove oneself among like-minded people and discuss the complexities of the patenting and implementation, new industrial designs, as well as business ideas, startups, features of modern industrial and scientific and technological policies on electronic platforms and forums.

Keywords: technical intelligentsia, invention, patents, scientific and technical electronic forum

For citation: Makarenko, E.I. (2021), "Present types of inventive activity of the technical intelligentsia", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1, pp. 89-99, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-89-99

Введение

Изобретательская активность как форма реализации творческого и интеллектуального потенциалов всегда характеризовала отечественную техническую интеллигенцию. В условиях перехода нашей страны к цифровой экономике, поступательного движения Четвертой промышленной революции значение технической интеллигенции как одной из ее движущих сил возрастает. Изобретательство дает возможность представителям технической интеллигенции не только реализовать свой интеллектуальный потенциал, но и совершенствовать свои навыки и способности, повысить уровень внедрения инновационных разработок в производство. Мы задались целью изучить современную ситуацию, складывающуюся в сфере изобретательства, рассматривая ее как важную составляющую интеллектуального развития технической интеллигенции.

Современная техническая интеллигенция

Одной из важных особенностей современной интеллигенции в целом является накопленный за многие годы, в том числе советского периода, интеллектуальный потенциал, который связан с творческим характером ее деятельности во всех областях. Согласно с позицией ученых из Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), указавших в монографии «Как живешь, интеллигенция?» на творческий характер интеллигенции. Выделяя гуманитарную интеллигенцию (в структуре отношений «человек–человек»), авторы работы «Как живешь, интеллигенция?» выделяют ее специфическую особенность, связанную с творческим характером труда: «требует большей самоотдачи, но в то же время приносит большое удовлетворение от своей деятельности» [Как живешь интеллигенция 2018]. Полагаем, что эту особенность – творчество гуманитарной интеллигенции – можно с полным правом отнести и к технической интеллигенции, деятельность которой направлена не прямо на человека (т. е. субъект), а на определенный объект материального мира. Автор статьи в понимании современной отечественной интеллигенции в целом придерживается позиции, высказанной чл.-кор. РАН Ж.Т. Тощенко:

Интеллигенция – это не самоназвание, а результат объективных изменений в обществе и государстве, которые влияют не столько на ее численность, сколько на важнейшие ее черты, характеризующие смысл, образ и стиль жизни... Особую значимость приобретает состояние интеллектуального потенциала, который олицетворяет интеллигенция [Тощенко 2020, с. 12].

На этот факт также указывает Г.Г. Силласте, исследуя сущность конкретно экономической интеллигенции [Силласте 2017]. Творческий и культурный потенциалы интеллигенции в целом выделяет Н.Р. Маликова на страницах данного журнала [Маликова 2019].

Руководствуясь сферным подходом (исходя из сфер занятости), автор статьи выделяет *техническую интеллигенцию* и относит к ней специалистов с высшим техническим образованием, занятых в производстве, а также в сфере разработки интеллектуального продукта для развития науки и техники. Представители современной технической интеллигенции заняты в высокотехнологическом производстве, и прежде всего в промышленности.

Промышленность, согласно Национальной программе «Цифровая экономика РФ», активно продвигаемой в настоящее время, отнесена к приоритетным отраслям экономического и социального развития страны¹. Среднегодовая численность работников промышленных предприятий и организаций составила на 2018 г. 7 849,1 тыс. чел. (расчеты автора на основе данных Росстата, указанных в сборнике «Промышленное производство в РФ»)². Также необходимо указать, что численность этих работников имеет тренд на снижение: с 2015 г. (100%) снизилась в 2018 г. до 97,6%. К сожалению, из данных сборника Росстата сложно понять, сколько работников промышленности можно отнести к технической интеллигенции, поскольку категории персонала (руководители, специалисты и рабочие) представлены только в рамках средней начисленной заработной платы. Но некоторые данные, указанные в других официальных статистических документах³, позволяют считать, что представители технической интеллигенции весомо присутствуют в количественном плане среди всех работников промышленности. В частности, профессиональной, научной и технической деятельностью (эта деятельность основана на высоком уровне образования) занято 2884 тыс. чел. В этом сегменте учитываются инженеры-проектировщики и другие высококвалифицированные технические кадры [Макаренко 2020]. В инженерном мире понятия творчества и изобретательства неразрывно связаны. Изобретательство является одной из составляющих творческой активности, способствует развитию интеллектуальных способностей технической интеллигенции. Поэтому отечественная техническая интеллигенция, обладающая в настоящее время значительными интеллектуальными ресурсами и потенциалом, активно проявляет себя в техническом, научном творчестве, изобретательстве, что требует значительной самоотдачи. Более того, изобретательство служит мощным мотиватором к занятию инженерной деятельностью.

¹ Национальная программа «Цифровая экономика в РФ» [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения 14 ноября 2020).

² Росстат [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Prom_proiz-vo2019.pdf (дата обращения 16 ноября 2020).

³ Российский статистический ежегодник. 2019.

Современные виды изобретательской активности технической интеллигенции

Изобретательская деятельность технической интеллигенции способна повлиять на изменение ситуации в экономике с точки зрения внедрения цифровых технологий, инновационных способов развития промышленности. В этом контексте выделим два способа реализации изобретательской деятельности технической интеллигенции: формальный и неформальный. Формальный путь сопряжен с получением регистрируемых патентов и прав интеллектуальной собственности, а неформальный – позволяет проявить активность в рамках обсуждения на сайтах, электронных площадках, в социальных сетях и др.

Анализируя формальные способы реализации изобретательской активности, обратимся к современной ситуации в патентовании. По официальным данным Роспатента, в 2018 г. было подано 37 957 заявок на изобретения, 9747 заявок – на полезные модели, 5908 – на промышленные образцы, 76 062 – на регистрацию товарных знаков и знаков обслуживания⁴. Как видим, в наименьшей степени заявки подаются на промышленные образцы. Эти статистические данные позволяют нам сделать вывод, что изобретательская деятельность за последний отчетный год (2018) в значительной степени сосредоточена на открытии новых торговых «лейблов», а не на изобретении промышленных образцов и полезных моделей. Кроме того, отмечаем, что Роспатент принимает заявки как от российских граждан, так и от иностранных. В 2018 г. от наших соотечественников было подано 66% заявок на изобретения (100% все заявки на этот вид патента вместе с иностранными гражданами), 95% заявок – на полезные модели, 53% заявок – на промышленные образцы и 64% заявок – на регистрацию товарных знаков (расчеты автора статьи на основе данных Роспатента). Понимаем, что отечественные изобретатели не столь активны в сфере патентов на промышленные образцы, тогда как иностранцы в этом сегменте проявляют большую заинтересованность. Глава Роспатента Г.П. Ивлиев в интервью «Российской газете» в июне 2020 г. прямо указал на предпочтение многих россиян патентовать свои изобретения за границей, что допускает международное патентное право: «...за год в зарубежные патентные ведомства от нашей

⁴ Роспатент [Электронный ресурс]. URL: <https://new.fips.ru/about/deyatelnost/sotrudnichestvo-s-regionami-rossii/a-iz-akt-2018.pdf> (дата обращения 2 ноября 2020).

страны поступает более пяти тысяч заявок на оформление той или иной формы международной защиты». Из областей, в которых наши изобретатели «ищут международную» защиту выделяются (*в порядке убывания*): IT-технологии, фармакология, медицинские изделия, двигателестроение и гражданское строительство. По мнению главы Роспатента, больше всего запросов (около тысячи в год) на оформление в США, следом идут евразийские и европейские патенты, а затем китайские⁵. Такая ситуация в сфере международного патентования латентно подтверждает «утечку умов» из нашей страны, характерную и для современной технической интеллигенции. Многие авторы изобретений ищут страну, где можно дороже продать свои изобретения.

Кроме того,стораживает наметившаяся отрицательная динамика по сравнению с 2017 г. по подаче заявок на 2018 г. на промышленные образцы (с 6487 до 5908). Более того, за 10 лет (с 2009 г. по 2018 г.) уменьшилась подача заявок на полезные модели (с 11 153 до 9747) и изобретения (с 38564 до 37957)⁶. В региональном разрезе с подачей заявок наблюдается неравномерная ситуация. Увеличение количества подачи заявок на изобретения произошло в следующих федеральных округах (2018 г. по сравнению с 2017 г.): Центральном – на 19,97%, Северо-Западном – на 2,27%, Сибирском – на 5,74%, Южном – на 4,34%. В остальных федеральных округах количество заявок на изобретения уменьшилось: в Приволжском – на 4,5%, Северо-Кавказском – на 32,92%, Уральском – на 2,43%, Дальневосточном – на 0,65%. Данные официальной статистики в федеральных округах подтверждают общую тенденцию на снижение изобретательской активности при патентовании, а также показывают современную социально-экономическую особенность нашей страны: разницу в промышленном развитии регионов.

Неформальные практики изобретательской активности распространяются через различные сайты, электронные платформы и общественные организации. В плане использования дистанционного формата наиболее интересным и популярным, масштабным по реализации изобретательских задач является научно-технический Форум “SciTecLibrary”⁷. Указанный форум – достаточно крупная

⁵ Российская газета. 2020. 8 июня.

⁶ Роспатент [Электронный ресурс]. URL: <https://new.fips.ru/about/deyatelnost/sotrudnichestvo-s-regionami-rossii/a-iz-akt-2018.pdf>. (дата обращения 2 ноября 2020).

⁷ Научно-технический форум SkiTecLibrary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sciteclibrary.ru/cgi-bin/yabb2/YaBB.pl> (дата обращения 30 октября 2020).

дискуссионная площадка по обмену знаниями и опытом среди инженеров и изобретателей. На сайте Форума мы можем увидеть следующие крупные смысловые блоки: защита интеллектуальной собственности и авторских прав; точные науки и дисциплины; мозговой штурм; взгляд в будущее и настоящее; гуманитарные науки и дисциплины. Самым обширным по количеству представленных авторами тем (2424) стал раздел «Физика, астрономия, математические решения» в блоке «Точные науки и дисциплины». Наименьшее количество тем мы наблюдаем в рубриках «Военная стратегия и тактика боевых действий» – 97 и «Образование» – 132. Это обусловлено тем, что военная и оборонная тематика является секретной, а образовательные аспекты, видимо, не сильно интересуют современных изобретателей в рамках данного сайта.

Обратимся к блоку «Защита интеллектуальной собственности и авторских прав», который непосредственно связан с изобретательской деятельностью, в том числе технической интеллигенции. Он представлен тремя рубриками: «Диспуты по темам изобретательства», «Патентование», «Нерешенные задачи». Наибольшим спросом из указанных рубрик пользуется патентование. Здесь речь идет о патентовании изобретений, полезных моделей, промышленных образцов и товарных знаков, т. е. тех показателей, которые существуют при официальном подходе к оформлению патента. В частности, среди последних (из 1083) отмечаем такие: «кто пользовался программой РРН (термин сайта. – *авт.*) при патентовании в США?», «подскажите дешевую альтернативу патенту», «подскажите чайнику...». Важно, что здесь люди находят ответы, обсуждают конкретные вопросы по патентованию и помогают друг другу. Изобретательская деятельность в целом находит большой отклик у заинтересованных людей на этом сайте. Другие рубрики смыслового блока по защите прав интеллектуальной собственности также пользуются большой популярностью у авторов. В частности, «диспуты по темам изобретательства», которые включают в себя вопросы по изобретениям, проблемы и методы их решения. Здесь размещены 700 авторских тем и 16 842 сообщения. Уверены, что и в дальнейшем, в том числе в связи с распространением пандемии, обусловленной вирусом COVID-19, подобного рода сайты и платформы будут развиваться. Пандемия заставит изобретателей искать новые формы своей творческой реализации: дистанционные, «цифровые». И в этом плане площадки будут только укрепляться и «набирать силу». Стоит добавить, что «ковидная» пандемия обострит проблему прекарности, неопределенности занятости [Цапко 2020]. Полагаем, что этот факт заставит многих представителей технической интеллигенции обращаться к цифровым технологиям

и платформам как к формам поддержки занятости и реализации себя в профессии. Можно поразмышлять о том, что сайты изобретателей могут взять на себя функции профессионального контроля, способствовать «профессиональной автономии». По мнению И.П. Поповой, профессиональному неформальному контролю как раз подвержены люди, работа которых требует высокой степени творчества, «суперкреативности» [Попова 2019].

Формальная и неформальная изобретательская активность технической интеллигенции имеет взаимосвязь. Полагаем, что инженер или просто технически подкованный человек, прежде чем подать заявку на патент или открытие, обязательно воспользуется неформальными возможностями общения со своими коллегами об информационных трендах. Кстати, участники электронного Форума не только продвигают свои собственные идеи, но и часто помогают друг другу советами о специфике интеллектуальной собственности и актуальной направленности изобретений.

При реализации изобретательской активности технической интеллигенции на практике стоит указать на две существенные проблемы: коммерциализацию интеллектуальной собственности и сложности с внедрением. Безусловно, коммерциализация изобретательства связана с переходом российского общества к рыночным отношениям и означает получение прибыли из зарегистрированного объекта интеллектуальной собственности. Здесь накопилось много нерешенных вопросов: не совсем готова юридическая база, сложность получения прав на собственность, коррупционная составляющая в финансовых операциях и др. Другим важным фактором, препятствующим широкому развитию творчества и изобретательства технической интеллигенции, является проблема внедрения результатов научно-технических открытий в промышленное производство. Данный вопрос для нашей страны носит системный характер и отражает социально-экономическую ситуацию на разных периодах своего развития. Когда экономика страны находится «не на подъеме», то и внедрение замедляется. Показательным является не только современный период, но и советский – на этапе позднего социализма (70–80-е гг. XX в.). В частности, в статистических документах тех лет отмечалось: «...доля внедренных разработок по новой технике с изобретениями в общем числе внедренных разработок по новой технике остается все еще незначительной (около одной трети). Ряд научно-технических решений разрабатываются и внедряются в течение 10 и более лет»⁸. Кроме того, в нашей стране

⁸ Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный стат. ежегодник // Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1987. С. 64.

в течение долгих десятилетий в определенной степени сложилась порочная практика внедрения научных открытий: изобретают отечественные ученые, а внедряют иностранные. Вспомним судьбу русского инженера-изобретателя П.Н. Яблочкова в Императорской России. Известную во всем мире дуговую лампочку открыл он в нашей стране, а запатентовал и внедрил Т. Эдисон в Америке. Такое положение вещей со внедрением открытий отражает общую неблагоприятную ситуацию в экономическом развитии и промышленном производстве.

В заключение можно констатировать, что изобретательская деятельность технической интеллигенции играет значительную роль в продвижении новых технологичных продуктов, способствует переходу экономики и промышленности на «цифровые рельсы». Выделяя два способа реализации изобретательской активности технической интеллигенции (формальный и неформальный), отмечаем, что формальный способ (официальный, т. е. через патентование) характеризуется снижением подачи заявок на промышленные образцы и имеет значительное региональное ранжирование: заявки все более подаются из благополучных экономических регионов, тогда как изобретательская активность в других регионах значительно замедляется. В последнее время у представителей технической интеллигенции все более растет популярность обсуждения своих идей на электронных площадках, специальных изобретательских форумах, в социальных сетях и т. п. Полагаем, что указанные новые неформальные способы реализации изобретательской активности технической интеллигенции будут превалировать и в дальнейшем. Более того, именно они станут определяющими для начинающих изобретателей.

Литература

- Как живешь интеллигенция 2018 – Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки: коллективная монография / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2018. 360 с.
- Макаренко 2020 – *Макаренко Е.И.* Факторы трудовой деятельности современной российской технической интеллигенции // Регионоведение. 2020. Т. 28. № 2. С. 322–349. DOI 10.15507/2413-1407.111.028.202002.322-349.
- Маликова 2019 – *Маликова Н.Р.* Многогранность смыслов жизни российской интеллигенции: Следование социальным идеалам или их симуляция? // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 2. С. 71–83. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-71-83.

- Попова 2019 – *Попова И.П.* Творческая профессиональная карьера: как возможен профессиональный контроль? // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 2. С. 91–102. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-91-102.
- Силласте 2017 – *Силласте Г.Г.* Формирование новой экономической интеллигенции в условиях рыночной экономики / Под общ. ред. Ю.В. Борисова. М.: ИНФРА-М, 2017. 206 с.
- Тощенко 2020 – *Тощенко Ж.Т.* Современная российская интеллигенция: от гомогенности к сословности // Интеллигенция: многообразие образов и стилей жизни: Сб. научных статей / Под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; Ред.-сост.: М.С. Цапко, Е.В. Зверев. М.: РГГУ, 2020. 378 с.
- Цапко 2020 – *Цапко М.С.* Covid-19 как триггер прекарности // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 3. С. 87–101. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-3-87-101.

References

- Makarenko, E.I. (2020), “Factors in labor activities of the present Russian technical intelligentsia”, *Regionology*, vol. 28, no. 2, pp. 322–349.
- Malikova, N.R. (2019), “Multifaceted meanings of the life of the Russian intelligentsia. Following social ideals or their simulation”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 71–83. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-71-83.
- Popova, I.P. (2019), “Creative professional career. How is the professional control possible?”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 91–102. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-91-102.
- Sillaste, G.G. (2017), *Formirovanie novoi ekonomicheskoi intelligentsii v usloviyakh rynochnoi ekonomiki* [Formation of a new economic intelligentsia in a market economy] Borisova, Yu.V. (ed.), INFRA-M, Moscow, Russia.
- Toshchenko, Zh.T. (ed.) (2018). *Kak zhivesh', intelligentsiya? Sotsiologicheskie ocherki* [How do you live, intelligentsia? (Sociological essays. A collective monography)], Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga, Moscow, Russia.
- Toshchenko, Zh.T. (2020), “Present Russian intelligentsia. From homogeneity to the class status”, *Intelligentsiya: mnogoobrazie obrazov i stilei zhizni* [Intelligentsia. Diversity of images and life styles. Scientific articles], Toshchenko, Zh.T. (ed.), Tsapko, M.S. and Zverev, E.V. (comp.), RGGU, Moscow, Russia.
- Tsapko, M.S. (2020), “COVID-19 as a trigger of precarity”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, pp. 87–101, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-3-87-101.

Информация об авторе

Екатерина И. Макаренко, кандидат исторических наук, доцент, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Москва, Россия; 125319, Россия, Москва, Ленинградский пр., д. 64; Makarenko_madi@mail.ru

Information about the author

Ekaterina I. Makarenko, Cand. of Sci. (History), associate professor, Moscow Automobile and Road Constructions State Technical University (MADI), Moscow, Russia; bld. 64, Leningradskii Avenue, Moscow, Russia, 125319; Makarenko_madi@mail.ru

Формирование креативного пространства в современном мегаполисе

Святослав И. Прохоров

*Государственный академический университет гуманитарных наук,
Москва, Россия, Svyatoslav.prokhoroff@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования и встраивания в городской ландшафт новейших пространств (в частности креативных), формирование которых стало следствием, так и условием становления постиндустриального общества в условиях цифровой экономики, что активно обсуждается не только среди зарубежных исследователей, но и в отечественном гуманитарном дискурсе. Появление таких территорий вновь актуализировало темы использования творческого потенциала людей в формировании или переработке городских площадок, ревитализации заброшенных промышленных территорий, выбора места проживания, способов проведения досуга и много прочего. Креативные пространства стали объектами реализации человеческих потребностей в новейших условиях современности благодаря их ключевому свойству – использованию индивидуального творческого начала пользователей площадки. В статье представлены результаты ряда качественных исследований, проводимых с 2018 по 2020 г., среди которых: контент-анализ «Креативное пространство в российской и западной практике», экспертные интервью «Формирование креативных пространств в современной Москве глазами экспертов», и социальное картографирование «Карта арт-кластеров Москвы», позволивших описать иерархию креативных пространств, общий алгоритм их формирования, условия долгосрочного существования, а также особенности появления на карте Москвы.

Ключевые слова: креативное пространство, мегаполис, кластер, креакл, глобальная личность, пространственная социология

Для цитирования: Прохоров С.И. Формирование креативного пространства в современном мегаполисе // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 1. С. 100–110. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-100-110

Formation of a creative space in a modern city

Svyatoslav I. Prokhorov

*State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia,
Svyatoslav.prokhoroff@yandex.ru*

Abstract. The article considers an issue of the formation and embedding of the newest spaces (in particular, creative ones) into the urban landscape, the formation of which became both a consequence and a condition for the formation of a post-industrial society in the digital economy, which is actively discussed not only among foreign researchers, but also in the Russian humanitarian discourse. The emergence of such spaces updated the themes of using the creative potential of people in the formation or conversion of urban sites, revitalizing abandoned industrial areas, choosing a place to live, ways of spending the leisure time and much more. Creative spaces have become objects for the realization of human needs in the newest conditions of our time due to their key property – the use of the individual creativity of the site users. The article presents the results of a number of qualitative studies conducted from 2018 to 2020, including: content analysis “Creative space in Russian and Western practice”, expert interviews “Formation of creative spaces in modern Moscow through the eyes of experts”, and social mapping “Map of art-clusters of Moscow”, which made it possible to describe the hierarchy of creative spaces, the general algorithm for their formation, the conditions for the long-term existence of such clusters, as well as the peculiarities of their appearance on the map of Moscow.

Keywords: creative space, city, cluster, creative, global person, spatial sociology

For citation: Prokhorov, S.I. (2021), “Formation of a creative space in a modern city”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 100–110, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-100-110

Введение

Образ мегаполиса постоянно преобразовывается аналогично тому и в ответ на то, как преобразуется социум. Формирование постиндустриального общества спровоцировало ряд проблем, сопряженных со становлением городского пространства нового образца, среди которых: формирование городской идентичности и идентичности города, удовлетворение новых потребительских запросов [Ермакова, Суховская 2017], оживление и перекодировка неиспользуемых промышленных территорий, разбросанных в чер-

те мегаполиса, встраивание новейших пространств и сообществ в ландшафт города.

Попытки изучить формы и способы использования городских площадок предпринимали Анри Лефевр и Мишель де Серто. Ричард Флорида и Чарльз Лэндри отмечали существование особой категории жителей мегаполиса, на которых должны быть ориентированы новейшие пространства города. Такие жители в некоторых работах именуются глобальными личностями [Поточенко 2019] (автором предлагается называть их креаклами). Они проживают в крупных городах или мегаполисах планеты, характеризуются большей степенью взаимодействия с окружающим миром, высокой мобильностью и восприимчивостью новых трендов. В досуге представителей этой категории выделяются такие особенности, как: потребность в самореализации, творчестве; тяга к общению; стремление к получению новых знаний.

Среди отечественных ученых особое внимание именно креативным пространствам уделяют: Д.Н. Суховская, изучающая специфику формирования кластеров и их значение как для мегаполиса, так и для жителей, А.А. Антонова, рассматривающая вопросы развития культурного потенциала города, А.В. Михайлова, описывавшая значение цифровой экономики для города, и многие другие.

Несмотря на широкий спектр работ, осталось немалое число слепых пятен, таких как: особенности идентичности аудитории, алгоритмы формирования подобных площадок, их иерархия, обязательные условия существования и так далее. Хотя раньше и предпринимались попытки отнести кластеры к тем или иным видам «мест» [Сотникова 2020], тем не менее какой-либо внутренней градации сформировано не было.

Методика исследования

С целью выяснения причин формирования и условий успешного функционирования креативных пространств в составе мегаполиса было проведено несколько исследований, среди которых: качественное исследование «Креативное пространство в российской и западной практике», проведенное методом контент-анализа информации, касающейся двух зарубежных и двух отечественных творческих площадок, собранной из перечня различных сайтов и публичных страниц; качественное исследование «Формирование креативных пространств в современной Москве глазами экспертов», проведенное методом индивидуального глубинного интервью с 10 экспертами в возрасте от 16 до 29 лет, занятых в организа-

торской деятельности на различных ивент-площадках; качественное исследование «Карта арт-кластеров Москвы», проведенное методом социального картографирования.

Что такое креативное пространство?

Очевидным видится тот факт, что в информационный век все большим значением начинают обладать высокотехнологичный сектор экономики, досуговые и интеллектуальные индустрии, а также решение тех или иных задач при помощи подходов, предполагающих реализацию творческих способностей людей.

Местом сосредоточения этих или связанных с ними единиц могут быть креативные пространства. Креативное пространство – общедоступная территория, предназначенная для свободного самовыражения, творческой деятельности и взаимодействия людей. Его отличительной особенностью является нацеленность на деятельность человека в роли не потребителя или работника, а создателя уникального продукта своей личности [Тукмакова 2018]. Арт-кластер является синергией культуры, искусства и бизнеса. Располагаются подобные пространства зачастую на заброшенных территориях недействующих промышленных предприятий. Нередко образуются целые культурные районы и кварталы [Титова, Салько 2018]. В креативных пространствах организованы собственные уникальные сообщества, которые наделены политической, экономической, культурной жизнью [Поточенко 2019]. В более широком контексте под креативным пространством понимают социальное объединение, которое может воздействовать на систему ценностей индивида [Ермакова, Суховская 2017].

Кластеры в отечественной и зарубежной практике

В качестве зарубежных и отечественных примеров креативных кластеров были выбраны “Berghain” (Берлин, так как проходящие в нем мероприятия с недавних пор считаются частью культурного наследия Германии), “Artplay” (Москва) как пример удавшегося встраивания в городской ландшафт Москвы, “Arma17” на заводе «Молния» (Москва) как пример неудавшегося встраивания и “Melkweg” (Амстердам) как дополнительный зарубежный пример.

Сравнительный анализ показал:

- 1) креативные кластеры могут создаваться и с коммерческим подтекстом, и без него (“Melkweg”), однако в дальнейшем существуют они исключительно как конкретные бизнес-модели, привлекающие к себе различные ресурсы;
- 2) творческие кластеры действительно зачастую заполняют промышленные площадки, не выполняющие более своего предназначения;
- 3) существование креативного пространства на постоянной основе невозможно без каких-либо выгод для города. Речь идет о вполне бытовых аспектах жизни мегаполиса: прибыли от туризма; от налогов, уплачиваемых действующими площадками; благоустройства и привлечения в район инвесторов и аудитории, чего не удалось добиться организаторам “Arma”;
- 4) жизнедеятельность креативных пространств формирует положительный образ города (и страны), что видно на примере Берлина, расположившего на своей территории один из самых популярных клубов мира, ныне являющегося объектом культурного наследия Германии.

Таблица 1

Сравнительный анализ креативных пространств
разных стран

Наименование креативного пространства	Прошлый функционал площадки	Целевая аудитория	Значение
Berghain (Берлин)	Склад бывшей товарной станции. После переезда находится в помещении бывшей электростанции на территории старого восточного вокзала.	Глобальные личности. Представители творческих индустрий. Музыкальные продюсеры, модельеры.	Объект культурного наследия Германии; самый эпатажный ночной клуб Берлина; музей; место встречи электроакустического салона; арт-пространство. Вечеринки клуба официально приравнивали к классическим культурным концертам и выставкам.

Окончание табл. 1

Наименование креативного пространства	Прошлый функционал площадки	Целевая аудитория	Значение
Melkweg (Амстердам)	Фабрика рафинирования сахара, а после продажи территории – молочная фабрика.	Глобальные личности. Представители творческих индустрий. Музыкальные продюсеры, модельеры.	Квартал ночных клубов, кинотеатров, магазинчиков фотографии; основная площадка проведения культурных фестивалей; один из крупнейших объектов, привлекающих внимание туристов.
Artplay (Москва)	Завод по производству измерительного оборудования и часть завода по сборке и производству электровакуумных приборов СВЧ-диапазона.	Глобальные личности. Представители творческих индустрий. Музыкальные продюсеры, модельеры.	Сеть дизайнерских бюро и шоурумов; крупнейшей в России мультимедийный выставочный центр; на его территории теперь находится Британская высшая школа дизайна, кафе и фотостудии.
Arma17 (Москва)	Завод по изготовлению нестандартного оборудования для АЭС, а также производитель специализированных технических средств для силовых ведомств и продукции гражданского назначения.	Глобальные личности. Представители творческих индустрий. Музыкальные продюсеры, модельеры.	Арт-пространство; площадка проведения фестивалей Jet, Arma, Outline. Невозможно оценить, так как было закрыто по причине постоянного противодействия со стороны силовых структур.

Что говорят эксперты?

Экспертные интервью показали, что существуют примерно схожие мотивы организации креативного пространства – организаторы ищут площадку, которая сможет удовлетворить их запросы и стать совершенно новым продуктом на перенасыщенном рынке.

Ты уже перестаешь чему-то восхищаться, пропадает высшая цель, и хочется найти что-то новое... Людям необходимы смены локаций, и чем их будет больше, тем лучше. Особенно это касается сферы развлечений... Когда тренд переходит в мейнстрим, то прогрессивная аудитория уходит, а на танцполе остаются только аутсайдеры (*Интервью 8*).

Новизна и необычность в свою очередь должны привлечь достаточные ресурсы для обеспечения жизнедеятельности творческого кластера, который, интегрируясь в городской ландшафт, станет неотъемлемой частью культурного поля, распространив свое влияние на весь район (город или даже страну), изменив его облик, как в глазах местных жителей, так и туристов.

Мне нравится Artplay, НИИ, КМ20 и Moscow city. В общем, урбан. В этом я могу прочесть современную Москву, там приятно находиться (*Интервью 3*).

Типологизация креативных пространств

Пытаясь типологизировать площадки Москвы по разным признакам, будь то возраст аудитории, часы работы, годы появления, вместительность, объекты, территории которых заняли, долгосрочность реализуемых проектов и прочее, обнаружилось, что существенных изменений в списках пространств не происходит. На основании этого удалось создать некоторую иерархию креативных пространств, разделив их все на три группы, среди которых:

- 1) полноценные креативные кластеры (именно к ним обычно апеллируют исследователи), ориентированные на все возрастные группы, занимающие бывшие промышленные территории и в данный момент являющиеся действующими в дневное время (некоторые круглосуточно) и на постоянной основе бизнес-моделями, предлагающими своим посетителям широкий спектр услуг, особенно в области творческой реализации, а также высокотехнологичных сферах. Появлялись они

на карте Москвы преимущественно в конце 2000-х гг., а некоторые уже стали своеобразным минигородом (пользователь пространства может осуществлять всю свою деятельность, связанную с проживанием, образованием, работой, питанием, досугом и всем прочим, не выходя за его пределы);

Рис. 1. Карта креативных кластеров Москвы

- 2) креативные пространства, отличающиеся узкой специализацией (к примеру, ночные клубы), но действующие на постоянной основе под одним конкретным самостоятельным лейблом. Лишь часть из них расположилась на территории бывших промышленных территорий, и единицы получили огласку в СМИ и известность среди широких масс. В большинстве своем они начали появляться в Москве с конца 2000-х гг. до середины 2010-х. Большая часть из них функционирует в ночное время;
- 3) пространства, становящиеся креативными только в тот момент, когда в них происходит мероприятие (сотворчество организаторов с посетителями). Активность появления таких площадок краткосрочной аренды возросла с середины 2010-х гг. Сами площадки в связи со своими небольшими размерами и проектировкой не кажутся бывшими промышленными объектами.

Следует также оговориться, что к креативным пространствам второй и третьей группы может относиться любая среда для творчества, будь то парк, киноклуб, рюмочная и так далее, разницу составляет лишь самостоятельность и устойчивость их бренда, а также спектр новых ролей и статусов, распространяемый на потребителей.

Социальное картографирование также показало появившуюся в начале 2010-х гг. тенденцию увеличения на городском ландшафте креативных пространств второй и третьей группы (особенно третьей – площадок краткосрочной аренды для организаторов, рассчитывающих на быструю выгоду, получаемую через привлечение узконаправленной аудитории), в то время как новые полноценные кластеры появляться практически перестали.

Заключение

Мегаполисы все больше становятся полем деятельности креаклов (однако в России это развитие происходит относительно медленно из-за несформированного по этому вопросу законодательства и недопонимания действующей городской властью значения креативных пространств). Появление таких площадок – естественный процесс, происходящий в государствах, дошедших до определенной степени развития и иницируемый креаклом или группой креаклов на базе заброшенных промышленных территорий в черте мегаполиса. Существование пространств невозможно без спонсорства или переформирования в бизнес-проект. Появляются такие площадки из желания креаклов создать идеальное по их меркам место для творчества и самореализации. Целевой аудиторией таких проектов в начале является в основном прогрессивная молодежь, так как она наиболее восприимчива к новым трендам, а также другие организаторы пространств. Далее тренды, задаваемые продвинутой аудиторией, доходят до масс, популяризируя локальности и расширяя ее аудиторию. Это привлекает инвесторов, начинается процесс постепенного оживления территорий вокруг через расширение арт-кластера, увеличивается доход, появляется выгода для города. Продолжительное существование постепенно привлекает бизнес-структуры из сферы новейших технологий, вследствие чего появляется симбиоз науки и искусства.

Горожанин во всем этом процессе открывает для себя новый продукт и начинает процесс взаимодействия. Он циркулирует в пространстве, приносит сопутствующие ресурсы в виде финансовой и информационной поддержки, привлекая еще больше людей,

Рис. 2. Схема становления и развития творческого кластера

помогает сформировать облако сопутствующих смыслов вокруг кластера, участвует в процессе сотворчества через отрефлексируемые выводы, касающиеся концепции, заданной организаторами площадки, и так далее. Кластер же делает городскую жизнь ярче, интереснее, насыщеннее, удовлетворяет потребительские запросы, помогает социализации и изменению статуса посетителя как в его собственных глазах, так и в глазах окружения. Пространство считается креативным, когда: его наполнение соотносится с актуальной культурой или контркультурой и новейшими технологиями; его посещение обрывает поле дополнительных смыслов; оно формирует образ своего собственного потребителя, создает спектр новых ролей и статусов, принимаемый как минимум другими потребителями, и побуждает человека к сотворчеству.

Литература

Ермакова, Суховская 2017 – Ермакова Л.И., Суховская Д.Н. Анализ влияния новых досуговых практик креативных пространств на формирование ценностных ориентаций горожанина // Манускрипт. 2017. № 11 (85). С. 52–55.

- Поточенко 2019 – *Поточенко Р.О.* Анализ социальных отношений в креативных пространствах российского города // *E-Scio*. 2019. № 10 (37). С. 381–389.
- Сотникова 2020 – *Сотникова В.О.* Креативное пространство для молодых // Вузовская наука в современных условиях: Сб. материалов 53-й научно-технической конференции. 2020. С. 15–17.
- Титова, Салько 2018 – *Титова Т.Ю., Салько В.Н.* Арт-кластер как новая форма общественного пространства // *Архитектурные исследования*. 2018. № 1. С. 105–110.
- Тукмакова 2018 – *Тукмакова М.И.* Архитектура закрытых креативных пространств: типология и функциональная структура // *Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета*. 2018. № 2 (44). С. 98–106.

References

- Ermakova, L.I. and Sukhovskaya, D.N. (2017), “Analysis of influence of new leisure practices of creative spaces on the formation of citizen’s value orientations”, *Manuscript*, no. 11 (85), pp. 52–55.
- Potochenko, R.O. (2019), “Analysis of social relations in the creative spaces of a Russian city”, *E-Scio*, no. 10 (37), pp. 381–389.
- Sotnikova, V.O. (2020), “Creative space for youth”, *Vuzovskaya nauka v sovremennykh usloviyakh: sbornik materialov 53-i nauchno-tekhnicheskoi konferentsii* [University science in modern conditions. Collection of materials of the 53rd scientific and technical conference], Ul’yanovskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet, Ul’yanovsk, Russia, pp. 15–17.
- Titova, T.Yu. and Salko, V.N. (2018), “Art cluster as a new form of public space”, *Arkhitekturnye issledovaniya*, no. 1, pp. 105–110.
- Tukmakova, M.I. (2018), “The architecture of closed creative spaces. Typology and functional structure”, *Izvestiya Kazanskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel’nogo universiteta*, no. 2 (44), pp. 98–106.

Информация об авторе

Святослав И. Прохоров, аспирант, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия; 119049, Россия, Москва, Мароновский переулок, д. 26; Svyatoslav.prokhoroff@yandex.ru

Information about the author

Svyatoslav I. Prokhorov, postgraduate student, State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 26, Maronovskii Lane, Moscow, Russia, 119049; Svyatoslav.prokhoroff@yandex.ru

Рост семейного насилия
во время чрезвычайных ситуаций
и пандемии COVID-19

Тамара К. Ростовская

*Институт демографических исследований Федерального
научно-исследовательского социологического центра РАН,
Москва, Россия, rostovskaya.tamara@mail.ru*

Наталья А. Безвербная

*Институт демографических исследований Федерального
научно-исследовательского социологического центра РАН,
Москва, Россия, bezvad@mail.ru*

Аннотация. Проблема положения женщин, столкнувшихся с семейным насилием в условиях чрезвычайных ситуаций, среди которых экологические и техногенные катастрофы, пандемии, остается малоизученной. Основной корпус научных публикаций по данной теме представлен количественными и качественными исследованиями, проведенными в Австралии, Канаде, Новой Зеландии, США. В России за последние несколько лет произошли события, усугубившие проблему семейного насилия: во-первых, прекращен статистический учет правонарушений, связанных с нанесением побоев членам семьи и другим близким лицам. Поэтому основные данные получены авторами от некоммерческих организаций, оказывающих помощь пострадавшим от семейного насилия. Второе событие, которое коснулось каждой страны и территории – пандемия COVID-19: первая и вторая волна пандемии повлекли за собой ограничительные меры, что спровоцировало социально-экономическую напряженность в условиях изоляции. Декларацией Всемирной организации здравоохранения пандемия COVID-19 классифицирована как чрезвычайная ситуация в области общественного здравоохранения, имеющая международное значение. В этом контексте вопрос о рисках семейного насилия приобретает особую актуальность.

Ключевые слова: гендерное насилие, семейное насилие, экологическая катастрофа, стихийные перемещения, пандемия COVID-19

Для цитирования: Ростовская Т.К., Безвербная Н.А. Рост семейного насилия во время чрезвычайных ситуаций и пандемии COVID-19 // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 1. С. 111–123. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-111-123

© Ростовская Т.К., Безвербная Н.А., 2021

Rising domestic violence during emergencies and the COVID-19 pandemic

Tamara K. Rostovskaya

*Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, rostovskaya.tamara@mail.ru*

Natal'ya A. Bezverbnaya

*Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, bezvad@mail.ru*

Abstract. The issue of the situation of women facing domestic violence in emergency situations, including the environmental and man-made disasters, pandemics, in general, remains poorly understood. The main body of scientific publications on the topic is represented by quantitative and qualitative research conducted in Australia, Canada, New Zealand, and the USA. Several important events have taken place in the Russian Federation over the past few years, which, in our opinion, have aggravated the issue of domestic violence: firstly, cessation of the statistical recording of offenses related to beating the family members and other close persons, therefore, the main data were obtained by the authors from non-profit organizations that provide assistance to victims of domestic violence. The second event that affected every country and territory is the COVID-19 pandemic: the first and second waves of the pandemic entailed restrictive measures, which provoked socio-economic tensions in isolation. The COVID-19 pandemic is classified as a public health emergency of international concern by the World Health Organization Declaration. In that context, the issue of the risks of domestic violence is of particular relevance

Keywords: gender-based violence, family violence, environmental disaster, spontaneous displacement, COVID-19 pandemic

For citation: Rostovskaya, T.K. and Bezverbnaya, N.A. (2021), "Rising domestic violence during emergencies and the COVID-19 pandemic", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1, pp. 111–123, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-111-123

Введение

Основное внимание после катастроф и чрезвычайных ситуаций уделяется ликвидации последствий, помощи пострадавшим, недопущению вспышки инфекционных заболеваний, восстановлению

инфраструктуры, удовлетворению основных потребностей, однако проблема насилия, в том числе семейного, в условиях чрезвычайных ситуаций остается практически незамеченной. Исследования, проведенные в ряде зарубежных стран, подтверждают гипотезу о том, что насильственные действия со стороны членов семьи, жестокое обращение с детьми, сексуализированное насилие широко распространены после чрезвычайных ситуаций.

В частности, первые исследования рисков семейно-бытового насилия после извержения в 1980 г. вулкана Сент-Хеленс на северо-западе США позволили выявить следующую негативную динамику – на 45,6% увеличилось зарегистрированных полицией случаев семейного насилия, а выдача судебных предписаний увеличилась вдвое после урагана Эндрю в 1992 г. (атлантический тропический ураган 5-й категории, третий по величине ураган, достигший берегов США в XX в.) [Rodriguez et al. 2006].

К сожалению, за последние годы не проводились фундаментальные исследования, связанные с изучением жестокого обращения в семейных отношениях после катастроф и чрезвычайных ситуаций. Вместе с тем начавшаяся в 2019 г. пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19, которая стала катализатором конфликтов в межличностных отношениях, способствовала активизации научных исследований по обозначенной проблеме.

Рост насилия после чрезвычайных ситуаций, вызванных экзогенными факторами

Рост насилия был отмечен в первые шесть месяцев после обрушения урагана «Флойд» на Северную Каролину, США, в 1999 г., вызвав одну из крупнейших по величине эвакуаций в истории Америки. Частота черепно-мозговых травм у детей в возрасте до двух лет увеличилась в пять раз в округах, сильно пострадавших от урагана, в то время как в округах, менее пострадавших или не пострадавших, этот показатель не увеличился¹. Другие исследования в США также показали рост числа сообщений о жестоком обращении с детьми после стихийных бедствий.

¹ Le Masson V., Lim Sh., Budimir M., Selih Podboj J. Disasters and violence against women and girls. Can disasters shake social norms and power relations?: Working paper [Электронный ресурс]. URL: <https://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/resource-documents/11113.pdf> (дата обращения 15 января 2021).

Рост уровня насилия в межличностных отношениях между партнерами был отмечен на Филиппинах после извержения вулкана «Пинатубо» в 1991 г., в Никарагуа после урагана «Митч» в 1998 г., который вызвал серьезнейшие социально-экономические последствия (более 2,7 млн чел. потеряли жилье, пострадали и пропали без вести более 11 тыс. чел.), в США после землетрясения в Лома-Приета в 1989 г., и эксплозивного извержения вулкана Сент-Хеленс (1980 г.) [Enarson 1999].

Научный интерес исследователей к риску насилия в отношении женщин и детей значительно возрос после землетрясения в Индийском океане в 2004 г., урагана «Катрина» в США в 2005 г., а также землетрясения на Гаити в 2010 г. В то время СМИ привлекли внимание общественности к проблеме траффинга, сексуального насилия после стихийных бедствий, но в исследовании Л. Страк и А. Эйджер [Stark, Ager 2011] было отмечено, что современные методы оценки распространенности гендерного насилия в сложных чрезвычайных ситуациях, как правило, основаны на выборках, не поддающихся проверке. Популяционный мониторинг проводится сравнительно редко. Насилие со стороны интимного партнера, физическое насилие и изнасилование были тремя категориями насилия, наиболее часто измеряемыми.

Ряд исследований, проведенных в США, Австралии и Новой Зеландии, также подтверждают корреляцию между экологическими и техногенными катастрофами и рисками семейно-бытового насилия: исследователями был отмечен 400%-ный рост спроса на приюты для женщин после Великого потопа вдоль рек Миссисипи и Миссури в США, произошедшего в 1993 г. После урагана Катрина был зафиксирован четырехкратный рост насилия со стороны интимных партнеров, кроме того, был отмечен 98%-ный рост физической виктимизации женщин. Тем самым был сделан вывод о том, что риск [насилия со стороны интимного партнера] повышается после крупномасштабных катастроф [Schumacher et al. 2010].

Таким образом, стихийные бедствия разрушают физическую и социальную среду, создавая неблагоприятные условия, следствием которых может быть насилие. Эти последствия могут оказывать как непосредственное, так и долгосрочное негативное влияние на человека, в частности повышенный стресс и чувство бессилия из-за тяжелой утраты, потери имущества и потери средств к существованию; проблемы психического здоровья, такие как посттравматическое стрессовое расстройство; потеря здоровья – в таких условиях люди, особенно менее защищенные слои населения, подвержены дополнительным рискам, среди которых разные формы насилия.

*Рост насилия
после чрезвычайных ситуаций,
вызванных эндогенными
факторами*

Вспышка вируса Эбола началась в Гвинее в декабре 2013 г. Это была самая крупная из когда-либо зарегистрированных вспышек лихорадки Эбола, охватившая множество стран и континентов. Случаи заболевания были зарегистрированы в трех странах с широко распространенной и интенсивной передачей инфекции (Гвинея, Либерия и Сьерра-Леоне) и других странах с первоначальным случаем (случаями) или локализованной передачей. В качестве мер по предотвращению распространения инфекции были введены карантинные меры. После введенных ограничений женщины и девочки стали чаще подвергаться сексуальному насилию, принуждению и эксплуатации, однако жалобы о насилии не учитывались и не признавались. Кроме того, молодые женщины и девочки-подростки не могли посещать общественные собрания и получать инструкции о том, как защитить себя от этой болезни. Однако в то время как женщины и девочки сталкивались с участвовавшими случаями жестокого обращения и насилия, неспособностью уделять приоритетное внимание гендерному насилию, наряду с неэффективной системой здравоохранения и отсутствием координации, доступность услуг для выживших серьезно пострадала в этих странах. Например, в Сьерра-Леоне услуги по борьбе с гендерным и семейным насилием в системе общественного здравоохранения были серьезно нарушены из-за переориентации ресурсов и персонала. Несколько кризисных центров не прекращали свою работу, и число женщин и девочек, получающих доступ к медицинским услугам, консультациям, увеличилось на 19% по сравнению с предыдущими месяцами кризиса. В Либерии люди, пережившие насилие, были лишены доступа к базовым услугам общественного здравоохранения из-за страха, что медицинские работники могут заразиться. Полицейская и судебная системы были перегружены, что могло привести к дальнейшему росту насилия в отношении женщин, поскольку была создана «атмосфера безнаказанности». В Либерии более 27% людей высказались о том, что полиция и судебная система не справляются должным образом со случаями насилия. Кроме того, отсутствие доступа к базовым услугам в области репродуктивного здоровья привело к 75%-ному росту материнской смертности в Гвинее, Либерии и Сьерра-Леоне, поскольку среди молодых женщин в Западной Африке возросло число незапланированных беременностей.

Женщины, которые были в абьюзивных отношениях до катастрофы, могут испытывать насилие большей степени тяжести после катастрофы по причине того, что они отделены от семьи, друзей, убежищ и кризисных центров, которые ранее предлагали им некоторую меру защиты. После катастрофы женщины могут быть вынуждены полагаться на преступника для того, чтобы выжить.

Риски семейного насилия в период COVID-19

Угрожающие международному общественному здравоохранению события, такие как пандемия свиного гриппа H1N1, распространение полиомиелита в 2014 г., эпидемия лихорадки Эбола, вспыхнувшая в Западной Африке, вспышка вируса Зика в 2016 г., вспышка лихорадки Эбола в Киву в 2018–2019 гг.), квалифицируются ВОЗ как чрезвычайные ситуации, имеющие международное значение (PHEIC – Public Health Emergency of International Concern). Термин «чрезвычайная ситуация в области общественного здравоохранения, имеющая международное значение» появился в 2005 г. в Международных медико-санитарных правилах² (договор, в обязанности которого входит предоставление ВОЗ полномочий действовать в качестве главной глобальной системы эпидемиологического надзора).

ВОЗ объявила о чрезвычайной ситуации в области общественного здравоохранения в январе 2020 г. [Beeching et al 2020] и пандемии в марте 2020 г. По состоянию на 11 февраля 2021 г. зарегистрировано более 107 млн случаев заражения и более 2,35 млн случаев смерти, ставшие следствием COVID-19.

По прошествии полугода с начала пандемии стало очевидно, что это событие существенным образом повлияло на жизни миллионов людей, поэтому необходимо было провести параллель между чрезвычайными ситуациями и пандемией COVID-19 с точки зрения катализатора обострения межличностных отношений, что привело по всему миру к росту разных форм и видов насилия.

Один из важнейших вопросов исследования – является ли чрезвычайная ситуация причиной насилия в семье. Потеря жилья и работы, травматические переживания, потеря родных и близких,

² WHO Library Cataloguing in Publication Data. International health regulations. 2nd ed. (2005) 1. Legislation, Health. 2. Communicable disease control – legislation. 3. Disease notification – legislation. 4. International cooperation. I. World Health Organization. II. Title: IHR (2005). ISBN 978-92-4-158041-0.

угнетенное психологическое состояние, употребление алкоголя и наркотиков – все это, с одной стороны, последствия чрезвычайных ситуаций и катастроф, но это также факторы риска для роста семейного насилия. Локдаун – как одна из мер, предпринятая большинством государств, препятствующая распространению коронавирусной инфекции, повлекла за собой повышенный контакт между членами семьи, часто в стесненных условиях, что привело к нарастанию напряжения.

Проблему семейного насилия существенно осложняет отсутствие официальной статистики, что стало следствием принятия Федерального закона «О внесении изменений в статью 116 Уголовного Кодекса Российской Федерации» от 07.02.2017 № 8-ФЗ³, поскольку данная статья ранее регулировала семейно-бытовое насилие в российских семьях. Однако согласно законодательству, нанесение побоев членам семьи и другим близким лицам, с момента вступления в силу Федерального закона, не относится к уголовному преступлению и может оцениваться как административное правонарушение [Ростовская, Безвербная 2019]. Кроме того, даже с учетом официальной статистики семейное насилие характеризуется высокой степенью латентности, поскольку не всегда пострадавшие от подобных действий решались обращаться за помощью в правоохранительные органы. Вместе с тем кризисные центры продолжают вести внутреннюю статистику, которая представлена ниже.

Данные исследования, проведенного Лабораторией гендерных проблем ИСЭПН ФНИСЦ РАН⁴ и представленные на рис. 1, подтверждают латентность семейно-бытового насилия, однако сорокапроцентный показатель о редких случаях семейного насилия свидетельствует о высокой виктимизации, потому как случаи семейного насилия могут характеризоваться крайней жестокостью, вызывая общественный резонанс.

³ Федеральный закон от 07.02.2017 № 8-ФЗ «О внесении изменений в статью 116 Уголовного Кодекса Российской Федерации» // Консультант-Плюс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=142348828408562248123728653&cacheid=BCF94A4B449C5DCA7BA71E9B61E6784D&mode=splus&base=LAW&n=212385&rnd=AEB55D482DB9AE755B18167CFA7F86EE#1pe5v6qxnnx> (дата обращения 17 января 2021).

⁴ Результаты выборочного социологического опроса населения РФ в зависимости от пола и возраста, выполненное в рамках государственного задания на 2018–2020 гг. на тему: «Гендерные аспекты социально-экономической динамики современной России» (№ 0165-2018-0001, д-р экон. наук, проф. В.Г. Доброхлеб).

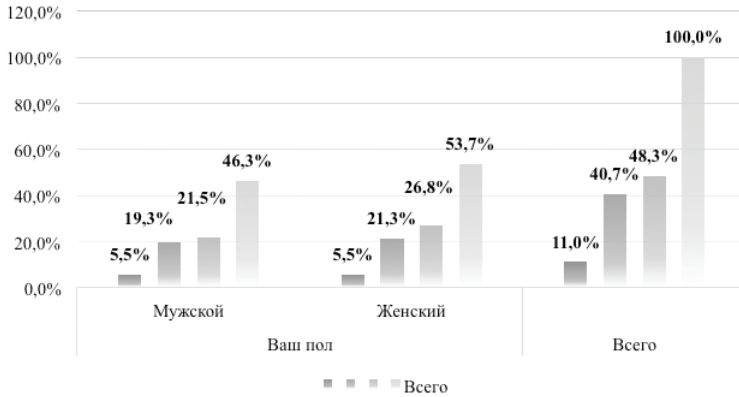

Рис. 1. Часто ли вы узнаете о проявлении насилия в семьях вашего населенного пункта?

Поскольку коронавирус продолжает распространяться по всему миру, а правительства принимают меры социального контроля, жертвы домашнего насилия, чаще всего женщины, сталкиваются с двойной угрозой: смертельный вирус снаружи и агрессор дома. По истечении полугода с начала пандемии стало ясно, что COVID-19 затронул абсолютно все сферы нашей жизни. Несмотря на тот факт, что почти все страны и люди попали под воздействие вируса, его влияние на различные группы людей оказалось неодинаковым.

Если говорить о статистике насилия в семье в период карантина в России, некоторые некоммерческие организации, работающие в сфере борьбы с домашним насилием, привели следующие цифры⁵.

По информации, предоставленной Консорциумом женских неправительственных организаций (организация, предоставляющая юридическое сопровождение для пострадавших от домашнего насилия на всей территории страны), с марта по май 2020 г. всего зарегистрировано 353 жалобы, из них 104 – в марте, 111 – в апреле и 138 – в мае 2020 г. Следует также отметить, что количество обращений за помощью в Центральном Федеральном Округе, включая Москву, удвоилось в мае по сравнению со средним количеством обращений, поступающих в месяц.

⁵ Домашнее насилие в условиях COVID-19 в России: Доклад семи организаций по защите прав женщин [Электронный ресурс]. URL: <https://wcons.net/wp-content/uploads/2020/07/Doklad-o-domashnem-nasilii-v-usloviyah-COVID-19-v-Rossii-2020-god.pdf> (дата обращения 15 января 2021).

С марта по май 2020 г. Центр «Сестры» (Региональная общественная организация Независимый Благотворительный Центр помощи пережившим сексуальное насилие) оказывал помощь жертвам домашнего и сексуализированного насилия в дистанционном режиме по электронной почте или по телефону. Всего они получили 481 обращение по электронной почте, тогда как за последний год было всего 316 обращений. В апреле и мае 2020 г. количество обращений, поступивших по электронной почте, увеличилось почти вдвое по сравнению с тем же периодом 2019 г.

После введения режима самоизоляции возросло количество звонков на Всероссийскую «горячую линию» Центра «Анна» (Центр помощи женщинам, пострадавшим от домашнего насилия). Общее количество звонков в период с марта по май 2020 г. составило 8682 звонка. После введения режима самоизоляции в марте Центром зарегистрировано 2437 звонков. В апреле всего поступило 2682 звонка. В мае количество звонков увеличилось до 3563. 69,5% женщин, позвонивших на «горячую линию», отметили, что во время самоизоляции ситуация дома ухудшилась. К тому же 3,8% женщин сказали, что у них в первый раз инциденты домашнего насилия произошли именно в период строгой изоляции.

В марте 2020 г. Проект «Зона права» открыл «горячую линию» для жертв домашнего насилия. Для того чтобы облегчить женщинам доступ к юридической помощи, линия работала в популярных мессенджерах (WhatsApp и Telegram). Проект сообщил о 1352 обращениях за помощью в апреле 2020 г. и 2038 обращениях в мае при среднем количестве в 500–700 обращений ежемесячно.

На Северном Кавказе две партнерские организации сообщили о резком росте количества обращений за помощью в апреле и мае 2020 г. Количество запросов на оказание юридической помощи в связи с домашним насилием в этот период увеличилось на 100%.

По информации сотрудников Псковского независимого социального женского центра, в апреле и мае 2020 г. количество обращений за помощью увеличилось в пять раз по сравнению с периодом январь–март 2020 г. Более того, количество звонков на псковскую «горячую линию» выросло на 200% по сравнению с тем, что было в январе–марте 2020 г. В апреле и мае Центр различными способами оказал помощь 94 женщинам и детям: 3 размещены в убежище; 15 получили консультации по «горячей линии»; 18 получили юридические консультации; 27 – консультации психолога; 31 – материальную помощь.

В отсутствие четких указаний государственных органов о возможном нарушении режима строгой изоляции в случае домашнего насилия некоторые женщины боялись покинуть свои дома и бе-

жать от агрессора, поскольку думали, что тем самым они нарушили бы ограничение, предписывающее находиться дома. Более того, в некоторых случаях агрессоры угрожали женщинам звонком в полицию. Так продолжалось до 27 мая 2020 г., когда Министерство внутренних дел сделало официальное заявление о том, что лица, нарушившие регламент режима строгой изоляции в чрезвычайной ситуации, включая случаи домашнего насилия, не должны привлекаться к ответственности за это.

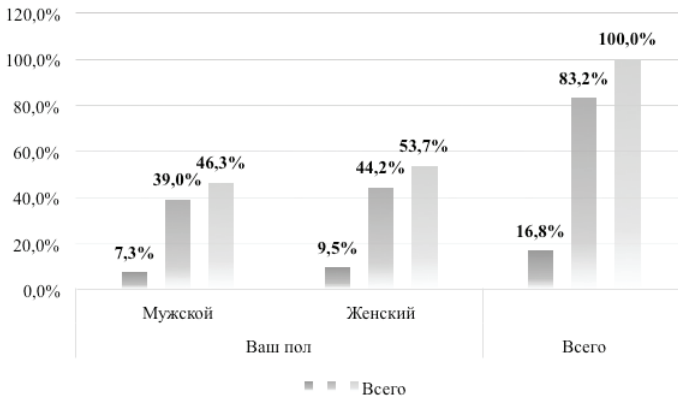

Рис. 2. Чаще ли Вы стали узнавать о случаях насилия в семьях в период введения режима самоизоляции?⁶

При сравнении данных рис. 1 и 2 заметно, что в период самоизоляции осведомленность респондентов о случаях насилия в семьях увеличилась на 4% у женщин и на 1,8% у мужчин, участвовавших в опросе – для нескольких месяцев самоизоляции такие цифры статистически значимы и подтверждают тезис о влиянии условий, детерминированных пандемией, на данную проблему.

Однако некоммерческий сектор сумел адаптироваться к новым требованиям в новых условиях, нашел возможности увеличения своего потенциала для того, чтобы справиться с наплывом звонков на «горячие линии» и переселением пострадавших в случае необходимости. Ряд неправительственных организаций перешли на круглосуточный график приема звонков от пострадавших и оказания психологической и юридической помощи (например, «Анна», «Ки-

⁶ Результаты выборочного социологического опроса населения РФ в зависимости от пола и возраста...

теж»). Центр «Анна» начал работу над созданием всеобъемлющего чатбота с несколькими доступными сценариями оказания помощи. Чатбот предназначен для оказания помощи женщинам, которые не могут дозвониться на всероссийскую «горячую линию».

Силами некоммерческого сектора оказывается бесплатная юридическая помощь. Такую помощь оказывают, например, центры «Анна», «Китеж», «Консорциум», проект «Ты не одна», «Правовая инициатива» (последний проект создал работающего в Viber чатбота с исчерпывающей информацией о соответствующих специалистах в конкретном регионе, убежищах, НПО, журналистах и с инструкциями о том, как действовать в различных ситуациях. Сведения о проекте и чатботе распространялись в средствах массовой информации).

Министерство внутренних дел России утверждает, что для предупреждения ухудшения ситуации полиция выполняет комплекс соответствующих мер. В частности, полиция посещает лиц, находящихся в списке особого контроля, справляется у родственников об их поведении и привлекает к ответственности при наличии признаков преступлений. Полиция также информирует пострадавших о социальных службах. Министерство подчеркивает, что полиция реагирует незамедлительно на все сообщения о преступлениях, включая те, что касаются домашнего насилия.

Заключение

Несмотря на все предпринятые меры, не был выработан единый подход для решения проблемы семейного насилия, особенно в кризисных ситуациях, пандемия коронавирусной инфекции это подтвердила.

Таким образом, ситуационный кризис обнаруживает всеобъемлющую картину проблемы, а также широко идущие и разрушительные последствия – и обеспечивает более четкое представление о том, почему необходимы меры для минимизации данной проблемы в российском обществе. Исследования показывают, что крупные события, такие как пандемии, стихийные бедствия и рецессии, часто приводят к росту насилия в семье.

Уязвимость женщин и девочек в кризисных ситуациях еще более усугубляется отсутствием доступа к их обычным социальным сетям и источникам социальной поддержки, а также к медицинским и другим вспомогательным услугам, тем самым шансы уйти или сопротивляться жестоким отношениям уменьшаются. Поскольку механизмы оказания услуг работают в кризисном режиме для сдерживания пандемии, другие важнейшие услуги, особенно те, которые необходимы женщинам и девочкам, часто становятся недоступными

или лишаются приоритета и считаются несущественными. Кроме того, страх перед инфекцией, ограничение передвижения и общественные беспорядки, а также насилие и жестокое обращение могут помешать женщинам обращаться за медицинской помощью во время эпидемии.

Литература

- Ростовская, Безвербная 2019 – *Ростовская Т.К., Безвербная Н.А.* Декриминализация семейного насилия: проблемные аспекты // Социальная среда и социальная политика: новые подходы и инновационные технологии: Материалы Междунар. научно-практич. конф. Сер. «Демография. Социология. Экономика» / Под ред. С.В. Рязанцева, Т.К. Ростовской, З.Х. Саралиевой. М.: Экон-Информ, 2019. С. 177–184.
- Ростовская, Писклакова-Паркер, Безвербная 2020 – *Ростовская Т.К., Писклакова-Паркер М.П., Безвербная Н.А.* Система профилактики семейного насилия глазами экспертов: анализ авторского социологического исследования // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2020. № 6. С. 103–111.
- Beeching et al. 2020 – *Beeching N., Fletcher T., Fowler R.* Coronavirus disease 2019 (COVID-19). London: BMJ Best Practices. BMJ Publishing Group, 2020.
- Enarson 1999 – *Enarson E.* Violence against women in disasters: a study of domestic violence programs in the US and Canada // *Violence Against Women*. 1999. № 5 (7). P. 742–768.
- Rodriguez et al. 2006 – *Rodriguez H., Quarantelli E., Dynes R.* (2006), Handbook of Disaster Research: Foundations and New Directions for Research and Practice [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/321135839_Gender_and_Disaster_Foundations_and_New_Directions_for_Research_and_Practice (дата обращения 15 января 2021).
- Schumacher et al. 2010 – *Schumacher, J.A., Coffey, S.F., Norris, F.H., Tracy, M., Clements, K., & Galea, S.* Intimate partner violence and Hurricane Katrina: predictors and associated mental health outcomes // *Violence and Victims*. 2010. № 25 (5). P. 588–603.
- Stark, Ager 2011 – *Stark L., and Ager A.* A systematic review of prevalence studies of gender-based violence in complex emergencies // *Trauma. Violence. Abuse*. 2011. № 12 (3). P. 127–134.

References

- Beeching, N., Fletcher, T. and Fowler, R. (2020), *Coronavirus disease 2019 (COVID-19)*, BMJ Best Practices. BMJ Publishing Group, London, UK.
- Enarson, E. (1999), “Violence against women in disasters: a study of domestic violence programs in the US and Canada”, *Violence Against Women*, no. 5 (7), pp. 742–768.
- Rostovskaya, T.K. and Bezverbnaya, N.A. (2019), “Decriminalization of domestic violence. Aspects of an issue”, *Sotsial'naya sreda i sotsial'naya politika: novye pod-*

- khody i innovatsionnye tekhnologii: Materialy Mezhdunar. nauchno-praktich. konf. Ser. "Demografiya. Sotsiologiya. Ekonomika"* [Social environment and social policy. New approaches and innovative technologies, Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. "Demography. Sociology. Economics" Series], Ryazantseva, S.V., Rostovskaya, T.K. and Saralievа Z.Kh. (eds.), Ekon-Inform, Moscow, Russia, pp. 177–184.
- Rostovskaya, T.K., Pisklakova-Parker, M.P. and Bezverbnaya, N.A. (2020), "Family violence prevention system through the eyes of experts. Analysis of the author's sociological research", *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Socio-Economic Sciences Series*, no. 6, pp. 103–111.
- Rodriguez, H., Quarantelli, E. and Dynes, R. (2006), *Handbook of Disaster Research*, available at: https://www.researchgate.net/publication/321135839_Gender_and_Disaster_Foundations_and_New_Directions_for_Research_and_Practice (Accessed 15 January 2021).
- Schumacher, J.A., Coffey, S.F., Norris, F.H., Tracy, M., Clements K. and Galea, S. (2010), "Intimate partner violence and Hurricane Katrina: predictors and associated mental health outcomes", *Violence and victims*, no. 25 (5), pp. 588–603.
- Stark, L., and Ager, A. (2011), "A systematic review of prevalence studies of gender-based violence in complex emergencies", *Trauma. Violence. Abuse*, no. 12 (3), pp. 127–134.

Информация об авторах

Тамара К. Ростовская, доктор социологических наук, профессор, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия; 119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1; rostovskaya.tamara@mail.ru

Наталья А. Безвербная, соискатель, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия; 119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1; bezvad@mail.ru

Information about the authors

Tamara K. Rostovskaya, Dr. of Sci. (Sociology), professor, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, 119333; bldg. 1, bld. 6, Fotieva Street, Moscow, Russia, 119333; rostovskaya.tamara@mail.ru

Natal'ya A. Bezverbnaya, applicant, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS); Moscow, Russia, 119333; bldg. 1, bld. 6, Fotieva Street, Moscow, Russia, 119333; bezvad@mail.ru

Искусствоведение

УДК 75.046

DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-124-136

Иконография литургических композиций в программе росписи Никольского Морского собора в Кронштадте

Александр А. Бурганов

Независимый исследователь, Москва, Россия,

a.a.burganov@gmail.com

Аннотация. Роспись кронштадтского Никольского Морского собора относится к числу крупнейших и малоизученных памятников русской церковной живописи начала XX в. Исследование иконографической программы росписи собора позволит заполнить пробелы в наших представлениях о развитии отечественного искусства этого периода. В настоящей статье предпринят иконографический анализ некоторых композиций, объединенных литургической символикой, что приближает нас к более полному пониманию художественного метода авторов росписи.

Ключевые слова: кронштадтский Никольский Морской собор, иконографическая программа, литургическая композиция, росписи, реставрация

Для цитирования: Бурганов А.А. Иконография литургических композиций в программе росписи Никольского Морского собора в Кронштадте // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 1. С. 124–136. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-124-136

Iconography of liturgical compositions in the painting program of the Kronstadt St. Nicholas Naval Cathedral

Aleksandr A. Burganov

Independent researcher, Moscow, Russia,

a.a.burganov@gmail.com

Abstract. The painting of the Kronstadt St. Nicholas Naval Cathedral is one of the largest and little-studied monuments of Russian church painting of the early 20th century. The study of the iconographic program of the painting

© Бурганов А.А., 2021

of the cathedral will fill in the gaps in our understanding of the development of Russian art of that period. The article undertakes an iconographic analysis of some compositions united by liturgical symbolism, which brings us closer to a more complete understanding of the artistic method of the authors of the painting.

Keywords: Kronstadt St. Nicholas Naval Cathedral, iconographic program, liturgical composition, painting, restoration

For citation: Burganov, A.A. (2021), "Iconography of liturgical compositions in the painting program of the Kronstadt St. Nicholas Naval Cathedral", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1, pp. 124–136, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-124-136

Роспись кронштадтского Никольского Морского собора является одним из крупнейших и наименее изученных памятников русской церковной живописи начала XX в. Цель исследования – расширение знаний о развитии отечественного искусства этого периода. Особенно актуальным представляется подробное изучение иконографической программы росписи собора. В настоящей статье мы даем иконографический анализ некоторых композиций, объединенных литургической символикой.

Морской собор в Кронштадте, выстроенный в 1903–1908 гг. по проекту архитектора В.А. Косякова, был расписан в 1908–1913 гг. коллективом художников под руководством М.М. Васильева. С 1920-х гг. по 2013 г. росписи были недоступны для зрителей и исследователей, так как собор был закрыт, затем переоборудован под кинотеатр и клуб, а росписи заштукатурены. В ходе реставрации 2000–2013 гг. росписи были расчищены и затем поновлены, также добавлены некоторые композиции. Сейчас стенописи храма включают две группы композиций: первоначальные росписи (1908–1913), которые изначально занимали только часть интерьера, и композиции, добавленные в ходе восстановительных работ. Мы рассматриваем только первоначальную часть росписи.

Архитектурный план и система сводов кронштадтского собора достаточно точно воспроизводят Софийский собор Константинополя. Такое архитектурное решение храма нетипично для русской традиции, и по этой причине иконографическая программа росписи не могла совпадать с русскими средневековыми или академическими росписями. Композиционным центром иконографической программы начала XX в. является крупный образ Христа в центральной восточной апсиде. Христос представлен в иконографии Великого Архидиакона на троне. Над центральной апсидой, в своде восточного

полукупола, расположено ростовое изображение Христа Эммануила, которому поклоняются четыре ангела. Ниже, в простенках между окнами в основании восточного полукупола, находятся фигуры пророков. Под пророками располагается фриз с изображением трубящих ангелов, движущихся двумя процессиями к двум херувимам и жертвенному Агнцу на престоле, чей образ помещен над аркой, открывающей главную апсиду. В парусах восточного полукупола помещены композиции пасхального цикла – «Жены мироносицы у гроба Господня» и сцены явления Христа по Воскресении. В каждой из двух малых восточных конх представлена композиция «Великий вход». В простенках между малыми и центральной апсидами расположено двухчастное «Благовещение» кисти К.С. Петрова-Водкина. В нижнем регистре центральной апсиды, под образом Христа Великого Архиерея, находится сцена Евхаристии (Причащения апостолов). На западной стене храма изображен Страшный суд. В двух малых западных конхах представлены сцены сотворения мира и изгнания прародителей из рая. В двухъярусных галереях собора помещены сцены жития и чудес святителя Николая Чудотворца. Остальное пространство интерьера занимают изображения святых и орнаментальный декор. Иконографическая программа продолжается композициями трех витражей (они не сохранились и реконструированы при реставрации), а также мозаиками, рельефами и майоликами экстерьера, часть которых связана с иконографической программой внутренней росписи.

Основные композиции росписи Никольского Морского собора можно тематически разделить на три группы: христологическую, эсхатологическую и литургическую. Христологическую группу составляют композиции «Христос Великий Архиерей» и «Спас Эммануил»; кроме того, к этой группе можно отнести расположенный на одной оси с ними образ жертвенного Агнца, возлежащего на престоле. В свою очередь образ Агнца на престоле вместе с процессиями трубящих ангелов и расположенной напротив композицией «Страшный суд» могут быть рассмотрены в контексте эсхатологической тематики. Литургическая же тема объединяет композиции «Великий вход» и «Евхаристия». Это разделение носит условный характер, поскольку росписи украшают единое, нерасчлененное и легко обозримое пространство, а образы Христа Великого Архиерея и Агнца на престоле, безусловно, связаны не только с христологической или эсхатологической, но и с литургической темой. Одни и те же сюжеты принадлежат к разным группам и объединяют их, становясь узловыми элементами программы.

Кроме того, в числе литургических композиций следует упомянуть изображения святителей в боковых восточных апсидах

(экседрах), которые хотя и расположены на весьма значительном расстоянии друг от друга (не в главной апсиде, а в боковых восточных экседрах на уровне галереи второго яруса), но, будучи ориентированными на центральную апсиду, воспринимаются в общем контексте с образом Христа Архиерея и составляют композицию «Служба святых отец».

Тема Великого входа в кронштадтском соборе представлена двумя сюжетами, тогда как в средневековых памятниках, которые могли служить прототипами для этих сцен, Великий вход изображается, как правило, лишь единожды. Только в церкви Ильи Пророка в Ярославле выделяются две подобные композиции, надписанные разными текстами. Однако в отличие от кронштадтского собора, они не являются парными, а располагаются в разных пространствах – в центральной апсиде главного храма и в одном из приделов¹. В двух кронштадтских композициях торжественные процессии священнослужителей движутся навстречу друг другу. В северной конхе справа написан престол, на нем лежат крест и Евангелие; за ним стоят три святителя, которых легко узнать по типам ликов: Иоанн Златоуст, Григорий Богослов и Василий Великий. Слева к престолу движется процессия, олицетворяющая земную церковь: в руках клириков рипиды, свечи, кадила, дискос, плат с Нерукотворным образом Спасителя и воздѹх с изображением тела Христа. Композиция, очевидно, изображает центральный момент Божественной литургии, во время которого под Херувимскую песнь Святые дары переносятся с жертвенника на престол. В композиции южной конхи святитель Василий Великий, стоя перед престолом, один встречает процессию, отличающуюся от изображенной в северной конхе порядком следования клириков, а также тем, что вместо дискоса они несут потир. В центре верхней части обеих сцен представлены Дух Святой в образе голубя и сослужащие святителям небесные силы – херувимы и престолы. Следует отметить, что в ходе реставрационных расчисток надписания этих двух композиций обнаружены не были.

Иконография Божественной литургии, представленной в виде Великого входа, берет начало в византийской живописи первой половины XIV века. Широко известны ранние примеры этого сюжета – фрески Грачаницы (1321)², Высоких Дечан (1335–1350)³, Маркова

¹ *Бусева-Давыдова И.Л., Рутман Т.А.* Церковь Ильи Пророка в Ярославле. М.: Северный паломник, 2002. С. 95–97.

² *Тодић Б.* Грачаница: Сликарьство. Београд: Просвета, 1988. С. 73–74.

³ *Тодић Б., Чанак-Медић М.* Манастир Дечани. Београд: Музеј у Приштини, 2005. 534 с.

монастыря (1376–1381)⁴ и других храмов. Они представляют собой образ Небесной литургии, совершаемой Спасителем в сослужении ангелов в иерейских и диаконских одеждах. На Руси в XVI–XVII вв. распространяется существование иной вариант сцены: в отличие от византийских памятников, это уже не Небесная литургия, а Великий вход, совершаемый клириками земной Церкви – иереями и диаконами – и встречаемый тремя вселенскими святителями – Василием Великим, Григорием Богословом и Иоанном Златоустом [Саенкова 2004, с. 144–145]. Небесные силы окружают литургисающих клириков, но не сослужат им. Этот вариант занял устойчивое место в алтарной декорации русских храмов XVII в. – он присутствует в росписях центральных конх Успенского собора Свияжского монастыря (1605) [Преображенский 2009, с. 268–308], Успенского собора (1642–1644) [Саенкова 2004] и церкви Ризоположения Московского Кремля (1644) [Саликова 1980, с. 144], алтаря южного придела церкви Троицы в Никитниках (1652–1653)⁵ и др. С XVIII в. иконография Великого входа перестает быть популярной, и в Новое время нам не известны случаи ее использования в декорации храмов вплоть до росписи кронштадтского Морского собора. В определенном смысле вариациями на тему Великого входа могут считаться росписи М.В. Нестерова в Абастумани и Марфо-Мариинской обители, но в этих памятниках с опорой на византийские прототипы, хотя и в авторской интерпретации, изображена именно Небесная литургия. В кронштадтском соборе художники обратились к сцене Великого входа в ее позднесредневековом русском варианте, очевидно, ориентируясь на монументальные ансамбли XVII в.

Сцена «Великий вход» в северной алтарной конхе Морского собора с незначительными изменениями воспроизводит композицию и даже отдельные фигуры в конхе главного алтаря церкви Илии Пророка в Ярославле (1680)⁶. Главное отличие – в замене изображения Бога Отца в верхней части сцены образом Святого Духа. В этом отношении отдаленной аналогией кронштадтской росписи может служить фреска «Великий вход» на северной стене алтаря церкви Воскресения в Ростове Великом (1675–1680)⁷.

⁴ *Радочић С.* Старо српско сликарство. Друго издање. Београд, 2010. 419 с.

⁵ *Овчинникова Е.С.* Церковь Троицы в Никитниках: Памятник живописи и зодчества XVII века. М.: Искусство, 1970. С. 107–109.

⁶ *Бусева-Давыдова И.Л., Рутман Т.А.* Церковь Ильи Пророка в Ярославле. М.: Северный паломник, 2002. С. 66.

⁷ *Никитина Т.Л.* Церковь Воскресения в Ростове Великом. М.: Северный паломник, 2002. С. 34.

Важным отличием кронштадтской композиции от древнерусских прототипов, в частности, от росписи главного алтаря церкви Илии Пророка в Ярославле, является отсутствие предстоящих царя, бояр и молящегося народа или парных фигур царя и патриарха.

Южная композиция «Великий вход» в Морском соборе, как уже было сказано, зеркально повторяет северную композицию, отличаясь от нее порядком следования клириков, изображением потира вместо диска, а также тем, что процессию встречает один святой, а не трое. Точных прототипов эта сцена не имеет, и ее можно считать самостоятельной вариацией сцены в северной конхе.

Вероятно, авторы росписи решили включить изображение Великого входа в иконографическую программу в связи с желанием артикулировать литургическую и евхаристическую темы. Видимо, играло роль намерение разместить в храме какие-то характерно средневековые композиции с мистическим уклоном. Существенно, что тему искали не в византийском искусстве, хотя, казалось бы, архитектура собора должна была вести в этом направлении. Но особенно интересно, что авторы включили в состав кронштадтской росписи две композиции на тему Великого входа, а не одну, как это было принято на Руси в XVII в.

Изображение двух композиций Великого входа могло быть вызвано несколькими причинами. Во-первых, это решение в значительной степени обусловлено архитектурой Морского собора. В допетровское время Великий вход писался в конхе центральной апсиды, скрытой от молящихся высоким иконостасом. В Кронштадте открытая центральная конха выполняет роль композиционного и смыслового центра росписи, поэтому было важно занять это место образом Спасителя. В результате «Великий вход» был помещен не в центральной конхе, а в боковой, но, поскольку боковых конх в соборе две, симметричную поверхность решили занять аналогичной композицией или продолжением первой сцены (формально южная композиция почти зеркально воспроизводит роспись северной конхи). Кроме того, авторы программы могли отчасти ориентироваться на византийские или поствизантийские изображения Божественной литургии, которые занимают целый регистр в апсиде, как бы полукругом охватывая алтарь (фрески монастыря Высокие Дечаны и др.), а в ряде случаев помещаются в куполе. В пользу этой гипотезы также говорят некоторые детали, в частности крупный воздух-плащаница с образом Спасителя, редко встречающийся в русских сценах Великого входа, но вполне характерный для византийских композиций.

В связи с включением в состав кронштадтской росписи второй сцены Великого входа возникает вопрос о ее содержательном зна-

чении. Фигуры великих святителей, творцов византийского чина литургии, наводят на мысль о том, что изображенное богослужение может совершаться по чинопоследованию литургии Иоанна Златоуста или литургии Василия Великого. В ситуации, когда композиций стало две вместо одной, смысловое разделение между ними могло произойти именно по этому принципу. Если это так, то слева изображена литургия Иоанна Златоуста, а справа – литургия Василия Великого. В пользу этой версии говорит акцентированная в южной композиции фигура святителя, определяемого по типу лика как Василий Великий. Но тем не менее существенной разницы между композициями нет, как ее нет и в чинах этих двух литургий.

Следует еще раз подчеркнуть, что в кронштадтских изображениях Великого входа вместо Бога Отца (который изображен в верхней части композиции основных исторических протографов, наиболее близких кронштадтской росписи) изображен Святой Дух в виде голубя. Изображение Святого Духа никогда не занимало столь заметного места в древнерусских изображениях Великого входа XVI–XVII вв. Напомним, что в церковном искусстве второй половины XIX – начала XX в. есть множество примеров изображения Бога Отца в церковных росписях (Саваоф был изображен в композиции «Троица Новозаветная» на своде главного купола храма Христа Спасителя⁸, которая активно копировалась в разных памятниках последней трети XIX – начала XX в.). Следовательно, изображение Бога Отца, хотя формально оно и было под запретом со времен Большого Московского собора 1666–1667 гг.⁹, едва ли могло кого-то смущать в эпоху росписи кронштадтского храма. Возникает вопрос: чем мотивирована замена изображения Саваофа на Святого Духа? При поиске ответа на этот вопрос вспоминается эпизод из жития святителя Василия Великого, при служении которого в алтаре раскачивался подвешенный над престолом голубь¹⁰. В контексте предположения о программном акцентировании роли Василия Великого в композициях Великого входа в кронштадтском соборе можно сказать, что изображение Святого Духа вместо Бога Отца могло быть инспирировано этим эпизодом из жития святителя.

⁸ *Кириченко Е.И.* Храм Христа Спасителя в Москве: История проектирования и создания собора. Страницы жизни и гибели: 1813–1931 / Сост. Г.А. Иванова. М.: Планета, 1992. С. 54–55.

⁹ Православная энциклопедия / Под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. 12. М.: Православная энцикл., 2006. С. 181–183.

¹⁰ Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. Кн. 5. Ч. 1 [1904]. Козельск: Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1993. С. 30.

Необходимо сказать также и о роли обеих композиций «Великий вход» в структуре ансамбля росписи Морского собора. Чинопоследование Великого входа символизирует погребение Господне и связано с темой Жертвы [Уайбру 2008, с. 64]. В пространстве собора композиции «Великий вход» оказываются совсем рядом, буквально в одном регистре с пасхальным циклом и образом Агнца. Очевидно, авторы кронштадтской росписи сопоставляют эти сцены друг с другом, тем самым усложняя символические связи внутри иконографической программы.

Евхаристия в виде двухчастной композиции «Христос причащает апостолов вином и хлебом» продолжает литургическую тему в нижнем регистре главной алтарной апсиды. В центре композиции расположены киворий и престол, по сторонам от которых дважды изображен Христос, причащающий апостолов; по сторонам от престола представлены два ангела и два херувима. С двух сторон к престолу подходят апостолы. Над композицией находится частично измененная цитата из Евангелия (Ин. 6:51, 54) надпись:

ХЛЕБЪ, ЕГОЖЕ АЗЪ ДАМЪ, ПЛОТЬ МОЯ ЕСТЬ, ЮЖЕ АЗЪ ДАМЪ
ЗА ЖИВОТЬ МИРА. ПИЯЙ МОЮ КРОВЬ, ИМАТЬ ЖИВОТЬ ВЕЧ-
НЫЙ И АЗЪ ВОСКРЕШУ В ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Иконография Евхаристии известна с VI века по памятникам прикладного искусства и книжной иллюминации [Покровский 2001, с. 365]. В монументальной живописи композиция «Причащение апостолов» распространилась в XI веке: ее ранними примерами являются росписи церкви Панагии тон Халкеон в Фессалониках (1028)¹¹, собора Святой Софии в Киеве (1030–1040-е годы)¹², собора Святой Софии в Охриде (1050-е годы)¹³. В XV–XVI вв. и позже более распространенными сюжетами декорации центральной алтарной апсиды стали композиции «Тайная вечеря» и «Служба святых отец», но даже в XVII в. «Причащение апостолов» можно встретить в алтаре, хотя и не в центральной позиции (роспись центральной апсиды собора Сретенского монастыря (1707)¹⁴ и др.). В конце

¹¹ Лидов А.М. Иконы. Мир святых образов в Византии и на Руси. М.: Феофия, 2013. С. 162.

¹² Попова О.С., Сарабьянов В.Д. Мозаики и фрески Святой Софии Киевской. М.: Гамма-Пресс, 2017. С. 27.

¹³ Джурич В. Византийские фрески. Средневековая Сербия, Далмация, славянская Македония. М.: Индрик, 2000. С. 219.

¹⁴ Липатова С.Н. Фрески собора Сретенского монастыря. М.: Белый город: Сретенский монастырь, 2009. С. 60–61.

XIX – начале XX в. на фоне подъема интереса к византийскому наследию вновь встречается обращение к иконографии «Причащение апостолов» в росписи запрестольного пространства центральной апсиды – например в таких храмах, как Владимирский собор в Киеве (1885–1896)¹⁵, Спасо-Преображенский собор Валаамского монастыря (1890–1893)¹⁶, храм Спаса на Крови (1897–1900)¹⁷, церковь святого Александра Невского в Абастумани (1896–1898) [Климов 1994, с. 30], Георгиевский собор в Гусь-Хрустальном (1906) [Васильев 2006, с. 88] и др. В основном эти росписи с разной степенью свободы транспонируют иконографические схемы киевских мозаик и фресок собора Мирожского монастыря на язык академической живописи. Иконография перечисленных композиций варьируется в пределах всего трех параметров: изображение одной или двух фигур Спасителя, изображение херувимов или ангелов по сторонам от престола и особенности архитектуры самого престола. Иконографические различия для этого круга памятников мотивированы, как нам представляется, соображениями скорее стилистическими, нежели семантическими. Интересен тот факт, что главный художник кронштадтского Морского собора Михаил Васильев уже писал «Причащение апостолов» за тринадцать лет до Кронштадта, в Александро-Невском соборе в Ревеле (Таллине) [Гамлицкий, Бурганов 2016, с. 56], где работал в 1900 году вместе с А.П. Блазновым. В таллинской композиции Христос с чашей в левой руке и с указующей десницей изображен у престола единожды, в окружении двух ангелов с рипидами и с двумя группами апостолов по сторонам. Стилистически «Причащение апостолов» 1900 г. принадлежит к академическому направлению церковной монументальной живописи этого периода. Второй памятник, который стоит особо отметить, – это роспись Н.М. Сафонова в соборе Антониева монастыря в Новгороде, также выполненная около 1900 г.¹⁸ Христос в ней изображен дважды, и дважды же изображен сослужащий Ему ангел, что отчасти обусловлено архитектурой апсиды (две части единой композиции разделяет окно). Абстрагируясь от низкого художественного качества сафо-

¹⁵ *Астахов А.Ю.* Владимирский собор в Киеве. М.: Белый город, 2018. С. 114.

¹⁶ *Савельев Ю.Р.* «Византийский стиль» в архитектуре России: Вторая половина XIX – начало XX века. СПб.: Проект-2003: Лики России, 2005. С. 139.

¹⁷ *Нагорский Н.В.* Спас на крови. Храм Воскресения Христова. СПб.: Медный всадник, 2013. 33 с.

¹⁸ *Сарабьянов В.Д.* Собор Рождества Богородицы Антониева монастыря в Новгороде. М.: Северный паломник, 2002. С. 27–28.

новской росписи, можно признать, что в плане иконографической структуры и метода интерпретации протографа эта композиция ближе к тому, что будет сделано в Кронштадте.

Кронштадтская «Евхаристия» не столько выполнена с оглядкой на современные ей интерпретации, сколько находится в прямом диалоге с историческими образцами. На первый взгляд она кажется точной копией какого-то хорошо известного памятника византийского круга, вроде мозаик киевского собора Святой Софии¹⁹, но при более детальном рассмотрении видно, что буквального копирования художник избежал. Правая часть «Евхаристии» из Михайловского собора Златоверхого монастыря («Причащение вином») [Попова 2002, с. 344–364] легла в основу соответствующей части кронштадтской композиции, в которой в целом сохранены разнообразные позы апостолов из мозаики начала XII в. Левая часть кронштадтской «Евхаристии» («Причащение хлебом») самостоятельна по отношению к Михайловскому собору. Крайний молодой апостол (Фома) с воздетой дланью, по нашему мнению, взят из другого источника – его фигура повторяет позу, характерную для апостола из композиции «Вознесение» (например в церкви Спаса на Нередице в Новгороде [Пивоварова 2002, с. 45] или в Георгиевской церкви в Старой Ладогге²⁰). Архитектура престола и кивория и расположенные рядом образы херувимов и ангелов в кронштадтской росписи не демонстрируют принципиальных иконографических или композиционных новаций, но при этом и не следуют буквально какому-либо определенному источнику.

Подводя итог анализа литургических композиций в росписи Никольского собора в Кронштадте, можно констатировать несколько фактов.

Северная композиция «Великий вход» является близкой вариацией сцены в главном алтаре церкви Илии Пророка в Ярославле (1680), в сравнении с которой, тем не менее, имеются два существенных отличия: образ Господа Саваофа заменен изображением Святого Духа в виде голубя, а изображение предстоящих в храме царя, бояр и молящегося народа отсутствует. Южная сцена «Великий вход», несмотря на композиционную близость к северной, является изобретением авторов иконографической программы собора и не имеет прямых аналогий в истории монументальной живописи. Необычная комбинация двух сцен дает повод для их ин-

¹⁹ Попова О.С. Проблемы византийского искусства. Иконы, мозаики фрески. М.: Северный паломник, 2006. С. 286.

²⁰ Сарабьянов В.Д. Георгиевская церковь в Старой Ладогге. М.: Северный паломник, 2003. С. 43.

терпретации как визуального выражения двух чинопоследований Божественной литургии – литургии Иоанна Златоуста и литургии Василия Великого.

Композиция «Евхаристия» в кронштадтском Морском соборе основана на мозаиках Михайловского собора Златоверхого монастыря в Киеве с небольшими заимствованиями из фресок церкви Спаса на Нередице и Георгиевской церкви в Старой Ладоге. Авторская интерпретация и комбинирование элементов средневековых протографов «Евхаристии» не вносят содержательных изменений, и в целом композиция прочитывается как традиционная.

Сделанные нами выводы приближают нас к более полному пониманию художественного метода авторов росписи.

Во-первых, обращение к средневековой русской иконографии Великого входа является уникальным для отечественного искусства конца XIX – начала XX в.

Во-вторых, мы видим, что авторы программы и самой живописи обращаются к весьма широкому спектру памятников, что демонстрирует их достаточно высокую образованность. Пользуясь свободой в интерпретации избираемых источников, создатели кронштадтской росписи балансируют на грани иконографических нововведений.

В-третьих, программу росписи Никольского Морского собора можно охарактеризовать не как стилизаторскую или подражательную, а как интеллектуально самостоятельную и творчески осмысленную. Богословская образованность составителей программы и смелость замысла заставляют поставить вопрос о ее авторстве. Авторами иконографической программы могли быть не только художники (под руководством М.М. Васильева), как считалось прежде, но и представители высшего духовенства, входившие в состав строительного комитета собора, а также кто-то из академических историков искусства. Очень может быть, что эти люди не столько составляли программу, сколько консультировали ее авторов. На наш взгляд, этот вопрос требует дополнительного уточнения.

Литература

- Гамлицкий, Бурганов 2016 – *Гамлицкий А.В., Бурганов А.А.* Историческая роспись Кронштадтского Морского собора во имя святителя Николая Чудотворца (1913): авторы, программа, стиль // Российская академия художеств в культуре нового времени. М.: БуксМАрт, 2016. С. 62–80.
- Климов 1994 – *Климов П.Ю.* Эскизы М.В. Нестерова к росписям церкви св. Александра Невского в Абастумани // Из творческого опыта русского

- искусства XVII–XX вв. СПб.: Гос. акад. ин-т живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, 1994. С. 28–33.
- Пивоварова 2002 – *Пивоварова Н.В.* Фрески церкви Спаса на Нередице в Новгороде: Иконографическая программа росписи. СПб.: АРС: Дмитрий Буланин, 2002. 256 с.
- Покровский 2001 – *Покровский Н.В.* Евангелие в памятниках иконографии / Вступ. ст. Г.И. Вздорнова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 564 с.
- Попова 2002 – *Попова О.С.* Мозаики Михайловского монастыря в Киеве и византийское искусство конца XI – начала XII в. // Древнерусское искусство: Русь и страны византийского мира: XII век. Т. 22. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 344–364.
- Преображенский 2009 – *Преображенский А.С.* О стиле и времени создания росписи собора Успенского монастыря в Свяязске // Искусство Византии, Древней Руси, Западной Европы: Материалы научн. конф. 2009 г. Лазаревские чтения. М.: Изд-во МГУ, 2009. С. 268–308.
- Саенкова 2004 – *Саенкова Е.М.* О некоторых особенностях иконографии Великого входа в древнерусском монументальном искусстве // Искусство христианского мира: Сб. статей. Вып. 8. М.: Изд-во ПСТГУ, 2004. С. 144–151.
- Саликова 1980 – *Саликова Э.П.* Настенные росписи церкви Ризоположения // Гос. музей Московского Кремля: Материалы и исследования. Вып. 21: Искусство Москвы периода формирования Русского централизованного государства. М.: Искусство, 1980. С. 138–153.
- Уайбру 2008 – *Уайбру Х.* Православная литургия. Развитие евхаристического богослужения византийского обряда. М.: Библиейско-богословский ин-т, 2008. 222 с.

References

- Gamlitskii, A.V. and Burganov, A.A. (2016), “Historical painting of the Kronstadt Naval Cathedral in the name of St. Nicholas the Wonderworker (1913): authors, program, style”, *Rossiiskaya akademiya khudozhestv v kul'ture novogo vremeni* [Russian Academy of Arts in the culture of modern times.], BuksMArt, Moscow, Russia, pp. 62–80.
- Klimov, P.Yu. (1994), “Eskizy M.V. Nesterova k rospisyam tserkvi sv. Aleksandra Nevskogo v Abastumani”, *Iz tvorcheskogo opyta russkogo iskusstva XVII–XX vv.* [Sketches by M.V. Nesterov to the paintings in the church of St. Alexander Nevsky in Abastumani], From the creative experience of Russian art of the 17th-20th centuries.], Gos. akad. in-t zhivopisi, skul'ptury i arkhitektury im. I.E. Repina, Saint Petersburg, Russia, pp. 28–33.
- Pivovarova, N.V. (2002), *Freski tserkvi Spasa na Nereditse v Novgorode: Ikonograficheskaya programma rospisi* [Frescoes of the Church of the Savior on Neredita in Novgorod. Iconographic program of painting], Dmitrii Bulanin, Saint Petersburg, Russia.

- Pokrovskii, N.V. (2001), *Evangelie v pamyatnikakh ikonografii* [The Gospel in the monuments of iconography], Introd. article by G.I. Vzdornova, Progress-Traditsiya, Moscow, Russia.
- Popova, O.S. (2002), "Mosaics of the Mikhailovsky Monastery in Kiev and Byzantine art of the late 11th – early 12th century", *Drevnerusskoe iskusstvo: Rus' i strany vizantiiskogo mira: XII vek* [Old Russian art. Russia and the countries of the Byzantine world. 12th century], vol. 22, Dmitrii Bulanin, Saint Petersburg, Russia, pp. 344–364.
- Preobrazhenskii, A.S. (2009), "O stile i vremeni sozdaniya rospisi sobora Uspenskogo monastyrya v Sviyazhske", *Iskusstvo Vizantii, Drevnei Rusi, Zapadnoi Evropy: Materialy nauchn. Konf., Lazarevskie chteniya* ["On the style and time of the creation of the painting of the Cathedral of the Assumption Monastery in Sviyazhsk". Art of Byzantium, Old Russia, Western Europe. Proceedings of the Lazarev scientific Conference], Izd-vo MGU, Moscow, Russia, pp. 268–308.
- Saenkova, E.M. (2004), "Old Russian monumental art on some features of the iconography of the Great Entrance", *Iskusstvo khristianskogo mira: Sbornik statei* [Art of the Christian world. Collection of articles], iss. 8, Izd-vo PSTGU, Moscow, Russia, pp. 144–151.
- Salikova, E.P. (1980), "Wall paintings of the Church of the Deposition of the Robe", *Gos. muzei Moskovskogo Kremlya: Materialy i issledovaniya* [State. Moscow Kremlin Museums. Materials and Research], *Vyp. 21: Iskusstvo Moskvy perioda formirovaniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva*, Iskusstvo, Moscow, Russia, pp. 138–153.
- Wybrew, H. (2008), *Pravoslavnaya liturgiya. Razvitie evkharisticheskogo bogosluzheniya vizantiiskogo obryada* [The Orthodox Liturgy: The Development of the Eucharistic Liturgy in the Byzantine Rite], Bibleisko-bogoslovskii institut, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Александр А. Бурганов, соискатель, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119192, Россия, Москва, Ломоносовский пр., д. 27, корп. 4; a.a.burganov@gmail.com

Information about the author

Aleksandr A. Burganov, applicant, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bldg. 4, bld. 27, Lomonosovskii Avenue, Moscow, Russia, 119192; a.a.burganov@gmail.com

Черты трагического гуманизма в монументальном творчестве 1940-х гг.

Татьяна Г. Малинина

*Научно-исследовательский институт теории и истории
изобразительных искусств Российской академии художеств,
Москва, Россия, tgmal01@yandex.ru*

Аннотация. Тема бессмертия как вечной жизни, занявшая важное место в искусстве периода Великой Отечественной войны, с наибольшей полнотой была выражена в проектах мемориальной архитектуры. Широко проводившиеся уже в те годы конкурсы на проекты центров городов, монументов и мемориалов стали заметным явлением художественной жизни, а сами графические работы показывают, что само содержание понятий памяти и памятования в годы войны претерпевает значительные изменения. Отношение к памяти становится сущностным измерением понятия мемориальности, при символическом насыщении памяти появляется новое взаимодействие воспринимающего, переживающего и интерпретирующего сознания. Так реализуется мифологема «возвращения» и происходит регенерация поврежденных революцией культурных тканей. Исследование архетипических понятий Жизни, Смерти, Бессмертия в архитектуре, изобразительном искусстве в связи со сходными явлениями в публицистике и поэзии военного времени позволяет понять, как возвращение к утраченным ценностям отражается в художественной образности, влияет на культурный климат эпохи, наделяет ее чертами трагического гуманизма.

Ключевые слова: советское искусство 1940-х гг., проекты памятников, мифологизм, культурная память, Великая Отечественная война, коммеморация, архетип, символ

Для цитирования: Малинина Т.Г. Черты трагического гуманизма в монументальном творчестве 1940-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 1. С. 137–165. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-137-165

Tragic humanism traits in the Soviet monumental art of the 1940s

Tat'yana G. Malinina

*Research Institute of Theory and History of Fine Arts
of the Russian Academy of Arts, Moscow, Russia,
tgmal01@yandex.ru*

Abstract. The theme of immortality as eternal life, which took an important place in the art of the period of the Great Patriotic War / World War II, was most fully expressed in the projects of memorial architecture. The competitions for projects of city centers, monuments and memorials, which were already widely held in those years, became a noticeable phenomenon of artistic life, and the graphic works themselves show that the very content of the concepts of memory and remembrance during the war years underwent significant changes. The attitude to memory becomes an essential dimension of the concept of memoriality; with the saturation of memory by symbols, a new interaction of the perceiving, experiencing and interpreting consciousness appears. That is how the mythologeme of *Return* is realized and the cultural tissues damaged by the revolution are regenerated. The study of the archetypal concepts of *Life*, *Death*, and *Immortality* in architecture, the visual arts in connection with similar phenomena in journalism and wartime poetry, allows one to understand how the return to lost values is reflected in artistic imagery, affects the cultural climate of the era, endows it with the features of tragic humanism.

Keywords: Soviet art of the 1940s, projects of monuments, mythologism, cultural memory, the Great Patriotic War (WWII), commemoration, archetype, symbol

For citation: Malinina, T.G. (2021), "Tragic humanism traits in the Soviet monumental art of the 1940s", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1, pp. 137–165, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-137-165

Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете.
Мы все уже на берегу морском,
И я из тех, кто выбирает сети,
Когда идет бессмертье косяком.

Арсений Тарковский, 1965

Предложенный инициаторами конференции¹ взгляд, бесспорно, отвечает актуальным методологическим стратегиям искусство-

¹ В основе статьи – доклад на конференции НИИ РАХ «Тема смерти и бессмертия в изобразительном искусстве Нового и Новейшего времени» (21–22 ноября 2019 г.).

ведческих исследований и вызывает желание снова внимательней всмотреться в такой обманчиво понятный период истории, как Великая Отечественная война. В изучении архитектурной мысли и проектирования военных лет наметился отход от позитивистского историзма, заключающегося в поверхностно трактуемом понятии «освоение наследия». На смену ему пришло рассуждение о плодотворности стратегий архитектурной мысли, ориентированной на традицию, исходящее из постмодернистской версии свободной рефлексии. Раскрытие творческого потенциала, ориентированного на традицию и в перспективу направленного поиска форм, базируется на иконографическом методе анализа принципов интерпретации ретро-темы: типологии культурных ориентиров и архетипов объемно-пространственных решений. В таком методологическом ключе я исследовала материалы конкурсов военных лет на проекты мемориальных сооружений и центров городских ансамблей в своих предшествующих работах.

Изучение конкурсных материалов военных лет в предложенном ракурсе дает возможность внимательней вникнуть в диалог авангарда и классики, раскрыть формально – стилевые и символическо-иконологические средства оформления этого диалога в историчистской версии модернистской архитектуры. При расшифровке их семантики и символики раскрыть новые черты содержания архитектуры и ее эпохи.

Инструмент, которым нам предложено воспользоваться в данном случае, – это архетипические понятия «Жизнь», «Смерть», «Бессмертие». Они являются основополагающими категориями в системе координат умозрительной философской модели устройства мира (бытия), т. е. «присутствия мира» (в феноменологическом смысле), и модели «присутствия в мире», то есть места человека в нем, его экзистенциального опыта. Обращаясь к этим главным человеческим и культурным сюжетам в литературе, изобразительном искусстве и архитектуре военного времени, можно видеть, какие значительные качественные изменения происходят в духовном мире личности. В этот трагический момент сила человеческого духа и вызывала к жизни *глубинные бытийные смыслы*, по сути – вневременные.

Нравственной опорой человека становится пробуждение исторической памяти. Мемориальная тема находит отражение и в публицистике, и в поэзии, и в поисках форм увековечения памяти в архитектуре.

Выбирая из всех именовании единого процессуального целого такие определения, как памятник и монумент, исследователь оказыва-

ется перед почти что сущностными измерениями *художественности* и *визуальности*... [в памятнике и монументе] эти свойства обнаруживают себя и выступают как импликации соответствующих модальностей (или состояний) *воспринимающего, переживающего и интерпретирующего* сознания, за которым, при желании, можно видеть важные онтологические или экзистенциальные горизонты человеческой и бытийности, и событийности [Ванеян 2014, с. 33].

И действительно, именно здесь люди ищут ответа на фундаментальные, вечные вопросы человеческого бытия: о Боге, человеке и мире, истории и эсхатологии, о смерти и бессмертии.

Такой подход способствует более глубокому проникновению исследователя в суть происходящего – переживания и мысли людей, – помогает прийти к пониманию и уже не столь упрощенной интерпретации хода исторических событий, социальных и культурных коллизий, связанных с ними, архитектурных процессов и даже художественного процесса в целом. Военная трагедия, потребовавшая мобилизации всех сил народа, стала катализатором процесса «регенерации» культурных тканей, поврежденных в результате революции и ее разрушительных последствий.

Иконологический анализ архитектурных идей выявляет в структуре и содержании этих произведений, семантике и символике форм, мифологических и исторических ассоциациях изменение ценностных ориентиров, обусловленное возвращением к культурным корням и общечеловеческим ценностям. То, что происходило в мироощущении людей и отражалось в искусстве военных лет – обращение к архетипам, к глубинным, «хтоническим» (почвенным) представлениям о мире, природе и месте человека в нем, к самой субстанции Бытия – по сути своей было духовным восхождением с вновь пережитым, адаптированным к новой реальности.

Многовековая традиция искусства накопила немалый запас художественных средств, создала устойчивую систему типов мемориальных сооружений. Однако всякий раз определенные жизненные ситуации и события вносили свои коррективы, порождая новые варианты тех или иных типов. После революции 1917 г., как известно, идеологическое и материалистическое обоснование роли памяти в общественно-политической жизни и значения памятования в этой парадигме укладывается в простую схему. Такие понятия, как «Вечность», «Слава», «Бессмертие», связываются исключительно с заслугами героя перед революцией и его абсолютной обезличенностью перед вечностью как солдата этой революции. Если семантика и символика революционного памятного знака более или менее внятно выражали сложившиеся представ-

ления о мемориальности, то язык самих мемориальных форм был беден, однозначен и механистичен. В военном памятнике периода Великой Отечественной войны, начиная с простого знака на месте индивидуального захоронения, меняется всё.

В ситуации Второй мировой войны, которая угрожала полным истреблением населения страны, необходима была консолидация всех сил. Провозглашение этой войны отечественной свидетельствовало о готовности господствующей идеологии к компромиссу со всеми слоями общества и в первую очередь с крестьянством, более консервативным его слоем, в котором сохранялась и берегалась культурная основа единства народа – этого важного ресурса необходимой победы. Прежнее подчеркивание классовой социальной стратификации общества замещается компромиссным понятием «народ». Важной была и по сути своей христианская мотивация индивида, его готовности к жертве. Осознав ответственным за то общее, с чем скреплен в бытии, из чего произошел, что длил в потомстве – его землю, его народ, человек оказался готовым пожертвовать жизнью за сохранение этого общего. Чувство ответственности за собственный выбор выводит его переживания на экзистенциальный уровень.

Общее стремление воссоздать некую обновленную целостность нации отзывается в мыслях и чувствах художника, который пытается припомнить, угадать, уловить черты, отвергнутые, забытые, в облике, поведении, речи, характере людей. Отсюда сближение «высокого» и «низкого», профессионального, фольклорного, обладающего чертами примитива и просто самодеятельного в искусстве, отсюда переакцентировки в выборе источников вдохновения, в смысловых, символических и образных структурах создаваемых произведений. Инспирированные интеллектуальными усилиями и глубокими переживаниями, чувством сопричастности народной судьбе в художественном творчестве созревают ответы на главные вопросы: «во имя чьё» отдается жизнь и «что там, по ту сторону жизни».

Монументальное искусство, в чью сферу входит мемориальная архитектура, как в зеркале, отражало культурные процессы своего времени. Различные импульсы, идущие от миропонимания, напряженного духовного поиска, религиозной рефлексии, воспринимаемые художественной мыслью, оказываются сфокусированными в работе над памятником.

То, что происходило в миропонимании, мироощущении людей и отражалось в искусстве военных лет, по сути своей было возвращением к общечеловеческим ценностям, глубинным, «хтоническим» представлениям о мире, природе и месте человека в нем,

его духовным восхождением с вновь пережитым, адаптированным к новой реальности. Обращение к архетипам, к самой субстанции Бытия можно назвать онтологической памятью.

В прошлое человек проникает с «контрабандой настоящего» (выражение В. Набокова). Актуальные «задачи дня» и «вечные» проблемы непосредственно связываются в гражданственных, нравственных, социально-философских размышлениях творческих личностей, и рождается при этом нечто качественно иное. «Готовились в пророки / Товарищи мои», – позднее скажет Б. Слуцкий.

Единодушное обращение к корням отечественной культуры происходит одновременно на разных уровнях «интерпретирующего сознания»: снизу – народной стихии и сверху – культурной памяти. Начинает реализовываться мифологема «возвращения». Понимание истории не как давно ушедшего прошлого, а как звена непрерывного процесса бытия, опыта многих поколений, свойственное народному мироощущению, питало и образы искусства. О новых ценностных ориентирах говорит, в частности, интерес архитекторов к «фольклорным» мемориальным формам. В основе этого интереса лежали живые впечатления от увиденного на фронте и замеченного в повседневной жизни. Невероятное количество индивидуальных захоронений, отмеченных самодельными памятными знаками, встречались тогда на огромной территории: всюду, где проходили бои. Изготовленные из подручного материала, они стали неотъемлемой частью военного пейзажа и военной жизни. Бывшие фронтовики в своих стихах часто вспоминают именно эти памятники, которые дороги своей подлинностью, сопричастностью обожженной памяти. Звезда, венчающая «самодельный» памятный знак, возникает в воображении поэта С. Орлова, пронзая синий сумрак угасающего дня:

На закате окончился танковый бой / Грохотали моторы / Вдали догорали «пантеры» / Прокатилась / по синему небу / Над черной землей / и упала / на столбик сосновый / звезда из фанеры («После боя», 1946).

В цитируемом уже стихотворении «Памяти поэта Михаила Кульчицкого» (1952) у Слуцкого тоже возникает этот образ: «И мрамор лейтенантов / Фанерный монумент / Венчанье тех талантов, / Развязка тех легенд».

Описания и фотоснимки фронтовых памятных знаков часто встречаются в газетных очерках. Среди них яркая зарисовка военкора Е. Габриловича:

Древний лесистый озерный край. Холмы, речки, лощины, снова холмы. Один из холмов называется «лысой высотой». Он гол сверху, густо порос снизу кустарником – действительно, лысая голова. На вершине развороченного холма за белым березовым заборчиком, среди четырех недавно посаженных молодых елок висится красный шестигранный обелиск... Справа, упираясь колесами в весеннюю рыжую землю, стоит полуразбитый станковый пулемет... Спускаемся с холма, мишем лес, но и далеко за лесом в теплом мареве весеннего дня виден на лысом холме красный высокий шестигранник – символ красноармейской доблести, вечной русской славы, бессмертной воинской чести².

Журналист легко прочитывает смысловые составляющие мало-го надгробия: революционную символику цвета, воинские эмблемы и классицистическую мемориальную форму пирамиды, символизирующую героическое начало. Чудом сохранившиеся кое-где в городах, на окраинах деревень, у дорог, такие памятники обрели особый художественный смысл. Несмотря на все несовершенство, они всегда – узнаваемые документы эпохи, воздействующие своей подлинностью гораздо сильнее, чем иные велеречивые мемориалы, созданные спустя десятилетия. Памятный знак и его окружение воспринимаются как единый образ – образ времени. Не случайно поэтому в изданном в Южной Чехии альбоме под названием «Вам благодарность и любовь вам» (Smid, Stanislav. *Vam poděkování a lasku vám*. Bratislava, 1975) мы видим, что рядом с более поздними, постоянными надгробиями наших солдат в начале 1970-х гг. сохранены первоначально поставленные временные памятные знаки. Под влиянием таких импровизированных надгробий в виде березового столбика с вырезанной на нем звездой, соснового колышка с фанерным листом, сбитого из досок и покрашенного деревянного обелиска возникает мысль о создании временных деревянных памятных знаков на местах погребений. Ее озвучивают армейцы, а архитекторы берутся реализовать. Естественно, что источником вдохновения для пластической интерпретации малых мемориальных форм – на местах единичных захоронений и на небольших братских могилах – стало деревянное русское надгробие. Именно этот мотив становится важным в поэтическом толковании (перетолковывании) смыслов, которые связываются с понятием «Родина». К символизации своих фронтовых впечатлений приходит военкор, писатель, политический деятель К. Симонов, чему подтверждение можно найти в стихотворениях «Родина» (1941),

² Габрилович Е. Братская могила // Красная звезда. 1942. 16 мая.

«Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины?» (1941), в очерке «На старой смоленской дороге»³. Проникновенно личностную лирику автор превращает здесь в гражданственную. Чувство Родины питает близкая сердцу природа («клочок земли, припавший к трем березам», «та горсть земли, которая годится, / чтоб видеть в ней приметы всей земли»). Осторожно, как бы размышляя, поэт обращается к Алексею Суркову со словами: «Ты знаешь, наверное, все-таки Родина...». Далее автор признается, что совсем другими глазами видит привычный пейзаж сельской местности средней полосы России, и именно этими впечатлениями особо дорожит, что эти маленькие деревеньки на Смоленщине с потемневшими от непогоды старыми крестами погостов и есть самое ценное достояние, ради которого человек может отдать жизнь: «Чувствуешь, какая это наша земля, как невозможно отдать ее, как невозможно вырвать из себя сердце и захотеть после этого все-таки жить». Удивительным образом с такой легкостью соединяются в сознании носителя господствующей идеологии еще недавно казавшиеся несовместимыми и даже враждебными представления, обнаруживая тем самым неестественное положение вещей. Так в поэтической форме перед лицом общей опасности манифестируется идея консолидации. Еще одна, далеко не всеми принимаемая, идеологическая составляющая этого единства проявлена здесь в мысли о прощении и примирении, звучащая в строках:

Как будто за каждую русской околицей, / Крестом своих рук ограждая живых, /
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся / За в бога не верящих внуков своих.

Одновременно с активной разработкой малых мемориальных форм в Союзе архитекторов, Военпроекте, мастерских Академии архитектуры у исследователей архитектуры возникает желание предложить проектировщикам в качестве источника вдохновения выработанный традицией средневековья тип надгробия. В статье «Мемориальная архитектура России» (1943–1945 гг.) [Максимов 2011] известный историк отечественной архитектуры П.Н. Максимов описал разные типы русского деревянного надгробия и показал зависимость их формы, силуэта, высоты и декора от природного окружения.

Разноцветная деревянная колонка с бусиной, завершающаяся объемом кубической формы с портретом (или памятной надписью),

³ *Симонов К.* На старой смоленской дороге // Красная Звезда. 1943. 16 марта. № 63.

над ним – двускатное покрытие, подобное покрытию старых деревянных надгробий, завершаемое звездой. Так выглядит временный памятный знак в одном из набросков Ильи Голосова, который напоминает памятники-столбики с резьбой, окрашенные в разные цвета на лесных кладбищах в Кеми, именно такие, которые описывал Максимов.

Архитектору Михаилу Оленеву удалось удовлетворить два трудно совместимых требования для типового надгробия – с одной стороны, создать устойчивые признаки «типа», с другой – максимально расширить возможности конкретизации содержания типового надгробия. Оленев разработал целую систему символических форм, стилизуя изобразительные атрибуты воинской славы, эмблемы родов войск, боевые награды, знаки различия, виды вооружения, армейские аксессуары. Делал он это как подлинный художник, обобщая и выявляя в первую очередь пластические качества формы. Для содержания самого надгробия эта конкретизация была возможностью максимально приблизиться к индивиду, дать о нем самую полную информацию. Главные достоинства памятников оленевского альбома 1943 г. – в единстве конструктивного и декоративного начал, в сохранении основных элементов традиционного надгробия, принципов его композиции, в простоте и выразительности деталей, по характеру и трактовке близких народной деревянной резьбе, в широком использовании полихромии. Оленев – мастер лирического образа. В памятниках его живет наивная непосредственность, незамутненно-идеальное, первоначальное чувство, что так нас пленяет в произведениях народного искусства.

Архитекторы пытались выверять найденные решения, сравнивая их с образцами. Вот что рассказал ректор МАрХИ Андрей Чалдымов (Военпроект) о собственном опыте, выступая на совещании ССА и ССХ по вопросам мемориальной архитектуры в июне 1946 г.:

...Нечего бояться национальных форм. Я подчеркиваю значение первых попыток создания надгробия национального характера. Обычный столб – символ захоронения одного человека, потом – перекрытие, потом икона или крест. Эта форма вызывается не только соображениями эстетики, но и тектоники. Поэтому, когда в 1943-м пришлось думать о современной форме – форме звезды, очень много понадобилось уделить внимания тому, как этот элемент «устроить», как создать общую композицию памятника, как разместить звезду, ничего не приукрашивая, а дать такую чистую форму. Я сам составил сравнительную таблицу. Если сделать кладь из этих звезд, получится «еж». Представьте себе море остроконечных звезд. Это будет не эстетично, и такая форма не уживется наряду с крестом. Звезду нужно

было на что-то поставить. Так появляется первая перекладина из простых конструктивных «снарядов», затем – наклонная плоская, которая дает образ покоя...⁴

В эскизах временных памятных знаков для братских захоронений архитекторы широко использовали элементы древнерусского деревянного зодчества, обогащая формы культурными смыслами и художественными ассоциациями.

Круглые деревянные «столбики» часто имели прямое сходство с элементами архитектурного декора XVII в. В более сложных композициях использовались мотивы шатрового покрытия или «сени». Следуя давней традиции возведения маленьких часовен у источников, архитекторы проектировали памятники-родники (Э. Знаменская). Некоторые разрабатывали в дереве форму мемориальной стелы (М. Дзисько и Н. Гайгаров. Военпроект). Выразительными акцентами памятной стелы у Дзисько явились насквозь прорезающие бревенчатую стену сруба узкие вертикальные отверстия-бойницы. В проекте Гайгарова мемориальная стела, сложенная из вертикально стоящих обугленных бревен, напоминала о тысячах сожженных дотла деревень. Это были уникальные произведения архитектурной графики, показанные на выставке «Героический фронт и тыл» (1943), а сегодня хранящиеся в музейных коллекциях.

В рассказах и очерках военкора «Красной звезды», писателя Андрея Платонова мотивы умирания и смерти всепроникающи. Интерпретируя их, автор апеллирует к укорененным в сознании людей *культурным кодам*. Рассказы о войне, об убийствах и смертях у писателя становятся рассказами не просто о жизни, а о жизни бессмертной и вечной. «Вперед, ребята, смерти нет!» – звучит призыв к бою в рассказе «Смерти нет!» (1943). Это не фигура речи, а то, что подспудно живет и обнаруживает себя в моменты наивысшего душевного подъема, такой силы высокого жертвенного порыва, который способен победить смерть и запечатлен в христианском «смертию смерть поправ». «Народный интеллигент, рабочий философ», как называют Платонова отечественные исследователи-филологи, в экстремальной ситуации не только отваживается снова поднимать мучительные вопросы человеческого бытия, но и дает ответы – решительные и последовательные, выраженные страстно и поэтически захватывающе. Транслирует он их через (философ-

⁴ Из стенограммы совещания ССА СССР и СХ СССР по вопросам мемориальной архитектуры. 3–5 июня 1946 г. // РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 185. Л. 67–68.

ствующих Платонов Каратаевых) духовных героев его военных рассказов. В годы войны идеи автора, близкие ноосферному видению, выражены в мире чувствующих и размышляющих его персонажей, их поразительном «упорстве в бытии». Так, будничным, но необычным предстает в газетном очерке А. Платонова «Присяга» ритуал поминовения. Автор неторопливо повествует как о событии повседневной фронтовой жизни (ее «суровых буден») [Семенова 2004, с. 324–342] – посещения бойцами могил павших товарищей. И атмосфера, в которой совершается это тихое прощание перед новым боем, и с трудом произносимые непривычные слова ротного с фамилией героя романа «Чевенгур», которые как будто всплывают из глубин памяти. Все это совсем не похоже на ставшую вдруг неуместной громогласную риторику «национально обесцвеченных» революционных ритуалов. «Старинные» слова, речевые формы и обороты наполняют речь командира новыми смыслами, аллюзиями и коннотациями, расцветчивают ее новыми красками. В словах Чепурного «сюда, в землю, навечно легли наши люди», «ради того, чтобы отвести смерть от нашего народа» прочувствована «родотворная, жизнехранительная и жизнеспасительная» крестьянская основа народа. В словах командира «они узнали гибель за нашу Родину» выражено пробуждение национального самосознания, объясняемое остротой исторического момента, когда личное и общественное объединяются для борьбы с общим врагом, а само пространство смыслов, вкладываемых в понятие «Родина», превращают его в территорию большого компромисса (национального самосознания, религиозного сознания, революционного сознания).

В особом комментарии нуждаются слова «святые» и «душа» – ключевые понятия русской языковой картины мира. Понятие «святость» появляется в православии с IX в. В новое время при доминировании светской или атеистической идеологии культурные парадигмы видоизменяются, первичные смыслы вытесняются, а слова остаются, и значение их трактуется в расширительном (переносном) смысле. В данном же тексте, рожденном наивно-языковыми представлениями, значение слова определенно смещается, приобретая сакральный оттенок. В очерке Платонова «Труженик войны» (март 1943) в центре внимания автора и его героя оказывается понятие «душа». Иван Толокно смотрел на надвигающийся танк, «и жалость к себе в первый раз тронула его сердце». Он работал всю жизнь, он уставал, он терпел... А теперь в него стреляют, хотят убить, чтобы сама память об Иване исчезла в вечном забвении, словно человек и не жил на свете. «Врешь! Не возьмешь! – подумал Толокно в минуту наступившей гибели. – А мне смерть, так душа останется. Должна бы остаться. Наверное, Родина и есть

душа». Душа – вместилище скрытых мыслей и чувств человека. В лексиконе господствующей идеологии этого понятия просто не существует. Так в содержании слова Родина, включающем в себя целый мир воспоминаний, переживаний и мыслей человека, его упований, с возвращением чувства божественной природы человеческой сущности отодвигается и сужается доля идеологической составляющей.

Фразеологизмы из речи командира: «они пережили высшую судьбу воина и выполнили свой долг, не щадя крови и самой жизни» и «стали святыми людьми в вечной памяти нашего Отечества» восходят к воинской риторике, к героике Отечественной войны 1812 г.

Об общей тенденции обращения к отечественной традиции свидетельствует статья П.Н. Максимова в уже упоминавшейся коллективной монографии, где он уделяет большое внимание теме воинской доблести и славы в архитектуре русского классицизма.

Созданный в годы войны по инициативе Г.П. Гольца и А.Г. Габричевского отечественными учеными труд посвящен мемориальной теме в архитектуре. Анализ исторического опыта искусства, припоминание и интерпретация культурной традиции, соотнесение этого опыта с современностью, продемонстрированные принявшими участие в работе над книгой историками архитектуры, искусствоведами и археологами, дополняет картину духовного климата эпохи. Название коллективной монографии «Мемориальная архитектура» (1943–1946) было не совсем привычным для уха. Выступающий в роли составителя и редактора Габричевский в вводной статье дает пояснения:

Рёскин в свое время писал об архитектуре: «Мы можем жить без нее и почить без нее, но вспоминать без нее мы не можем», и продолжает мысль, утверждая, что архитектура всегда в известной мере мемориальна, и, прежде всего, как памятник человеческого труда и человеческого искусства. Это ее качество находит себе выражение в системе художественных признаков, которую мы называем монументальностью [Габричевский 2011, с. 303].

Главная особенность концепции Габричевского – расширение границ коллективного исследования, выход за пределы мемориальной архитектурной типологии в широкое пространство культурной памяти.

Один из авторов данного коллективного труда В. Блаватский в статье о памятниках античной Греции (1943–1946) открывает ценности античной культуры, расшифровывая или находя аналоги

архитектурным и пластическим формам в поэтических образах. Демонстрируя связь классического образца с героическими и гражданственными идеалами древних эллинов, автор привлекает эпитафии (эпиграммы) в переводах В.А. Жуковского.

Мертвым внесли на щите Фрасибула в родную Питану / Семь от аргивских мечей ран получил он в бою / Все на груди были раны. И труп окровавленный сына / Тинник старик на костер сам положил и сказал: / Пусть малодушные плачут, тебя же без слез хороню я / Сын мой. Не только ведь мой – Лакедемона ты сын (Эпиграмма Диоскурида о спартанцах).

В битве отвага, Проарх, тебя погубила и смертью / Дом ты отца своего Фидия в горе поверг, / Но над тобой поет эту песню прекрасную камень / Песню о том, что погиб ты за отчизну свою (Эпиграмма Аниты) [Блаватский 2011, с. 311–312].

Ярко выраженное героико-патриотическое содержание поэтического образа напоминает о себе как о первоисточнике отечественной классической традиции, которой надлежит следовать при создании произведений одического звучания, близких таким типам мемориальных сооружений, как монумент, здание мемориального характера и архитектурно-скульптурный ансамбль.

Образы античности, воскрешаемые в разновременных стилевых интерпретациях, обозначают самую устойчивую тенденцию в проектах военных лет и объединяют авторские трактовки мастеров под общим определением классичности.

Проекты мемориальных сооружений и ансамблей, выполненные в годы войны, по характеру авторского диалога с источником вдохновения можно разделить на две группы. Первую составили своеобразные проекты-вариации, где интерпретатор-автор наиболее близок к первоисточнику. По этим работам можно судить, на какой образец он ориентировался, что считал возможным и необходимым заимствовать из исторического опыта и перенести на современную почву. К первой группе можно отнести проект монумента героическим защитникам Ленинграда на Пулковских высотах А.В. Щусева. В проекте, задуманном в виде развитой пространственной композиции, доминирует тема классичности. От центральной группы ансамбля – триумфальной колонны, венчаемой скульптурой, вниз с холма спускается широкая многомаршевая лестница, обрамленная колоннадой⁵. Колонна монумента,

⁵ Собрание ГНИМА. Проект датирован 1944 г. Опубликовано в 1952 г. [Соколов 1952, с. 289].

лестница, аллея, рассекающая ландшафт, бассейны с фонтанами, расположенные на площадках лестницы и далее вдоль аллеи, обозначили центральную ось ансамбля, выходящую далеко за его пределы и являющуюся композиционным стержнем, относительно которого организуются прилегающие к нему территории. По обе стороны от аллеи пролегли зеленые ленты газонов, а за ними – две крупные магистрали. Языком классики автор формулирует две универсальные идеи: создание триумфального ансамбля, мощный пространственный размах которого проникнут духом благородной величавой торжественности, и образа светлой радостной гармонии, который рождают пронизанные светом, окутанные воздухом белые колоннады и сверкающие каскады фонтанов. Проблема выражения современного содержания в памятнике приобрела особую остроту в рассматриваемый период, так как в искусстве, ориентированном на освоение наследия, современное художник выражал, оперируя традиционными формами. В такой ситуации смена источника вдохновения становится выражением современного содержания. В качестве источника вдохновения важную роль начинает играть отечественная традиция. Обращение к наследию средневекового зодчества отмечается уже в самых ранних проектах. Светло и лирично звучит тема белокаменного древнерусского зодчества, навеянная образами новгородской архитектуры, в проекте ансамбля пантеона партизан А.А. Масленникова (1942)⁶ (рис. 1). Она находит выражение в многоярусной композиции сооружения, в скульптурной пластике его объемов, в богатстве и разнообразии орнаментальных мотивов (поребрика, ширинок, аркатурных фриз), выявляющих логику членений архитектуры, погруженности в природу. Критика быстро заметила и доброжелательно реагировала на интерес зодчих к памятникам средневековья. Выступавший против «всеядности и беспринципности эклектики», против «слепого подражания» в архитектурных стилизациях, по отношению к удавшимся, с его точки зрения, проектам, критик замечал: «Здесь удачно введены некоторые элементы русской архитектуры» или «мотивы древнерусского зодчества (перспективные порталы, аркатурные фризы) включены в композицию без архаизирующей нарочитости»⁷.

⁶ Собрание ГНИМА. Проект выполнен в 1942 г. Опубликовано: Архитектура СССР. 1944. Вып. 6. С. 14.

⁷ Д. А. [Д. Аркин] Монументы героям Великой Отечественной войны. Заметки о конкурсе // Архитектура СССР. 1944. Вып. 5. С. 3–11. Стенограмму выступления Аркина на обсуждении проектов Всесоюзного конкурса (1 марта 1943 г.) в Союзе архитекторов, которая была положена в основу рассматриваемой статьи, см.: РГАЛИ. Ф. 2606. Оп. 1. Д. 64. Л. 11–11об.

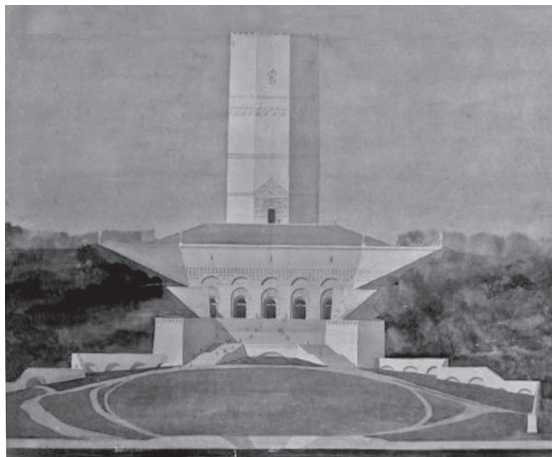

Рис. 1. А. Масленников. Пантеон партизан, проект (фасад), 1942–1943 гг.

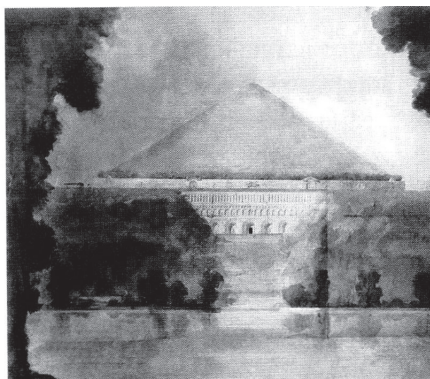
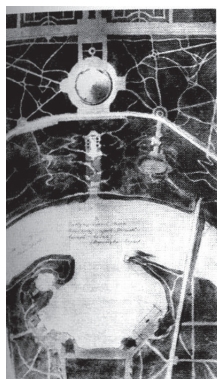

Рис. 2. Н. Гайгаров, П. Скокан. Пантеон партизан, проект (генплан, фасад), 1942–1943 гг.

Конкурсные проекты архитекторов Г.А. Захарова, Н.И. Гайгарова, П.И. Скокана (рис. 2), А.К. Масленникова, М.Ф. Оленева, интерпретировавших обозначенную ретро-тему, встретили одобрение в профессиональной среде, назывались среди лучших при обсуждении на выставках и в архитектурной печати. Переориентация в выборе источника вдохновения, обращение

к национальным традициям России и народов СССР, а также их национальной классике обогащали произведения новыми смысло-образами, углубляли содержание памятника.

Поворот в культуре, выразивший настроение разных слоев общества, не встретил сопротивления и у власть предержащих, которые вынуждены были ослабить идеологический прессинг. Еще недавно безжалостно разрушавшая и уничтожавшая храмы и монастыри своей страны власть вынуждена была изменить политику. В мае 1942 г. на V сессии Академии архитектуры было принято «Обращение к прогрессивной мировой общественности».

Те из вас, – говорилось в нем, – кому дорога память о славном прошлом своих народов, внесших в сокровищницу мировой архитектуры плоды своего творческого гения, должны всеми возможными средствами разоблачать варварское лицо фашизма и помогать делу его уничтожения...⁸.

А в апреле того же года выступавший на X пленуме правления Союза архитекторов его глава архитектор Каро Алабян отмечал:

Мы сумели по-новому понять и оценить не только красоту древних храмов, кремлей, монастырских ансамблей Москвы, Владимира, Новгорода, Пскова, но и художественную роль архитектуры Ленинграда...⁹

Воззвание к народам мира о сохранении культурного наследия, так же как объявление начавшейся войны отечественной, свидетельствовало о тектонических сдвигах в идеологии и политике Советского государства.

В многочисленных набросках архитектора Л.В. Руднева (1944)¹⁰ варьируются мотивы шатрового и крепостного зодчества XVII в. Их, конечно, нельзя считать законченными произведениями, но ясно проступающий в них образ прототипа помогает понять, что именно привлекло в нем архитектора. В ряде рисунков разработаны варианты многоярусного шатрового покрытия для завершающей части здания музея Славы. Один из набросков, подцвеченный акварелью, прекрасно передает характер сельского зимнего пейзажа с высокими пригорками, обрывистым берегом, тропинкой, спускающейся к реке.

⁸ Из истории советской архитектуры 1941–1945 гг.: Материалы и документы. М.: Наука, 1978. С. 43–44.

⁹ Алабян К. Задачи архитекторов в дни Великой Отечественной войны // Материалы X Пленума ССА СССР. 22–25 апреля 1942 г. С. 17.

¹⁰ Собрание ГНИМА.

Рис. 3. М. Оленев. Пантеон партизан, проект (разрез), 1943 г.

Здание, стоящее высоко на пригорке, лестница, ведущая к нему, пропилены, скульптурные группы, расположенные по ходу движения, образуют целый ансамбль. Царящее над всем окружением здание живо напоминает шатровые колокольни XVII в. – выразительные доминанты русского пейзажа. Таким образом, становится понятным, что интересовало архитектора, что выделял он как особое достоинство древней архитектуры. Прежде всего это принцип включения здания в пейзаж, характер доминирования (выразительность силуэта, легкость, ажурность построек, подчеркиваемая богатством орнаментального декора), яркое сочное многоцветье (красное, белое, зеленое), ансамблевое решение этих сооружений.

Архитектору М.Ф. Оленеву, который, по словам Ю.Н. Швердяева, «не принял ордерного варианта классики и задышался в пилонной архитектуре»¹¹, импонировало то органическое единство формы, конструкции и декора, которое было присуще средневековой архитектуре. Эскиз пантеона партизан*¹² (рис. 3), выполненный архитектором в 1943 г., стоит в ряду проектов-вариаций, своеоб-

¹¹ Стенограмма выступления Ю.Н. Швердяева 21 февраля 1978 г. в Центральном Доме архитектора на вечере, посвященном творчеству М.Ф. Оленева в связи с 70-летием со дня рождения // Архив ССА СССР.

¹² Отмеченные звездочкой здесь и далее развернутые анализы проектов приводятся из моих первых публикаций материалов Музея им. А.В. Щусева [Малинина 1991, с. 145–167].

разных творческих исследований, которые имели цель выявить в историческом материале ценные композиционные, пластические идеи, использовать и развить определенные принципы синтеза искусств. Автор прибегает к особому способу разработки проекта – к эскизной, броской, обобщенной трактовке архитектурной идеи, к метафоризации самих художественных средств, подчеркивая импровизационный характер замысла и его воплощения. По форме здание напоминает столпообразные сооружения XVI в. и вызывает ассоциации с хорошо знакомыми, легко узнаваемыми образами древнерусских храмов-памятников, возведением которых отмечались важные вехи истории Русского государства. Во внешнем облике сооружения автор акцентирует внимание на пластической выразительности монохромной архитектурной формы, еще более усиливая впечатление пластической мощи введением легкого растительного орнамента фресковой росписи, покрывающей стену верхней открытой галереи и грани фонарика, венчающего сооружение. В разрезе четко выявлена конструкция здания. Его конструктивным стержнем является мощный столп-опора (полый внутри), который, поднявшись вверх, как могучее дерево, переходит в широкую «крону» сводчатых перекрытий, а далее «прорастает» в шатровую часть, где служит опорой для тонких жестких ребер, несущих покрытие.

Во внутреннем убранстве здания важная роль отводится цвету. Колористическая разработка оформления интерьера, поданная эскизно, дерзко утрированно, идет от образного языка народного искусства, древнерусской иконописи и фресковой росписи. Цвет, ложащийся крупными пятнами, аппликативно, становится то плотным и насыщенным, то мягким и прозрачным. Глубокий темно-зеленый тон окраски сводов в крутых свободных росчерках затейливых золотых завитков растительного орнамента (символ возрождения жизни, весны, плодородия) сочетается с охристыми, терракотовыми тонами окраски стен, перебиваемыми сильными энергичными ударами киноварно-красного цвета.

Монументальная живопись, располагаемая по принципу ленточной ярусной росписи, в пять ярусов покрывает поверхность центрального столпа, повествуя об истории партизанских войн в России. В эскизах росписи талантливый живописец М.Ф. Оленев, сам неоднократно выполнявший монументальные работы¹³, хоро-

¹³ Архитектор М.Ф. Оленев выполнял росписи шлюзов на р. Яузе, построенных по проекту Г.П. Гольца (1939–1940 гг.), фрески жилого дома на Большой Калужской улице (архитектор Г.П. Гольц, 1939–1940 гг.). Фрески для клуба на станции Железнодорожная были сделаны Оленевым в соавторстве с Ю.Н. Шевердяевым в 1944 г.

шо чувствовавший и понимавший специфику монументального искусства, исходит из приемов средневековой стенописи. Проект Оленева явился интересным опытом творческого исследования, современного «прочтения» произведений, вошедших в сокровищницу национальной культуры.

Эта ветвь освоения традиции, практически не получившая дальнейшего развития и углубления, сильно видоизмененная господствующим стилистическим направлением, все-таки имела важное общекультурное значение, участвуя в возрождении утраченных связей с отечественным наследием в проектах восстановления центров городов (Новгород, Киев, Воронеж и т. д.).

Архитекторы, испытывавшие влияние ар-деко, проявляли интерес к строгой лаконичной и масштабной архитектуре Древнего Востока, конструктивным достижениям средневекового зодчества, наследовали ряд характерных черт брутального модерна (в принципах синтеза, колорите, декоре, скульптуре). Эта ветвь модернистской архитектуры испытала сильнейшее влияние экспрессионизма. Одной из наиболее характерных и ярких работ этой группы является проект архитектора А.М. Альбанского¹⁴ (рис. 4). Мемориальный ансамбль здесь превращается в памятник скорби о погибших. В проекте Альбанского явно проступают черты модерна. Для отечественных мастеров обращение к модерну было способом приблизиться к выразительному языку экспрессионизма, который не признавался в те годы ни академической школой, ни бывшими конструктивистами. Тем не менее в стилистике Альбанского слышны отзвуки экспрессионизма, что нашло выражение в образном строе задуманного ансамбля.

Ко второй группе следует отнести проекты, в которых на основе авторской интерпретации создавалась форма, построенная на таком ассоциативном ряде, который давал возможность воспринять ее в конкретном историческом контексте. Такой проект переставал быть просто вариацией на тему и превращался в самостоятельное произведение, выражающее современное содержание. В этих работах уже выкристаллизовывалась своя стилистика, характерная для данного времени. В проектах, интегрировавших различные тенденции, проявленные в эскизных, вариационных разработках, переплавлены и приближены к современному языку архитектуры, который формировался в те годы на основе взаимодействия авангарда и классики. При этом интонационный строй ансамбля иногда меняется, героический образ окрашивается лирическим настроением.

¹⁴ Собрание ГНИМА.

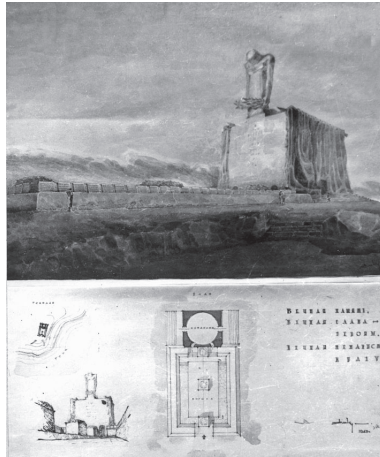

Рис. 4. А. Альбанский. Мемориальный ансамбль, проект, 1943 г.

В стилистике Г.П. Гольца доминирует влияние ренессансной образности. Дух античности более явственно проступает в пластических аранжировках его архитектуры. Сильным эмоциональным акцентом, дающим настрой образному решению всего ансамбля центра Сталинграда, стал монумент исторической битвы в проекте зодчего¹⁵. Сложенная из каменных блоков 25-метровая стена должна была встать на высоком правом берегу Волги, замыкая перспективу главной улицы города как символ мужества и стойкости. Со стороны реки стена прорезана несколькими рядами нешироких продолговатых ниш, как бы преодолевающих статику материала, зрительно «облегчающих» сооружение и создающих впечатление движения, «роста». В аттиковой части помещена рельефная композиция. Сторона, обращенная к городу, служит фоном для скульптуры. Ее гладкая поверхность прорезана двумя арками, открывающими вид на Волгу, и двумя лентами углубленного скульптурного рельефа у основания. Переход от архитектурной формы к круглой скульптуре последователен и органичен. Он идет по линии нарастания пластической наполненности формы – от богатой светотенью пластики сложенной из камня стены к углубленному рельефу,

¹⁵ Местонахождение упоминаемого варианта проекта неизвестно. Опубликовано О.А. Швидковским: История русского искусства. Т. XIII. М.: Искусство, 1964. С. 313.

от него – к барельефу и, наконец, к круглой скульптуре. Тема движения, развития, рождающаяся уже в архитектуре, подчеркнутая ее членениями, пропорциями, проявляющаяся в постепенном пластическом насыщении форм, завершается стремительным порывом фигуры «Ники» (1943). В этот образ, переполненный счастливым, ликующим чувством, как бы перелилась радость народа, его предчувствие победы жизни над смертью.

Проекты В.Ф. Кринского (рис. 5), М.Я. Гинзбурга, А.К. Бузова (рис. 6, 7) примечательны тем, что в них ярко проступает одна из основных тенденций стилеобразования архитектуры 1940-х гг., которая получает выражение в попытках создать некую конструктивно-тектоническую систему на основе современных достижений инженерной мысли, технических возможностей и материалов (металл, бетон, стекло). Художественная интерпретация ее осуществляется по принципу подобию классическим образцам. Сооружения в проектах этих архитекторов, по силуэту напоминавшие зиккураты, пирамиды, Колизей, в сущности, являлись современными, конструктивными, лишенными тяжести и статики своих прообразов. Облик мемориальных сооружений, имевших сходство с архитектурными сооружениями прошлого, призван был укрепить представления о ценностях, накопленных многовековым опытом художественного творчества и их вечности. Тема вечности, преломленная символически, в образе вечно прекрасного, созданного руками человека, утверждает победу созидания над силами разрушения (рис. 8, 9).

Здание пантеона партизан в проекте В.Ф. Кринского*, получившее форму усеченного конуса, ярусными членениями и круглым планом напоминавшее Колизей, представляло собой могучее brutальное конструктивное сооружение из камня, бетона и металла¹⁶. Четко выявленные горизонтальные членения здания образовали четыре яруса. Ритм убывающих кверху, как бы «сжимающихся» колец уступчатого объема подчеркивал его динамическую устремленность, «снял» ощущение массивности и статичности форм, но при этом сохранялось общее впечатление brutальной мощи крепкого «мускулистого» сооружения. Это движение убывающих кверху объемов здания подхватывалось и развивалось в «живом» выразительном движении скульптурных фигур, венчающих его. Брусчатая многоступенчатая кладка мощных контрфорсов и стен нижнего яруса, наружных лестниц, широких и глубоких проемов галерей второго яруса и, наконец, кольцо витража последнего,

¹⁶ Собрание ГНИМА. Проект представлен на Всесоюзный конкурс памятников 1942–1943 гг.

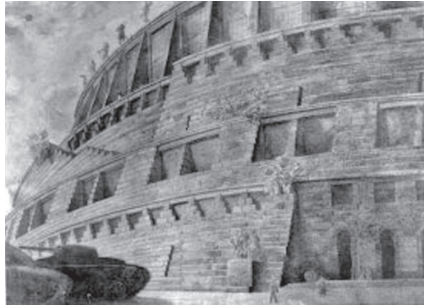

Рис. 5. В. Кринский. Пантеон партизан, проект, 1943 г.

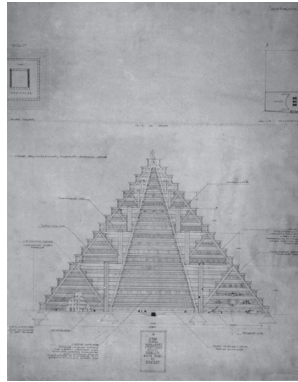

Рис. 6. А. Буров. Музей обороны Сталинграда, проект (разрез), 1944 г.

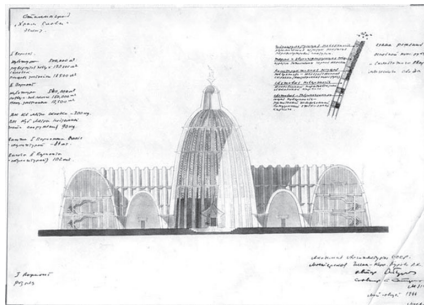
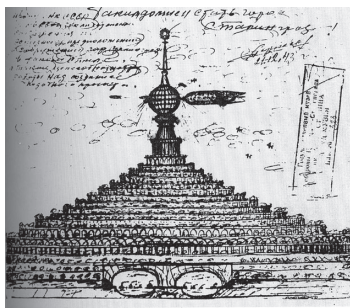

Рис. 7. А. Буров, С. Сатунц. Храм Славы, проект (разрез), 1944 г.

А. Черкасов
«Таковы
должны быть
г. Сталинград».
Рисунок,
присланный
на всесоюзный
конкурс
из Действующей
Армии. 1944

Рис. 8. А. Черкасов «Таким должен быть Сталинград», рисунок, присланный из Действующей Армии на Всесоюзный конкурс, 1944 г.

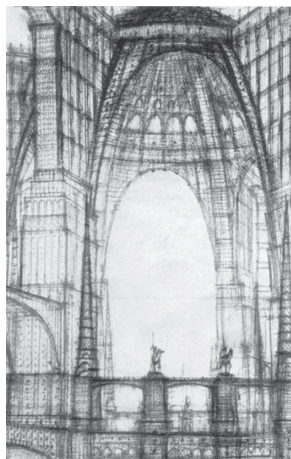

Рис. 9. Я. Черников. Пантеон, проект, 1946 г.

четвертого, яруса, члененного жесткими ребрами контрфорсов, держащих перекрытие, – все это создавало экспрессивную, драматическую коллизию пластической аранжировки фасадов пантеона.

В пояснительной записке к проекту¹⁷ указывалось, что здание должно быть выполнено в железобетоне, камне и кирпиче (особо

¹⁷ Проект выполнен на трех листах Р1а5090/1-3. Пояснение помещается на втором листе.

подчеркивалось, что «штукатурка для фасадов не употребляется»), скульптура, детали оформления – из бронзы, чугуна, гранита. По уступам здания, наряду со скульптурой и трофеями, должны были располагаться кустарники и небольшие деревья (искусственная посадка). «Зелень должна придавать наружному виду здания живописный характер», – подчеркивал автор.

В упоминавшейся уже статье Блаватского приведена эпитафия Анакреонту Антипатра Седонского. Одной строкой обозначен здесь основной мотив мемориальной архитектуры, активно привлекаемый к участию в раскрытии темы Бессмертия: «И сладостно плещет белая дышит плита» [Блаватский 2011, с. 313]. Это вечно-зеленое растение символизировало силу жизни и стойкость. Будучи одним из атрибутов Диониса, плющ связан с его мистериальным культом, в экстатических плясках которого человек, по выражению Ф.Ф. Зелинского, «убеждался в самобытности своей души, в возможности для нее жить независимо от тела и, следовательно, в ее бессмертии» [Блаватский 2011, с. 326]. В христианской иконографии плющ преемственно становится символом воскресения и вечной жизни.

В близости к природе видит А.С. Пушкин преимущество сельского кладбища перед городским, говоря об этом в строках стихотворения «Когда за городом, задумчив, я брожу...»: «На месте праздных урн и мелких пирамид, / Безносых гениев, растрепанных харит / Стоит широко дуб над важными гробами, / Колеблясь и шумя...». От Александра Пушкина до Арсения Тарковского («Иванова ива», 1958) в нашей культуре, в нашем сознании продолжает существовать образ древа – этот устойчивый мифологический и культурный символ жизни, который включает в себе символику вечности как знак бытия.

Художественному осмыслению роли природы в системе мемориального ансамбля внимание уделяли и архитекторы, работавшие над проектами памятников в годы войны. Ее неповторимый облик помогал придать образу памятника качество уникальности. Возможности пластической выразительности позволяли использовать ее как важное средство архитектурной композиции ансамбля. Наконец, с природой художник связывал представление о вечности. Природа становилась основным материалом, с помощью которого на местах массовых захоронений создавались своеобразные зеленые ансамбли. У Захарова¹⁸ – это высокие свечи укра-

¹⁸ Собрание ГНИМА. Проект выполнен Г.А. Захаровым в 1944 г. Опубликован в 1947 г., см.: Типовые проекты памятников братских и индивидуальных могил воинов Советской Армии, Военно-Морского Флота

инских тополей, торжественно обрамляющих пространство некрополя¹⁹. У Либсона²⁰ – снежные цепи величественных кавказских хребтов, создающие выразительный фон для памятного ансамбля. У Шпотова²¹ – зеленые, мягких очертаний холмы на берегах Дона или обрывистые утесы на крымском побережье, хранящие в себе могилы павших.

В.Е. Асс*²² использовал в проекте ансамбля военного некрополя не совсем обычный для мемориального произведения мотив сосен и отвел им совершенно особую роль, сделав важнейшим элементом композиции, построенной на выразительном контрасте горизонталей протяженных стен некрополя и вертикалей стволов сосен, высоко возносящих к небу свои кроны и осеняющих памятный ансамбль. Огражденное глухими каменными стенами пространство некрополя, монотонная ритмика прорезающих стены ниш с захоронениями – весь этот замкнутый, наполненный скорбной тишиной мир вдруг «взрывают», как звуки органа, взмывающие вверх сильные, стройные тела громадных сосен. Много лет спустя в проекте 1990-х гг. нового некрополя под Москвой (архитектор А.В. Боков) мы найдем явное и не случайное сходство с образным строем произведения В.Е. Асса.

В проекте мемориального ансамбля, выполненного Ю.Н. Шервядевым²³, как в фокусе, сошлось все характерное для художественных поисков военных лет. Основные архитектурно-пластические компоненты ансамбля: звезда, венчающая холм, и склоненные знамена у ее подножия ведут свою родословную от эмблематики и символики, пришедших в мемориальную архитектуру из агитационного искусства первых послереволюционных лет. Мощь, статика, физическая тяжесть, свойственная

и партизан, погибших в боях с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны: разработаны НИИ общественных и промышленных сооружений АА СССР / Под ред. Н.Я. Колли. М., 1947. Илл. 44.

¹⁹ Там же.

²⁰ Собрание ГНИМА. Проект представлен В.Я. Либсоном на Всесоюзный конкурс проектов памятников Великой Отечественной войны (1942–1943).

²¹ Проект представлен М.А. Шпотовым на Всесоюзный конкурс проектов памятников Великой Отечественной войны (1942–1943).

²² Собрание ГНИМА. Проект демонстрировался на выставке «Героический фронт и тыл» (1943–1944).

²³ Проект датирован 1943 г. Собственность семьи автора, другие варианты находятся в собрании ГНИМА.

тектонике традиционных мемориальных форм, уступает здесь место конструктивности и легкости архитектурно-пластических элементов, выполненных в современном материале. Сравнительно небольшая толщина знамен (в месте наибольшего утолщения равная 420 см), моделировка формы глубокими выемками и врезами, имитирующими складки, делают их легкими и стройными. Преувеличенный масштаб форм, подавляющих грандиозностью и величием, свойственный большинству проектов этого времени, уступает место формам, соразмерным человеку. Высота звезды – около двух с половиной метров. Курган также невысок. Верхняя его отметка находится на расстоянии 240 см от земли. Основание холма получает форму овала, длина которого по большей оси должна составить 2720 см, а по малой – 1920 см. Благодаря такому соотношению обширной площадки основания и небольшой высоты курган не только не теряет значительности, внушительности, а напротив, обретает спокойную эпическую монументальность. Отдавая дань времени, автор ищет близкие своему замыслу образы в прошлом. Выбор его падает на интересную традицию раннего русского классицизма, которой он следует в плане, масштабе и пропорциях ансамбля. Принцип композиции остается центрическим. Использование в плане эллиптической формы вместо окружности, сужение знамен к периферии, «распластанность» кургана, как бы стелющегося по земле, извилистая тропа вместо торжественных парадных ступеней ослабляют центростремительные усилия и дают возможность ансамблю органично войти в природу. Границы между мемориальным пространством и окружением практически стираются, рождая ощущение широты, свободы, покоя. Автор не выходит за пределы канонической системы, но пробивает в ней брешь, открывая дорогу свободному взаимодействию архитектуры с природой.

Как уже отмечалось, с природой художник связывал представления о вечности. Архитектор А.К. Барутчев (ЛО ССА), давая пояснения к проекту ансамбля Богословского кладбища, замечал: «Нам хотелось, чтобы уже в самой композиции участвовала природа. В основу <замысла> была положена идея «жизнь во имя жизни». Мы увенчали курган зеленой шапкой деревьев – зеленое молодое кладбище. И мы хотели, чтобы оно было как сама жизнь: летом – одно, весной – другое, зимой под шапкой снега – третье...»²⁴.

²⁴ Из стенограммы выступления А.К. Барутчева на совещании ССА СССР и СХ СССР по вопросам мемориальной архитектуры. 3–5 июня 1946 г. // РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 185. Л. 11–12.

Многое из того, что было найдено и оценено в начале пути, на первом этапе проектирования памятников Великой Отечественной войны (в проектах архитекторов Ю.Н. Шевердяева, В.Е. Асса, Л.Н. Павлова, М.Ф. Оленева, М.А. Шпотова, А.К. Барутчева) не нашло продолжения в первые послевоенные годы, но зато приобрело особое значение в период создания мемориальных ансамблей 1960–1970-х годов.

В наши дни молодые авторы мемориального комплекса на месте кровопролитных боев подо Ржевом (открыт 23 апреля 2020 г.) скульптор А.С. Коробцов, архитектор А. Фомин решились на создание пластического аналога метафоры стихотворения А.Т. Твардовского, опубликованного сразу после войны и рожденного, как признавался автор, особым чувством и состоянием души. Стихотворение это отмечено глубоким родством с философски-поэтическим миром поэзии И. Бунина, образами природы, проникнутой космическим мирозерцанием, в его произведениях. Бунинскому космизму свойственно понимание места человека в мироздании как малой части бескрайней и вечной Вселенной («Нет никакой отдельной от нас природы... каждое движение воздуха есть движение нашей собственной жизни...» [Сливицкая 2009, с. 217]. «Навечное обязательство живых, невозможность забвения, неизбежное чувство как бы себя в них, а их в себе», к выражению которых стремился Твардовский, пробуждают в его сознании образы поэзии Серебряного века, образы бунинской рефлексии, благодаря чему воображение поэта обретает свободу. Именно этими аллюзиями рождены лирический монолог погибшего и метафора жизни души независимо от тела, растворенности ее в природе, а стало быть, ее бессмертия.

Особенностью мироощущения военных лет было новое осмысление значения памяти как нравственной опоры человека [Malinina, Vyazemtseva 2019]. В его размышлениях и делах явно прослеживается движение к самоосознанию, самоидентификации на всех уровнях: и личного жизненного опыта, и постижения мира, и сложной духовной рефлексии. В этой трудной «работе» ума и сердца приобретался ценный духовный опыт.

Литература

- Блаватский 2011 – *Блаватский В.* Мемориальная архитектура античной Греции: Рукопись коллективной монографии «Мемориальная архитектура 1943–1946» // Память и время. Из художественного архива Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Сост. Т.Г. Малинина. М.: Галарт, 2011. С. 309–331.

- Ванеян 2014 – *Ванеян С.С.* Произведение искусства – от монумента к мнемотопу // Произведение искусства как документ эпохи / Под ред. Т.Г. Малининой Ч. 1. М.: БуксМАрт, 2014. С. 32–52.
- Габричевский 2011 – *Габричевский А.Г.* Введение к монографии «Мемориальная архитектура» // Память и время: Из художественного архива Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Сост. Т.Г. Малинина. М.: Галарт, 2011. С. 302–308.
- Максимов 2011 – *Максимов П.Н.* Мемориальная архитектура России: Рукопись коллективной монографии «Мемориальная архитектура 1943–1946» // Память и время. Из художественного архива Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Сост. Т.Г. Малинина. М.: Галарт, 2011. С. 371–406.
- Малинина 1991 – *Малинина Т.Г.* Тема памяти в архитектурных проектах военных лет. М., 1991. 216 с.: 227 ил.
- Семенова 2004 – *Семенова С.Г.* Метафизика русской литературы. Т. 2. М.: ПоРог, 2004. 512 с.
- Сливицкая 2009 – *Сливицкая О.В.* Космическое мироощущение И.А. Бунина // Труды объединенного научного центра проблем космического мышления. 2009. Т. 2. С. 213–240.
- Соколов 1952 – *Соколов Н.Б.* А.В. Щусев. М.: Госстройиздат, 1952. 386 с.
- Malinina, Vyazemtseva 2019 – *Malinina T.G., Vyazemtseva A.G.* I sacrari dei caduti in URSS nei progetti di architettura durante la Seconda Guerra Mondiale. Significati culturali, associazioni storiche e moderne mitologie // Per non dimenticare. Sacrari del Novecento / a cura di Maria Grazia D'Amelio. Roma: Palombi Editori, Tor vergata, Università Degli Studi di Roma 2019. P. 157–168.

References

- Blavatskii, V. (2011), “Memorial architecture of ancient Greece. Manuscript of the collective monograph ‘Memorial Architecture 1943–1946’”, Malinina, T.G. (ed.), *Pamyat’ i vremya. Iz khudozhestvennogo arkhiva Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* [Memory and Time. From the art archive of the Great Patriotic War of 1941–1945], Galart, Moscow, Russia, pp. 309–331.
- Gabricheskii, A.G. (2011), “Introduction to the monograph ‘Memorial architecture’”, Malinina, T.G. (ed.), *Pamyat’ i vremya. Iz khudozhestvennogo arkhiva Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* [Memory and Time. From the art archive of the Great Patriotic War of 1941–1945], Galart, Moscow, Russia, pp. 302–308.
- Maksimov, P.N. (2011) “Memorial architecture of Russia. Manuscript of the collective monograph ‘Memorial Architecture 1943–1946’”, Malinina, T.G. (ed.), *Pamyat’ i vremya. Iz khudozhestvennogo arkhiva Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* [Memory and Time. From the art archive of the Great Patriotic War of 1941–1945], Galart, Moscow, Russia, pp. 371–406.

- Malinina, T.G. and Vyazemtseva, A.G. (2019), “I sacrari dei caduti in URSS nei progetti di architettura durante la Seconda Guerra Mondiale. Significati culturali, associazioni storiche e moderne mitologie”, *Per non dimenticare. Sacrari del Novecento*. A cura di Maria Grazia D’Amelio. Palombi Editori, Tor vergata, Università Degli Studi di Roma, Roma, Italy, pp. 157–168.
- Malinina, T.G. (1991) *Tema pamyati v arkhitekturnykh proektakh voennykh let* [Memory topics in the war period architecture projects], Moscow, Russia.
- Semenova, S.G. (2004), *Metafizika russkoi literatury* [Metaphysics of Russian Literature], vol. 2, PoRog, Moscow, Russia.
- Slivitskaya, O.V. (2009), “The cosmic perception of the world by I.A. Bunin”, *Trudy ob’edinennogo nauchnogo tsentra problem kosmicheskogo myshleniya* [Proceedings of the United Scientific Center for Issues of Cosmic Thinking], vol. 2, pp. 213–240.
- Sokolov, N.B. (1952), *A.V. Shchusev*, Gosstroizdat, Moscow, Russia.
- Vaneyan, S.S. (2014), “A work of art – from a monument to a mnemotope”, *Proizvedenie iskusstva kak dokument epokhi* [A work of art as a document of the era], Malinina, T.G. (ed.), part. 1, BuksMArt, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Татьяна Г. Малинина, доктор искусствоведения, Научно-исследовательский институт теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, Москва, Россия; 119034, Россия, Москва, ул. Пречистенка, д. 21; tgmal01@yandex.ru

Information about the author

Tat'yana G. Malinina, Dr. of Sci. (Art Studies), Research Institute of Theory and History of Fine Arts of the Russian Academy of Arts, Moscow, Russia; bld. 21, Prechistenka Street, Moscow, Russia, 119034; tgmal01@yandex.ru

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
А.А. Леонтьева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Подписано в печать 29.03.2021.
Формат 60×90¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 10,0. Усл. печ. л. 10,4.
Тираж 1050 экз. Заказ № 1248

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rgggu.ru
www.knigirgggu.ru